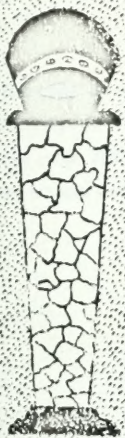
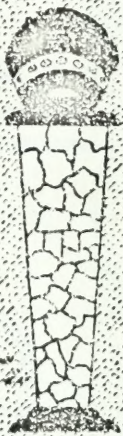
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00276488 4

357
2-D

Ю. АЛЕКСАНДРОВИЧЪ



ПОСЛѢ ЧЕХОВА



Т. II.

ИМПРИАЛЕНЪ-МОДЕРНЪ

И НАШИ КОРАЛИСТЫ.

LIBRARY
APR 21 1976
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3016
A43
t.2

Замѣченныя опечатки:

На стр. 35-ой 3-я стр. снизу послѣ слова „полигамія“ пропущено „и“

На стр. 36-й 7-ая стр. снизу напечатано: картинки; надо читать: картинами

На стр. 169-ой 6-ая стр. снизу пропущена фраза: Этого нельзя оправдать, но можно легко объяснить и понять.

Aleksandrovich, Yuri, pseud.

Ю. Александровичъ.

Posle Chekhova

Послѣ Чехова.

Т. II.

НИГИЛИЗМЪ-МОДЕРНЪ
И НАШИ МОРАЛИСТЫ.

Книгоиздательство „ОСНОВА".
МОСКВА.

PG5016
.A48

Slavic Division

317795
x2

Типографія А. П. Поплавскаго, Москва, Лихвинъ пер., соб. д.

Посвящается памяти

Николая Константиновича

Михайловскаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I глава. Общія черты нигилизма-модерна. Нигилизмъ соціально-политическій и этическій. Аполитизмъ. Ультра-индивидуализмъ. Наша внѣпартійность. Экономическій матеріализмъ и этика (теорія и практика). Журнальная вакханалія. Искусство для искусства. Всеобщая анархія. Распыленіе партій. Ростъ и новыя побѣды альманаха. Публицистъ въ альманахѣ. Бывшая интеллигенція и ex-революціонеры. Мы «европеизируемся»! Культурный хамъ. Женщина «fin de siècle». Правъ ли Вейнингеръ? Какъ мы относимся къ женскому движенію? Какъ мы «поднимали» женскій вопросъ? Да здравствуетъ уранизмъ! Фаллусъ, какъ знамя момента. Бракоразводъ и семья. Гдѣ интеллигенція? 8

II глава. Какъ мы пришли къ нигилизму? Возрастъ нашего нигилизма. Двѣ Россіи. Кризисъ народничества у Чехова. Національная литература прекратилась Чеховымъ. Отказъ отъ національнаго творчества. Лихорадка «европеизаціи». Какъ Лопухинъ слопалъ интеллигенцію. Нигилизмъ модернъ и нигилизмъ 60-хъ г.г. Крушеніе народничества. Апологія малаго дѣла. Непротивленіе. Битая интеллигенція. Свистопляска антинародничества. Какъ мы выбивали мужика, а выбили общественность. Ликвидація «народа», «пролетарія» и «общества». Нигилизмъ въ марксизмѣ. Модернизмъ. Самоуглубленіе и культъ личности. Доморощенное ницшеанство. Свистопляска индивида. Аморализмъ, аполитизмъ, антиобщественность. Что насъ погубило? Анархія ввоза. Декадентство, ибсенизмъ, ихъ этика. Апофеозъ безпочвенности. Трагедія нигилизма. Формула желѣзной рѣшетки. 55

III глава. Наши моралисты. Переполохъ и всеобщее моралпзованіе. Отъ порнографіи къ антифеминизму и походу на интеллигенцію. Разложеніе экономическаго матеріализма. Отъ марксизма къ идеализму. Неокантіанство и бернштейніанство. Этическій соціализмъ. Этика «проблемъ идеализма». Нигилизмъ въ идеализмѣ. Наши успѣхи по этикѣ. Соціальная мораль. Литературные итоги. Наша этическая наличность и гордость націи. Ницшеанство и этика. Экономическій матеріализмъ и этика. Критики 107

IV глава. Наши моралисты (продолженіе). Санинская полоса и ея критики. Вопросы половой этики и любви. Свободная любовь и семья. Въ поискахъ соціалистической морали. Михайловскій о половомъ и семейномъ вопросахъ 151

V глава. Пробужденіе національнаго сознанія. Походъ на интеллигенцію. Реабилитація народничества Отъ западничества къ славянофильству. Національнымъ въ соціализмѣ. Общіе выводы. Гдѣ выходъ? Молодая Россія или вырожденіе? 197

ОБЩІЯ ЧЕРТЫ НИГИЛИЗМА-МОДЕРНЪ.

I.

Общія черты нигилизма-модернъ.

Еще осенью 1908 г.,—такъ недавно!—мнѣ приходилось доказывать, что то, что переживаетъ русская интеллигенція послѣ появленія въ «Современномъ мірѣ» романа Арцыбашева «Санинъ», называется нигилизмомъ и что это не увлеченіе, не полоса, а цѣлая эпоха, по интенсивности своей нисколько не уступающая эпохѣ тургеневскаго нигилизма, но превосходящая ее. И что дѣло не въ «Санинѣ», а во всемъ тонѣ интеллигентскихъ переживаній эпохи крушенія идеаловъ. Тогда было, пожалуй, немного рѣзко съ моей стороны писать:

«Въ сравненіи со старо-нигилизмомъ мы переживаемъ ультра-нигилизмъ. Нигилизмъ тургеневскихъ временъ былъ младенческій лепетъ, былъ—дитя въ сравненіи съ нигилизмомъ, который мы, быстро катящіеся по наклонной плоскости реакціи, теперь переживаемъ. Какъ-никакъ онъ имѣлъ будущее, имѣлъ перспективы свѣтлыя, прекрасныя, здоровыя. У нашего нигилизма перспективъ нѣтъ, и его будущее—босячество, улица. Тотъ нигилизмъ, какъ-никакъ былъ предтечей великаго освободительнаго движенія въ Россіи, первой ступенью, первыми шагами дитяти революціонера. Нашъ нигилизмъ—могильщикъ. Мы—прежде всего бывшіе революціонеры, бывшіе люди, теперешніе босяки, обнажонные и обнажонныя и, въ лучшемъ случаѣ, «въ лохмотья яркіе пестро наряжены» («Сполохи» кн. IV.)

Теперь говорить такъ—значитъ говорить трюизмъ, общепризнанную истину, констатировать фактъ, котораго никто не скрываетъ и каждый видитъ и знаетъ.

Это облегчаетъ мою задачу. Не можетъ быть спора о терминѣ, не можетъ быть рѣчи о преувеличеніи, о сгущеніи красокъ, можно прямо перейти къ выявленію философіи нео-нигилизма и заняться вопросомъ о томъ, насколько ея тезисы проникли въ жизнь, отразились на ней и реализовались. Словомъ въ какомъ взаимоотношеніи находятся нынѣ литература и жизнь.

Поскольку современная литература представлена такими «идейными вождями», какъ Л. Андреевъ, А. Купринъ, М. Арцыбашевъ и А. Каменскій (отчасти Вербицкая)—выяснимъ ихъ коллективное міросозерцаніе, ту стройную систему нигилизма соціальнаго, политическаго и этическаго, которую они другъ друга пополняя и комментируя предлагаютъ современному русскому обществу.

Въ общихъ чертахъ нашъ нигилизмъ—въ утвержденіи того, что прежде было клеймомъ для каждаго культурнаго человѣка и въ отрицаніи всего, что было цѣнностями, накопленными вѣковыми усиліями лучшихъ поколѣній отошедшихъ. Нашъ нигилизмъ не въ атеизмѣ, какъ блаженной памяти нигилизмъ 60-хъ годовъ, а въ экстатически-религіозномъ поклоненіи тому, что съ объективной точки зрѣнія не можетъ и не должно быть предметомъ религіознаго экстаза, въ поклоненіи тому, что прежде было клеймомъ и тайной алькова. Онъ—въ слишкомъ поспѣшной переоцѣнкѣ цѣнностей, въ геростратовскомъ сожженіи храма искусства, наукъ и литературы, въ ликвидаціи самой культуры и культурныхъ пріобрѣтеній, въ атавизмѣ и культѣ первобытнаго дикарства, проводимомъ контрабандой въ качествѣ «философіи естественной жизни».

Въ частности нигилизмъ нашъ—въ уничиженіи этическаго начала, въ культивированіи матеріализма и въ тріумфальномъ провозглашеніи правъ не «человѣка и гражданина», а—«мяса и его вожделѣнія». Въ частности онъ—въ существованіи идейныхъ журналовъ, подобныхъ «Современнымъ мірамъ» и «Образованіямъ», наряду съ альманахами полной пригоршнью сѣющихъ идеи изъ лукошка «пролетар-

ского міровоззрѣнія» съ одной стороны и шныряющихъ въ широкія массы Санинныхъ, Виноградовыхъ и прочую «литературщину» Арцыбашевыхъ, Каменскихъ, Целдакскихъ и Сологубовъ—съ другой.

Словомъ нашъ нигилизмъ—нигилизмъ этическій, моральный и общественно-политическій.

И неоднократно правъ—правъ какъ это ни горько—кн. Евгеній Трубецкой, помѣстившій въ «Моск. Еженедѣльникѣ» статью: «Конецъ революціи въ современномъ романѣ»—эту перчатку, брошенную въ лицо русской интеллигенціи:

«Русская интеллигенція, по его словамъ, набросилась на новую драму и новый романъ съ такимъ же азартомъ, съ какимъ она въ дни революціи упивалась новыми политическими теоріями и программами. Поразительно, что однимъ изъ любимыхъ героевъ оказался типъ человѣка, который принималъ рискованное участіе въ политической борьбѣ, но бросилъ это дѣло, когда оно ему надоѣло. Я говорю о «Санинѣ» Арцыбашева. Этотъ герой съ его отрицаніемъ самопожертвованія, съ его равнодушіемъ къ общему благу и презрѣніемъ къ революціи, два года назадъ былъ бы предметомъ всеобщаго презрѣнія, теперь онъ вызываетъ энтузіазмъ и собираетъ вокругъ себя восторженную толпу подражателей... Черезъ весь романъ проходитъ контрастъ и параллель между настоящей, естественной жизнью, которую ведетъ Санинъ, и жизнью радикальной молодежи, которая представляется автору синонимомъ суетнаго, призрачнаго, противоестественнаго. Видно, что молодежь эта стала Санину не въ моготу; онъ не можетъ опредѣлять себя иначе, какъ по контрасту съ нею. (№ 17).

— «Вы мнѣ просто надоѣли своей тупостью и глупостью, и подите всѣ къ чорту», говоритъ онъ этимъ людямъ въ концѣ романа и, обращаясь къ Иванову, добавляетъ: «если бы тебѣ всю жизнь такъ упорно лѣзли подъ ноги эти вольнолюбивые молодые люди, такъ ты бы и не такъ ихъ пугнулъ.»

И далѣе: «съ какой стати я принесу свое «я» на поруганіе

и смерть для того, чтобы рабочіе тридцать втораго стол лѣтія не испытывали недостатка въ пищѣ и половой любви!.. Да чортъ съ ними со всѣми рабочими и нерабочими всего міра!..»

Или: «Что мнѣ Бебель!.. Болтунъ болтаетъ, другой будетъ болтать другое, а мнѣ все равно не сегодня-завтра умирать»... Я думаю, что когда вамъ, какъ мнѣ, придется умирать и знать навѣрное, что умираешь, такъ вамъ и въ голову не придетъ думать, что слова Бебеля, Ницше, Толстого или кого еще тамъ... имѣютъ какой-либо смыслъ!»

Эволюція отъ интеллигенціи, не только до послѣдняго часа жизни служившей идеаламъ соціализма, но, зачастую, шедшей на мученичество и смерть за идею—ясна. Для русской интеллигенціи настало время, когда ее есть чему учить и Трубецкимъ и получать назидательные уроки со страницъ мирно-обновленческой печати за измѣну тому, чему она служила въ 80-хъ и 70-хъ годахъ и даже позже—какіе-нибудь два-три года назадъ!

Трубецкой во всемъ винитъ россійскую соціалъ-демократію. Она по его мнѣнію «стоитъ на чисто-матеріалистической точкѣ зрѣнія: она видитъ сущность жизни въ удовлетвореніи исключительно матеріальныхъ, слѣдовательно, животныхъ потребностей; съ ея точки зрѣнія всѣ человѣческія идеи, въ томъ числѣ и наши представленія о правдѣ и справедливости—не болѣе, какъ отраженія, рефлексы экономическихъ отношеній въ человѣческихъ головахъ. Соціалъ-демократія прививала людямъ культъ матеріальнаго благополучія, какъ единственной и безусловной цѣнности; теперь изъ ея нѣдръ явилась Немезида: родился новый общественный типъ, который объявилъ, что великія идеи—пустяки, и во имя собственнаго благополучія возсталъ противъ самой соціалъ-демократіи. И этотъ врагъ, который подтачиваетъ изнутри,—безконечно опаснѣе тѣхъ, которые поражаютъ извнѣ. Истинный побѣдитель русской революціи—не реакція, а веселый хулиганъ, тотъ самый, который дѣйствуетъ по рецептамъ Санина. Въ Санинѣ выразилось настроеніе интеллигенціи,

извѣрившейся въ «глубокія мысли и высокія понятія». Говоря словами Арцыбашева, всѣ великія понятія—лишь пустыя, ничего непредрѣшающія въ необъятной тайнѣ жизни и смерти комбинаціи словъ и мыслей.»

А это и есть прежде всего нигилизмъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, и его громадное различіе отъ старо-нигилизма бросается въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ. Чѣмъ былъ нигилизмъ добраго стараго времени?

«Настоящій нигилизмъ, писалъ Кравчинскій, какимъ его знали въ Россіи, былъ борьбой за освобожденіе мысли отъ узъ всякаго рода традицій, шедшій рука объ руку съ борьбой за освобожденіе трудящихся классовъ отъ рабства.» Но... «въ основѣ этого движенія лежалъ безусловный индивидуализмъ. Это было отрицаніе во имя личной свободы всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ на человѣка обществомъ, семьей, религіей. Нигилизмъ былъ страстной и здоровой реакціей противъ деспотизма не политическаго, а нравственнаго, угнетающаго личность въ ея частной интимной жизни».

Первая битва была дана на почвѣ религіи путемъ пропаганды матеріализма. «Но нигилизмъ объявилъ войну не только религіи, но и всему, что не было основано на чистомъ и положительномъ разумѣ, и это стремленіе, какъ нельзя болѣе основательное само по себѣ, доводилось до абсурда нигилистами 60-хъ годовъ. Такъ, они совершенно отрицали искусство, какъ одно изъ проявленій идеализма». Нигилизмъ же поставилъ на матеріалистическую почву «женскій вопросъ». Но въ жизни, какъ показало время, онъ былъ и остался эгоизмомъ. Послѣ достигнутыхъ результатовъ,—тургеневскій нигилистъ уже не болѣе, какъ умный и утонченный эпикуреецъ.

Онъ такъ же далекъ отъ революціонера, какъ современный нео-нигилистъ. «Трудно себѣ представить болѣе рѣзкую противоположность. Нигилистъ стремится во что бы то ни стало къ собственному счастью, идеалъ котораго «разумная» жизнь «мыслящаго реалиста». Революціонеръ ищетъ счастья

другихъ, принося ему въ жертву свое собственное. Его идеалъ—жизнь полная страданій и смерть мученика».

Нео-нигилистъ, родившійся въ редакціи пролетарскаго «Современнаго міра», и заботливо поддержанный не менѣе пролетарскимъ «Образованіемъ», повторяю, сколокъ съ нигилиста 60-хъ гг., но сколокъ каррикатурный, ничтожный, по-просту, «веселящійся хулиганъ». Но идеологія ихъ одна и та же. И тамъ и здѣсь стройная система нигилизма. И тамъ и здѣсь основа для него—эпикурейскій гедонистскій индивидуализмъ. Санинъ возстаетъ противъ всяческихъ нормъ, его преобладающее занятіе—развѣнчаніе идеала, какъ цѣли жизни: «Моя жизнь—это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго, а что за предѣлами—чортъ съ нимъ». Понятія долга и морали ему ненавистны. Онъ—принципіальный аморалистъ: «нѣтъ на свѣтѣ ничего скучнѣе честнаго человѣка». Честнымъ людямъ онъ противопоставляетъ какъ положительную цѣнность—«мерзавца», который прежде всего «искренен» и «естественен». Цѣломудріе не представляетъ для него никакой цѣнности, самопожертвованіе—маска. Цѣль жизни—«прелюбы сотворить»: Чтобъ жизнь «не была мученьемъ, для этого нужно п р е ж д е в с е г о удовлетворять свои естественныя желанія». Подавленіе полового влеченія, даже разсудкомъ—признакъ скованности личности. Разнузданность похоти, бѣшенство пола—содержаніе жизни нео-нигилиста. Виноградовъ (Каменскій, «Люди») уже просто примитивный и отвратительный хулиганъ и «негодяй». Кретинъ съ головой барана и непомѣрно, чудовищно развитой половой сферой.

Такъ отъ нео-нигилизма неразрывный путь къ культу прелюбодѣянія—къ порнографіи. Родившійся изъ «матеріалистическаго пониманія исторіи» нео-нигилизмъ бросается въ объятія барковщины чистѣйшей воды. Ex-революціонеръ «Санинъ» «Современнаго міра» перевоплощается въ хулигана «Виноградова» въ «Образованіи» (А. Каменскій, Люди) и т. д.

Мы не ошибемся, если, не возражая пока кн. Трубецкому, скажемъ, что въ возрожденіи нео-нигилизма экономическій

матеріализмъ соц.-демократіи сыгралъ громадную роль и рѣшающее значеніе. Проводя въ литературу декадентство и порнографію, соціалъ-демократія, по выраженію Трубецкого, «утопаетъ въ порнографіи», она сама себя уничтожаетъ и обезсмысливается.

Мы не можемъ упрекнуть князя въ излишнемъ сочувствіи революціи, но то, что онъ говоритъ о роли соціалъ-демократіи въ дѣлѣ ея умерщвленія, блестяще:

«Если жизнь только матеріальна,—почему мнѣ не использовать для себя самого отведенный мнѣ короткій срокъ существованія; почему мнѣ не присвоить себѣ все пастбище? Чѣмъ мой индивидуальный эгоизмъ хуже коллективнаго и столь же животнаго эгоизма пролетаріата, и какое мнѣ до него дѣло?

«На всѣ эти вопросы соціалъ-демократія остается безъ отвѣта; въ этомъ и кроется источникъ ея неизбѣжнаго разложенія. Въ области матеріальныхъ интересовъ нельзя достигнуть объединенія душъ; въ этой сферѣ всякій хочетъ использовать для себя одного всю полноту матеріальныхъ благъ; а потому здѣсь человѣкъ человѣку волкъ. Единство «классоваго сознанія» прикрываетъ собою раздоръ противоположныхъ индивидуальныхъ интересовъ; когда онъ выступаетъ наружу,—соціалъ-демократическое движеніе распыляется на атомы. Этотъ процессъ распыленія начинается на нашихъ глазахъ. («Конецъ революціи въ современномъ романѣ»).

«Процессъ распыленія» мы видимъ между прочимъ и въ такихъ явленіяхъ, какъ съ одной стороны изданіе якобы объединенными марксистами сборниковъ «Литературный распадъ», а съ другой—скандальное «обновленіе» марксистами, порнографами и декадентами журнала «Образованіе», о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Въ томъ-то и дѣло, что марксистскій всѣ-дековскій матеріализмъ оказался на повѣрку просто нигилизмомъ дурного тона. Отсюда и существованіе «бывшихъ» журналовъ «Современныхъ міровъ» и «Образованій», нынѣ побирающихся

общій характеръ изданія. Объявляя журналъ внѣпартійнымъ, редакція тѣмъ не менѣе считаетъ себя обязанной сохранить прочную связь съ лучшими традиціями журнала, существующаго второе десятилѣтіе.

Посмотримъ же, какова «моральная отвѣтственность» и «лучшія традиціи» журнала, ибо ужъ очень онъ себя хвалитъ.

Съ только что вышедшей іюльской книжки всѣ отдѣлы, какъ литературный, политическій и критическій, дружески подѣлены главнымъ образомъ между марксистами и декадентами. И это нисколько не удивляетъ, ибо такъ всегда было. Всегда и всюду россійскій нео-марксизмъ протаскивалъ за собою въ литературу декадентовъ и модернистовъ (вспомнимъ марксистскіе и декадентскіе журналы «Жизнь», «Начало», «Новое Слово» и ихъ сотрудниковъ, позднѣе то же «Образованіе», «Міръ Божій», «Современный міръ», «Правда» и т. д.).

И теперь имена Мережковскаго, Гиппіусъ, Сологуба, Чуковскаго, Блока, Чулкова, Ант. Крайняго и Л. Фортунатова (И. Пильскаго) переплетаются съ именами Клейнборга, Л. Мовича, П. Берлина, Ст. Ивановича, В. Львова и т. д. Но, повторяемъ, не это удивляетъ. Есть здѣсь явленіе болѣе грустное, болѣе яркое для характеристики «моральной отвѣтственности» и «лучшихъ традицій».

Не далѣе, какъ пять мѣсяцевъ передъ этимъ вышла книга объединенныхъ марксистовъ «Литературный распадъ», въ предисловіи къ которой говорилось, что «общимъ для всѣхъ сотрудниковъ является признаніе принципіальнаго разрыва между творчествомъ современнаго декаданса (наконецъ-то!) и творчествомъ будущаго».

Принципіальнаго!

Мало того, тамъ же была помѣщена статья Ст. Ивановича, гдѣ авторъ приравнивалъ «Понедѣльничныхъ» критиковъ Пильскаго и Чуковскаго къ «литературной сволочи», пользуясь терминомъ Чуковскаго же. Характеризуя «Понедѣльникъ», онъ между прочимъ говорилъ: «изъ этого гнѣзда литера-

у рожденнаго «изъ ихъ нѣдръ» нигилизма и цинизма, черпающихъ свое вдохновеніе у Арцыбашевыхъ, Каменскихъ и Сологубовъ и представляющихъ въ своей распутности явленіе число реакціонное.

«Чтобы любить свободу,—говоритъ Е. Трубецкой,—и воодушевляться ею, нужно вѣрить въ достоинство человѣка, въ его коренное отличіе отъ низшей твари; чтобы любить ближняго, надо вѣрить въ непреходящій смыслъ его и нашего существованія, нужно признавать въ немъ неумирающую форму жизни; чтобы совершать великіе подвиги, надо вѣрить, что ими могутъ быть созданы вѣчныя, непреходящія цѣнности. Чтобы служить добру, нужно вѣрить въ добро, въ его всемогущество, въ его окончательную побѣду. Чтобы жертвовать собой для блага универсальнаго, всеобщаго, надо вѣрить, что это благо для каждаго изъ насъ является источникомъ вѣчной жизни и вѣчной радости. Всѣ великія идеи, нравственныя, правовыя и общественныя, неразрывно связаны съ вѣрой. Это общее ихъ предположеніе, общій ихъ метафизическій корень».

«Кто выдернулъ корень, тотъ не долженъ удивляться, что растеніе завяло» (ibid.).

Въ самомъ дѣлѣ, во что обратилась марксистская журналистика? Вотъ передъ нами 7-ая типичная для современнаго журнала книжка «Образованія» за 1908 г., какъ видно изъ предисловій, начинающая собой «новую эру» въ его существованіи. Кажется, будто съ ней умираетъ старое. На самомъ дѣлѣ она, конечно, давно умерла. Прежній редакторъ журнала доводитъ до свѣдѣнія, что по разнымъ причинамъ, о которыхъ онъ надѣется въ ближайшемъ будущемъ разсказать подробно, онъ **вынужденъ** отказаться отъ дальнѣйшаго изданія и редактированія «Образованія» и передаетъ свое право И. М. Василевскому (Не-Буква)—сотруднику петербургскаго «Понедѣльника».

Послѣдній сообщаетъ, что, принимая на себя матеріальныя обязательства передъ подписчиками,—новая редакція принимаетъ на себя и **моральную отвѣтственность** за

турныхъ ушкуйниковъ расползаются литераторы по всѣмъ городамъ и весямъ россійской литературы».

Прошло пять мѣсяцевъ.

«Литературные ушкуйники» расползались и снова сползались. И вотъ въ одно совсѣмъ непрекрасное время мы сначала въ объявленіяхъ, потомъ фактически въ составѣ новой редакціи «Образованія» видимъ комплектъ сотрудниковъ «Литературнаго распада» и сотрудниковъ «Понедѣльника». Святое единенье!

— Ты братъ... и я братъ... расцѣлуемся братъ!..

Въ одной и той же книжкѣ журнала имена «принципіально-моральныхъ» Ст. Ивановича и нашего стараго знакомаго, пожелавшаго скрыться подъ псевдонимомъ Л. Фортунатова (Пильскій). [1]).

Предположимъ, однако, что все это для начала «морально», и посмотримъ, какъ блюдетъ журналъ «лучшія традиціи». Чему онъ учитъ и что проповѣдуетъ.

Отдѣлъ беллетристическій.

«Опечаленная невѣста» Ѳедора Сологуба. Разсказъ иллюстрируетъ недавно промелькнувшее въ газетахъ сообщеніе о провинціальныхъ дѣвицахъ, находившихъ удовольствіе въ проводахъ чужихъ покойниковъ въ качествѣ «опечаленныхъ невѣстъ». На этой канвѣ авторъ построилъ напыщенный и шитый бѣлыми нитками фантастическій разсказъ, плодъ досужаго кабинетнаго измышленія,—«тюримую печаль», какъ угодно выражаться г. Сологубу. Изложеніе пестрѣетъ такими жемчужинами стиля: «садъ пламенѣлъ, залитый расплавленнымъ великолѣпіемъ драконовой лютой злости», «метался въ глазахъ неистовый день», «птичьи смѣхи», «шныряли ихъ длинные и тонкіе писки», «животворящій къ смерти огонь», «змѣино солнечный день» и пр. и пр. Кромѣ несуразнаго стиля разсказъ ничѣмъ не выдѣляется, никакого интереса не представляетъ, никакой идеи и просто смысла не имѣетъ и никакихъ традицій, конечно, не блюдетъ.

*) Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ «Весны» Шебуевъ установилъ тожество этихъ именъ.

Далѣе—повѣсть А. Каменскаго «Люди». Пока двѣ первыя главы. Выводится въ повѣсти какой-то досужій шарлатанъ, по увѣренію автора «изъ бывшихъ студентовъ», будто бы «не имѣющій собственнаго пристанища и поочередно живущій по чужимъ квартирамъ». Дѣвицы считаютъ его необыкновеннымъ человѣкомъ. «Говорятъ, онъ много причиняетъ страданій людямъ и притомъ считаетъ это своей священной миссіей. Онъ поселяется въ чужихъ домахъ какъ недобрый геній».

Удалось ему поселиться у нѣкоего профессора. И такъ просто:

— Вотъ я хожу и думаю,—обращается онъ къ профессору,—почему бы мнѣ ни отдохнуть у васъ? Порядокъ тутъ, вѣроятно, какъ заведенный, обѣдъ—слава тебѣ, Господи, воздуху и простору сколько угодно. Старичокъ, говорятъ, довольно забавный. А что касается дочки,—замѣчаетъ онъ отцу,—то съ какой стороны это васъ можетъ безпокоить? Матримоніальныхъ (брачныхъ) намѣреній у меня нѣтъ, а если что-нибудь другое, то отъ этого она не застрахована и на улицѣ (sic!).

Съ «дочкой» у героя разговоръ короткій. «Виноградовъ, такъ его звали, шелъ позади повелительнаго шлейфа и свѣтящагося золота волосъ и думалъ: «такъ начинается новая апостольская глава моей жизни». И поймавъ себя на вожделѣніи, внезапно восклицаетъ: «Вотъ тебѣ и апостольство и красота идеи», но быстро спохватывается: «не работать же непремѣнно среди уродовъ. Прежде всего надо спасать здоровыхъ, красивыхъ и сильныхъ. Если спасутся сильные, то кое-что перепадетъ и на долю слабыхъ».

Предыдущая «апостольская глава» или вѣрнѣе ея эпилогъ знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ «работаетъ» и какъ спасаетъ этотъ своеобразный миссіонеръ.

Разговоръ происходитъ въ домѣ профессора, полномъ гостей, между героемъ и прежней жертвой его «работы», которую онъ только что бросилъ:

— Я думала странно уѣзжать, когда...

— Я помогу вамъ договорить: когда вы были готовы присоединить къ моей безплатной комнатѣ и столу еще одно безплатное удобство...

— Боже!—почти застонала она и отдѣлила свою руку отъ его,—какая жестокость, какой ужасъ....

— Ни жестокости, ни ужаса,—холодно говорилъ Виноградовъ,—вы знаете, что проповѣдь моя была безкорыстной. Вы знаете, что я помогалъ вамъ найти васъ, съ вашимъ инстинктомъ кокотки, жаждущей уличнаго блеска и мишуры, и въ лучшемъ случаѣ съ вашимъ любопытствомъ къ мужчинѣ... О большемъ вѣдь вы и не мечтали... Чего же вы отъ меня хотите? Ощущеній?..

— Какъ вы грубы... хорошо: я хочу ощущеній.

— Прекрасно,—сказалъ онъ, останавливаясь и окидывая внимательнымъ взглядомъ ея стройное тѣло,—вы довольно соблазнительны сегодня... Хотите, пойдемъ ко мнѣ въ комнату сейчасъ?

Черезъ пять минутъ герой сообщаетъ ея мужу, на его просьбу сказать какую-нибудь жестокую правду:

— Жестокую?—засмѣялся Виноградовъ.—Съ удовольствіемъ: твоя жена только что хотѣла отдаться мнѣ. Но я раздумалъ, и теперь не знаю, когда это будетъ.

И еще:

— Уѣзжая, я укралъ у тебя книгу «Народы Россіи» и продалъ ее букинисту за 50 рублей. Книга довольно глупая, и тебѣ совершенно не нужна, но вѣситъ по крайней мѣрѣ пудъ. Если ты будешь издыхать съ голоду, ужъ такъ и быть, достану 50 рублей и отдамъ.

Таковъ новѣйшій «герой нашего времени», выставленный марксистскимъ «Образованіемъ» въ пику Санину—дитяти эсъдековскаго «Совр. міра».

Въ человѣкѣ вообще, а въ женщинѣ въ частности наряду съ идеальными чувствами спятъ, а иногда только дремлютъ, животные и низкіе инстинкты. Люди прежнихъ поколѣній, литераторы прежней закваски, «лучшихъ традицій» par excellence, цѣлью своего творчества ставили пробужденіе

идеальнаго въ человѣкѣ, пробужденіе человѣка и усыпленіе звѣря. «Наши» Санины-Арцыбашевы и Виноградовы-Каменскіе поставили себѣ другую задачу—будить въ женщинѣ инстинктъ кокотки (а въ какой женщинѣ его нѣтъ?) и усыплять въ человѣкѣ человѣка. Арцыбашевъ и Каменскій—дѣти эсъ-дековскихъ «Современныхъ Міровъ» и «Образованій»,—они немыслимы другъ безъ друга и другъ друга стоютъ....

Не менѣе моральныя картинки даетъ г. Чулковъ въ «Парадизѣ». Вотъ между прочимъ нѣкоторыя сентенціи:

— А я никогда не повѣрю, что мужчины отъ женщинъ заражаются,—другой налижется какъ сукинъ сынъ, а потомъ небось—женщина виновата.

И далѣе:

— Не брезгаю же я съ вами въ одной постели валандаться!

Или:

— Выпьешь по первой, будешь стервой,—выпьешь по второй—будешь съ головой,—выпьешь по третьей, будешь безъ смерти, выпьешь по четвертой,—будешь первосортный, пятой—бородатой и т. д. и т. д. и т. д.

Такая же любовь «на время» описана и въ остальныхъ повѣстяхъ и повѣстушкахъ: у Даманской (мать чуть не придѣтяхъ насилуетъ мужчину, явившагося передъ ней впервые), у Цельдакскаго (мальчикъ лишаетъ невинности дѣвочку) и даже въ переводныхъ. И вездѣ характерный для времени нигилизмъ, безстыжая обнаженность выраженій, какой-то изъ себя выходящій, изъ шкуры лѣзущій цинизмъ, пьяное распутство и грязное хулиганство. И все это вмѣстѣ именуется: журналъ «Образованіе». И это не случайность. Укажу тотъ же журналъ за 1907 г. № 12, цитировать изъ котораго я не рѣшаюсь...

Скажутъ: это «проблема пола». Нѣтъ, это голая порнографія. **Не даромъ въ журналѣ нѣтъ ни одной серьезной статьи этически-полового характера. Не даромъ и вообще вся наша «проблема пола» такъ подозрительно скудна изданіями и сочиненіями по половой этикѣ.**

Такова «моральная отвѣтственность» редакціи, таковы «лучшія традиціи», о которыхъ лепечетъ что-то г. И. Василевскій.

Въ отдѣлѣ «Журнальныя впечатлѣнія», судя по многократнымъ объявленіямъ, обѣщались статьи принципіально-моральнаго П. Пильскаго, о чемъ было оповѣщено и въ «Понедѣльникѣ». Потомъ вмѣсто «П. Пильскій» написали: «Петроній». Теперь же подъ статьей обѣщаннаго автора красуется: «Л. Фортунатовъ», при чемъ авторъ тутъ же скромно сознается, что и «сейчасъ имѣетъ честь и удовольствіе сотрудничать въ Вѣсахъ», и между прочимъ перепечатываетъ часть прежней статьи П. Пильскаго.

Пусть такъ. Не будемъ вдаваться въ вопросъ о томъ, для чего понадобилась такая мистификація читателя: «замѣтки» прекрасны сами по себѣ. Въ нихъ мы черпаемъ объясненіе поразительной анархіи въ редакціи этого съ позволенія сказать «журнала».

Нѣкто В. Бакулинъ въ «Вѣсахъ» позволилъ себѣ удивиться «какъ это «Современнымъ Мірамъ» и «Образованіямъ» не мѣшаетъ въ критическомъ отдѣлѣ отрицать то самое, что они печатаютъ въ первомъ отдѣлѣ».

Удивленіе понятное и естественное. Явленіе уродливое и постыдное для идейнаго журнала.

Л. Фортунатовъ сознается, что эти журналы дѣйствительно «безъ ансамбля». Но въ силу обычной непріязни своей къ журналу и тяготѣнія къ альманаху развязно привѣтствуетъ это «безъ ансамбля»:

«Невозможно, видите ли, легкомысленно и въ высшей степени самонадѣянно было бы со стороны журнала исключить и оставить за своимъ порогомъ цѣлое литературное направленіе.

«Неумно и странно было бы отказаться отъ творчества авторовъ только потому, что то или иное произведеніе разсорило отдаленные вкусы».

«Современная редакція возвращаетъ власть артистамъ и отнимаетъ ее у режиссеровъ, ибо она хочетъ не ансамбля трупп,

а цвѣтныхъ и пятнистыхъ, красочныхъ, индивидуальныхъ авторовъ. И я думаю она права».

Да. Но тогда зачѣмъ же называть свое изданіе «журналомъ», зачѣмъ узурпировать понятіе, съ которымъ связано тѣсно представленіе объ идейной, моральной, философской и соціально-политической дисциплинѣ, объ опредѣленной физіономіи, индивидуальности? Не лучше ли просто, безо всякихъ масокъ и фразъ молча лѣзть въ эту общую кучу всяческаго попустительства, въ которой уживаются и статьи А. Крайняго и Львова, взаимно исключающія другъ друга, и тогда не пришлось бы сопровождать все это никакими редакціонными примѣчаніями. Или уже сопровождать ими каждую статью или повѣсть:

— Охотно де давая мѣсто на нашемъ базарѣ ярко индивидуальной статьѣ г. Х.,—редакція даетъ отвѣтъ на нѣкоторые изъ возбужденныхъ авторомъ вопросы въ помѣщаемой ниже статьѣ г. Z.

И такія ссылки поставить подъ статьи Л. Фортунатова, К. Чуковскаго, Львова, А. Крайняго, Н. Ашешева, Ст. Ивановича, А. Измайлова,—декадентовъ и реалистовъ, марксистовъ и либераловъ, эстетовъ и циниковъ, порнографовъ и моралистовъ.

Разбирайся—кому охота—гдѣ тутъ редакція!

Горько, но надо сознаться: «литературные ушкуйники» всяческихъ направленій расползлись изъ своихъ гнѣздъ и наполнили своей безликой массой изданія, въ которыхъ имъ совсѣмъ не мѣсто. И превратили журналъ въ альманахъ, «Образованіе» въ «Легкое чтеніе» для прекраснаго пола и все наполнили своей безпринципностью, безыдейностью, безпардонностью.

Въ части прогрессивной печати воскрешеніе марксистами порнографіи было встрѣчено осужденіемъ. Особенно выдѣлилась въ «Рѣчи» статья Изгоева.

«Если какой-нибудь господинъ,—пишетъ онъ,—объединитъ ихъ для пропаганды порнографіи, если тѣмъ, что на ихъ огоньки идетъ ищущая, чистая молодежь, ловкій

дѣлецъ воспользуется для привитія молодежи порнографической заразы,—честные люди должны широко заклеймить это дѣло. Онъ, можетъ быть, создастъ выгодное дѣльце, но новый журналъ получитъ вполнѣ заслуженное прозвище журнала—лупанара. Вотъ мысли, на которыя наводитъ новѣйшая эволюція русскихъ журналовъ съ тѣхъ поръ, какъ въ «Совр. Мірѣ» появился «Санинъ». (А. С. Изгоевъ.) («Смѣсь изъ соціалъ-демократовъ, нео-христіанъ и порнографовъ»).

Журналъ вскорѣ былъ конфискованъ за порнографію и привлеченъ по 1001 ст. «Понедѣльникъ», конечно, обвинилъ во всемъ Изгоева. Вотъ его отвѣтъ:

«Когда я написалъ статью объ обновленномъ «Образованіи», я былъ, конечно, увѣренъ, что на меня обрушится родственное ему по духу понедѣльничное «Утро». Въ первый же понедѣльникъ послышалось сразу два шипѣнія, и понедѣльничные политики разразились угрозой, что не подадутъ мнѣ руки. Но такъ какъ этой чести я никогда не добивался и отъ литературныхъ промышленниковъ, торгующихъ, смотря по спросу, то эсъ-эрствомъ, то эсъ-декствомъ, то нео-христіанствомъ, то руководители «Утра» сообразили, что ихъ угроза на меня не подѣйствуетъ. Въ слѣдующій понедѣльникъ они прибѣгли къ болѣе сильному средству—къ инсинуаціи.

Чрезвычайно пристрастная и неприличная статья А. Изгоева въ «Рѣчи» объ обновленномъ «Образованіи»,—пишетъ «Утро»,—не осталась безъ послѣдствій: 7 книга «Образованія» на-завтра послѣ появленія статьи Изгоева конфискована. Какъ видите, «Образованіе» стало жертвой моего доноса. Какъ жаль только, что «Утро» не сообщаетъ, за нарушеніе какой именно статьи конфисковано «Образованіе», съ какого рода политическими мучениками мы имѣемъ дѣло. Ловкіе люди! Въ тотъ самый день, когда была конфискована книжка по тѣмъ же причинамъ, по которымъ полиція у продавцовъ неприличныхъ карточекъ конфискуетъ ихъ «товаръ», литературные торгаши настойчиво упрашивали петербургскія редакціи не печатать, что конфи-

скація произведена за порнографію. Эти господа желаютъ торговать порнографіей, кутаясь въ то же время въ плащъ политическихъ страдальцевъ!...

Изобличая меня, «Утро», конечно, ни словомъ не обмолвилось, что въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» беллетристика «Образованія» получила оцѣнку еще болѣе суровую, чѣмъ въ «Рѣчи».

Ознакомивъ читателей съ «оригинальнымъ» матеріаломъ беллетристики «Образованія», московская газета говоритъ: «Букетъ въ общемъ получается очень цѣльный и ароматичный... А если принять во вниманіе, что журналъ носитъ названіе Образованіе, то ансамбль особенно цѣнный и поучительный»...

Долженъ сознаться, что мученики по 100 статьѣ возбуждаютъ во мнѣ мало симпатій. Но все-таки «Утро» напрасно обвиняетъ меня въ желаніи причинить непріятности литературнымъ торгашамъ. Пусть себѣ процвѣтаютъ. И если литературные дѣльцы на своей вывѣскѣ прямо напишутъ: «Торгуемъ порнографіей и всякимъ ходкимъ литературнымъ товаромъ», я о нихъ не заикнусь... Но они сдѣлали попытку въ глазахъ читающей ихъ молодежи прикрыть свой грузъ ярко прогрессивнымъ флагомъ и—это надо было разоблачить. Надо было показать читающей публикѣ этихъ людей, у которыхъ, какъ выяснилъ въ свое время одинъ изъ понедѣльничныхъ органовъ, «причины принципіально-моральнаго свойства сводятся къ четвертному билету».

Протестъ прогрессивной печати имѣлъ свое воздѣйствіе. Предпріятіе распалось, и часть марксистовъ вышла изъ состава редакціи. Посыпались письма въ редакціи всевозможныхъ Масловыхъ, Мартовыхъ и т. п. Для эсъ-дековъ не было неудобно въ теченіе мѣсяца публиковаться купно съ порнографами и только репрессія общественнаго мнѣнія и даже предержащей власти заставила ихъ одуматься.

Но слишкомъ ли поздно, однако?

И измѣняетъ ли это сколько-нибудь дѣло? У всѣхъ въ

памяти преслoвутый альманахъ «Жизнь», изданный марксистскимъ же книгоиздательствомъ и тоже конфискованный за порнографію по 1001-ой статьѣ. Въ немъ ло прежнему было отведено мѣсто «Милліонамъ» Арцыбашева и «Морской болѣзни» Куприна. Попрежнему «Русскія Мысли», «Совр. міры и «Образованія» наполняются порнагрофической макулатурой и литературщиной ультра-индивидуалистическаго и хулигански анархическаго направленія, которыя тутъ же черезъ нѣсколько страницъ съ невиннымъ видомъ критикуются, по мѣткому выраженію Чуковскаго, разными Кранами, Гернами и Фельдами.

Ибо «невозможно, видите ли, легкомысленно и въ высшей степени самонадѣянно было бы со стороны журнала исключить и оставить за своимъ порогомъ цѣлое литературное направленіе».

И читателю предлагается переваривать въ своемъ желудкѣ и самую чаиправовѣрнѣйшую ортодоксію, и ревизіонизмъ, и нео-кантіанство, и махизмъ, и порнографію, и нигилизмъ, и соціализмъ, и уличный индивидуализмъ, и Ницше, и Маркса, и Риля, и Альтенберга, и Маха, и Каменскаго и т. д. и т. д. и т. д. И все это на протяженіи какихъ-нибудь двадцати печатныхъ листовъ періодическихъ выпусковъ ежемѣсячнаго журнала. И такъ двѣнадцать разъ въ году.

И было бы еще полгоря, если бы «Русскія Мысли», «Образованія» и «Современные міры» были въ единственномъ числѣ, но тревожный симптомъ въ томъ, что число такого типа внѣпартійныхъ, безпартійныхъ и всепартійныхъ журналовъ и журнальчиковъ растетъ съ каждымъ днемъ и имена ихъ ты, Господи вѣси. Клоака всяческаго попустительства растетъ съ каждымъ днемъ и съ каждымъ днемъ отравляетъ воздухъ.

Развитіе аполитизма, расцвѣтъ чистаго искусства, пухнущій не по днямъ, а часамъ анархизмъ и безконечное дробленіе нѣкогда цѣльныхъ и единыхъ партійныхъ дисциплинъ на міріады фракцій равняющихся по числу коли-

честву лицъ, примыкающихъ къ партіямъ—сколько людей, столько мнѣній—это зловѣщее распыленіе партій на атомы дисциплинъ, на обрывки, клочки и лоскутки, которыя даже при самомъ снисходительномъ отношеніи, нельзя счесть хотя бы за остатки прежняго величія—какъ нельзя ярче говорятъ за то, что напрасно, безцѣльно и дико искать въ этомъ хаосѣ что-то, ибо простертыя руки ловятъ въ воздухѣ только зловѣщее Nihil—ничто.

И было бы еще полгоря, если бы все это оставалось въ журналахъ и не выходило изъ ихъ предѣловъ, но тревожный симптомъ въ томъ, что народившемуся комплексу безсистемныхъ, безпринципныхъ, недисциплинированныхъ умовъ мало журнала. «Литературный ушкуйникъ» съ каждымъ днемъ расширяетъ свою аудиторію, и одинъ за другимъ вышвыриваются альманахи и сборники, причемъ и здѣсь намѣчается зловѣщій прогрессъ: въ альманахи идетъ публицистъ.

Мнѣ приходилось уже въ I т. моей книги «Послѣ Чехова» останавливаться на роли этой альманашной вакханаліи въ современномъ романѣ, беллетристикѣ и поэзіи.

Позволю себѣ вкратцѣ напомнить выводы, къ которымъ я пришелъ тогда.

Благодаря альманахамъ въ обществѣ понизился спросъ на идейную, руководящую литературу и осталось одно щекотаніе читательскаго любопытства художественными ухищреніями. Замерло вдумчивое и внимательное отношеніе къ литературѣ и родилось пѣкоснимательство.

Оригинальная литература, объединившаяся около альманаховъ и не связанная никакой умственной дисциплиной, присущей журналу, стала дѣйствительно анархической группой, не дружиной, а ордой, не семьей, а только сосѣдствомъ. Отсюда и наплывъ литературы, немыслимой (какъ мнѣ тогда казалось) въ идейномъ журналѣ, отсюда появленіе даже чисто «заборной» литературы. Ничѣмъ не сдерживаемая, доступная отнынѣ для лицъ минимальнаго дарованія,

но прикосновенныхъ къ капиталу литература достигла, дѣйствительно, гипертрофіи.

И не смотря на эту гипертрофію альманашной литературы, число альманаховъ растетъ, любовь къ щекотанію и пѣнкоснимательству усиливается какъ у читателя, какъ у писателя, такъ и у издателя. Альманахъ развращаетъ читателя, развращаетъ писателя, развращаетъ издателя. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько словъ по этому поводу одной изъ московскихъ газетъ: «Успѣхъ литературныхъ сборниковъ «Знанія» породилъ легіонъ конкурентскихъ вожделѣній и два-три (нынѣ болѣе десятка) подражанія. Явились альманахи «Шиповника», возникло «Новое Слово», о которомъ даже старыя, престарыя «Рус. Вѣд.» отозвались, что «новаго» тамъ ничего нѣтъ, наконецъ возникло подобное же книгоиздательство «Земля», угрожающее серьезной конкуренціей не только «Нов. Слову» и «Знанію», но и самому «Шиповнику»—наиболѣе модному изъ всѣхъ предпріятій этого новаго типа... Вся суть и весь успѣхъ и даже идея всевозможныхъ альманаховъ построена исключительно на погонѣ за одними и тѣми же литературными именами.... Разница можно сказать только въ обложкѣ. У однихъ—зеленая, у другихъ—голубая съ зеленымъ. Это внутреннее единообразіе сборниковъ въ концѣ-концовъ ведетъ только къ обогащенію бумажныхъ фирмъ и создаетъ нежелательныя въ литературной средѣ явленія. Прежде всего—полная безыдейность... Положеніе писателей съ именами поистинѣ трагическое: предпріимчивые альманашные издатели не только сами не спятъ въ поискахъ «гвоздей» для сборниковъ, но и не даютъ спать другимъ. Летятъ телеграммы, эстафеты и бѣгаютъ разсыльные, почтальоны, кумовья, тести, свояченицы, роются въ разномъ гимназическомъ хламѣ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшемъ отъ глазъ конкурента и, въ концѣ-концовъ,—когда исчерпаны всѣ обычныя средства—прибѣгаютъ къ пріемамъ, нашедшимъ себѣ квалификацію въ уголовномъ кодексѣ». («Нашъ Понедѣльникъ»).

Что новаго прибавилъ истекшій годъ къ этой картинѣ полнаго разложенія литературныхъ нравовъ?

Альманаховъ стало впятеро, вдесятеро больше, доброкачественность ихъ соотвѣтственно понизилась, но одержана новая блестящая побѣда надъ журналомъ: альманахъ перехватилъ публицистику и критику. Выпущены такіе альманахи, какъ «Зарницы», гдѣ содержаніе распадается уже на всѣ отдѣлы журнальной литературы, уже породившій свои подражанія. Выпущенъ рядъ марксистскихъ альманаховъ критическаго, публицистическаго и беллетристическаго содержанія, какъ два тома «Литературнаго распада», «На рубежѣ», «Вершины», театральные альманахи чуть не всѣхъ фракцій марксизма и проч. и проч. и проч.

Само собой разумѣется, что въ нихъ еще менѣе «ансамбля» и единомыслія, чѣмъ въ «Образованіяхъ», «Совр. міpахъ», и «Рус. Мысляхъ», хотя временами и въ нихъ попадаются умилительныя «редакціонныя» примѣчанія, аналогичныя примѣчаніямъ «Образованія»: редакція де не согласна съ основными положеніями зета и даетъ варіацію на эту же тему игрека. Чѣмъ, дескать, мы не «Образованіе»?

Все это, какъ нарожденіе журналовъ «безъ ансамбля» въ беллетристикѣ, поэзіи, критикѣ, публицистикѣ и политикѣ, такъ и непомѣрное развитіе альманаховъ, захватившихъ тѣ же области литературы, блестяще содѣйствуетъ дальнѣйшему процессу разложенія, распыленія, если только ему было куда итти дальше. Отнынѣ необязательно никакое міросозерцаніе, никакая философская, соціальная и политическая дисциплина, ибо нѣтъ журнала, нѣтъ альманаха, гдѣ не нашла бы мѣсто 1001-ая варіація на ту или иную тему. Не съ чѣмъ итти въ разрѣзъ, не съ чѣмъ считаться—вали, кто во что горазъ!

А въ сброшюрованномъ видѣ это будетъ называться: журналъ «Современный міръ», журналъ «Образованіе», журналъ «Русская мысль», или: альманахъ «Вершины», альманахъ «На рубежѣ», альманахъ «Литературный распадъ» и т. д.

Не ясно только одно: зачѣмъ такъ много названій, по-

чему бы имъ всѣмъ не объединиться подъ однимъ общимъ лозунгомъ — «Литературный распадъ», книга I, II, XX, LXXX и т. д.? И предпріятіе было бы поставлено на «капиталистическую» ногу—нѣчто вродѣ универсальнаго магазина—и дѣла бы пошли куда ходчѣе.

Скажутъ: дальше некуда. Э, господа, сколько разъ мы это говорили: не можетъ быть, дальше такъ жить нельзя и проч. въ этомъ родѣ—и жили, и были, да еще упивались прогрессомъ! Какъ же, мы европеизируемся! Такъ вотъ и писали не то въ «Рус. Мысли», не то въ «Сов. мірѣ»—ев-ро-пе-и-зи-ру-ем-ся!

Но—довольно о литературѣ. Картина кажется достаточно ясна. Посмотримъ, что подѣлываетъ наша ех-интеллигенція, чѣмъ занимается ех-революціонная молодежь. Словомъ, какъ отразилась литературная вакханалія на жизни.

Воздерживаясь пока отъ личныхъ изысканій, обратимся къ источникамъ, безусловно заслуживающимъ довѣрія — характеристикамъ ех-интеллигенціи изъ марксистскаго лагеря. Имъ и карты въ руки! Вѣдь это чуть не автобіографіи...

Вотъ нѣсколько вступительныхъ словъ изъ предисловія къ «Вершинамъ»—этому послѣднему слову альманашнаго марксизма: «Русская общественная мысль продолжаетъ испытывать результаты пораженія движенія послѣднихъ тѣлъ. На основѣ затяжного политическаго и соціально-экономическаго кризиса создался т я ж е л ы й и д е й н ы й к р и з и с ъ, з а х в а т и в ш і й в с ѣ безъ и с к л ю ч е н і я д е м о к р а т и ч е с к і е э л е м е н т ы о б щ е с т в а. Потеря руководящихъ точекъ зрѣнія, головокружительная смѣна настроеній, непрекращающаяся лихорадка—т. называемыхъ исканій—такова картина того р а з б р о д а и х а о с а, въ к о т о р о м ъ о ч у т и л а с ь н а ш а и н т е л л и г е н ц і я.» Этому-то разброду и желаютъ очевидно, служить «Вершины»:—«не связывая себя ни съ однимъ изъ борющихся въ марксизмѣ идейныхъ направленій, «Вершины» въ качествѣ свободной трибуны, равно открыты для нихъ».

Между прочимъ «Вершины» открыты и для Ст. Ивановича—самаго болтливаго изъ всѣхъ эсъ-дековъ, разболтавшаго въ своихъ явно автобіографическихъ замѣткахъ не одинъ секретъ ех-революціонной молодежи. Такъ еще въ I альманахѣ «Лит. распада» онъ блестяще разоблачилъ, что литературная ех-революціонная молодежь—она же по его терминологіи, «литературная сволочь»—«несомнѣнно имѣетъ революціонное прошлое. Революція наша вызвала огромный, просто сказочный расцвѣтъ періодической прессы. Грандіознымъ могущественнымъ потокомъ ринулась газета въ изголодавшіяся по свободному слову массы, а силы революціи каждый разъ взрывали этому потоку все новые пути, открывали ему все новыя людскія долины. Точно курятникъ землетрясеніемъ разрушены и искрошены было въ щепы всѣ цензурныя загражденія, и потокъ, все разрастаясь, несся дальше. Ворвалась долго бившаяся у нашихъ китайскихъ стѣнъ великая сила капитализма—періодическая пресса. Стихійно въ самый короткій срокъ создана была армія, огромная армія газетныхъ работниковъ. Быстро, почти мгновенно революція замѣсила въ соціальное мѣсиво переходнаго періода новый очень важный элементъ: газетный пролетаріатъ (быть можетъ и брошюрный? и журнальный? и альманашный пролетаріатъ г. Ивановичъ? Ю. А.). Революція создала на него спросъ, революція вызвала и предложеніе. Газетный пролетарій (умственный? Ю. А.) шелъ массами изъ царства разорепныхъ революціей мѣщанскихъ гнѣздъ провинціи и столицы. Огромныя массы служащей по различнымъ учрежденіямъ молодежи были вышиблены изъ колей и устремились на манящее славой и хорошимъ заработкомъ газетное дѣло. Политика стала профессіей выгодной и соблазнительной, а газетчикъ былъ очень яркимъ воплощеніемъ политики. Университеты и даже гимназіи выбросили въ революціонный водоворотъ кучи молодежи, и вся она почти цѣликомъ цѣпко, порывисто ухватилась за газету. Революція въ корень дезорганизовала всѣ отрасли труда, но зато она широко открыла дорогу къ газетѣ, къ политикѣ, какъ къ

профессіи. Тутъ пріемъ былъ для всѣхъ свободный: ни чести, ни даже грамотности—ничто не затрудняло сюда доступъ. Исконно-россійское «безъ опредѣленныхъ занятій» замѣнилось гордо фальшивымъ «литераторъ» съ опредѣленными занятіями, но безъ опредѣленныхъ взглядовъ, безъ опредѣленныхъ признаковъ, безъ опредѣленныхъ идей (зри «Вершины» Ю. А.) съ однимъ только перекатывающимся отъ макушки до пятокъ глупымъ утробнымъ урчаніемъ: жрать!»

Эту горячую покаянную исповѣдь эх-революціонера г. Ст. Ивановичъ продолжаетъ теперь въ «Вершинахъ» въ тѣхъ же самобичующихъ выраженіяхъ (золотыя слова!):

«Случилось такъ, — и иначе и быть не могло, — что отряды интеллигенціи, «приписанные» къ пролетаріату и къ «трудовому крестьянству», стали мало-по-малу, въ силу классоваго разбитія этихъ соціальныхъ группъ, отчисляется отъ должности. Въ рабочихъ массахъ, подымается чувство классоваго самосознанія, вырастаетъ стремленіе къ самостоятельности, къ освобожденію отъ интеллигентской опеки. Усиливаются требованія къ работникамъ интеллигентамъ, нарождается собственная рабочая интеллигенція. У разночинца остываетъ пылъ, гнететъ полное отсутствіе выигрышныхъ ролей, тяготитъ сугубая будничность работы, нѣтъ душевнаго равновѣсія и въ итогѣ соціально-политическая отставка, сопряженная въ отдѣльныхъ случаяхъ съ мучительными душевными страданіями...

Интеллигенція получила соціально-политическую отставку по прошенію и безъ прошенія, по 3-му пункту и по всѣмъ прочимъ. Привходило тутъ и другое явленіе. Идеологическая безработица усугублялась и обострялась безработицей матеріальной. Разсвирѣпѣвшая реакція осуществила огромный безпощадный локаутъ т. н. «третьяго элемента». Со старательностью усердіемъ земства стали выгонять десятки и сотни культурныхъ работниковъ... Начался великій исходъ третьяго элемента, сталъ накопляться огромный резервъ безработныхъ интеллигентовъ... Началось хожденіе въ промы-

шленность, сталъ наслаиваться «третій элементъ» уже не въ земствѣ, а въ промышленности...

Это является важнымъ знаменіемъ капитализирующейся Россіи... Стоитъ немного приглядѣться къ жизни нашихъ промышленныхъ организацій, чтобы сразу бросилась въ глаза та большая роль, которую въ нихъ играетъ интеллигентъ-разночинецъ, бывшій дѣятель лѣвыхъ партій вплоть до соціалъ-демократической, а иногда даже полудѣятель ихъ въ настоящемъ. Онъ здѣсь секретарствуетъ, завѣдуетъ отдѣлами, онъ здѣсь разрабатываетъ статистическія таблицы, собираетъ матеріалъ, накопляетъ про запасъ эрудицію. Онъ, конечно, при этомъ «glaubt zu schieben», онъ, конечно, проводитъ передовыя воззрѣнія, гуманныя идеи, и на первыхъ порахъ этотъ возвышающій обманъ облегчаетъ ему тяжелую новизну его соціально-психологическихъ переживаній. Но въ дальнѣйшемъ все приходитъ въ равновѣсіе. «Надо жить».

Есть еще болѣе объективныя данныя, говорящія о роли интеллигента въ жизни русскаго капитала. Это—торгово-промышленная пресса. Здѣсь почти безраздѣльно царитъ прежній разночинный интеллигентъ. Вы узнаете его по статьямъ, такимъ прогрессивнымъ, такимъ реалистическимъ. Приглядитесь поближе, и вы встрѣтите что-то очень знакомое: чуть ли не марксизмъ, марксистскія идейки въ націоналъ-либеральномъ одѣяніи... Интеллигентъ, соціальный радикалъ, марксистъ проникъ и въ правительственную прессу, посвященную вопросамъ промышленнаго развитія.

Русскій капиталъ европеизируется, и носителемъ, и насадителемъ европеизирующихъ тенденцій является для него теперь особенно усиленно пошедшая къ нему въ наемъ интеллигенція... И вотъ, мы видимъ огромное скопленіе молодежи въ среднихъ и высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Идетъ «перевоспитаніе взглядовъ молодежи», за которое во имя спасенія «всего торгово-промышленнаго сословія Россіи» лѣтомъ прошлаго года, такъ усиленно ратo-

вало «Русское Слово». Этому стремленію къ перевоспитанію соотвѣтствуетъ сильный ростъ частныхъ, высшихъ и среднихъ коммерческихъ, экономическихъ и техническихъ курсовъ. Растутъ, что весьма значительно, и женскія учебныя заведенія съ чисто-коммерческими и техническими задачами. Подготовляются кадры техниковъ, инженеровъ, архитекторовъ, химиковъ, коммерсантовъ, банковскихъ служащихъ, очень много банковскихъ служащихъ. И что весьма характерно: здѣсь, въ этихъ новыхъ учебныхъ предпріятіяхъ, студентамъ предлагается не только «паръ, уголь и техника», не только спеціально техническія знанія, но и «европейскій образъ мыслей и чувствованія», довольно недурно поставленное преподаваніе наукъ экономическихъ, юридическихъ и т. п. Крамольныя науки, преподаваемыя даже крамольными профессорами и привать-доцентами, сливаются въ единый европейскій синтезъ съ жетѣзобетономъ, паромъ и гидравлическимъ прессомъ.

Перевоспитывается и старое студенчество. Студентъ въ массѣ сталъ учиться, или, вѣрнѣе, заниматься, или, еще вѣрнѣе, экзаменоваться, или, самое вѣрное—«кончать». Въ университетѣ тоже поняли, что надо «жить», надо дѣло дѣлать, надо «кончать», надо устраиваться. Надо «кончать» со всѣми мечтами и фантазіями и вплотную приступить къ практической дѣятельности... Разночинецъ уходитъ. Блѣднѣетъ, таетъ его образъ, столь возлелѣянный русскимъ общественнымъ движеніемъ. Уходитъ онъ въ темную даль, и на историческую сцену выходитъ «отличнѣйшій инженеръ». (Ст. Ивановичъ. «Новыя времена, новыя пѣсни»).

Да проститъ меня читатель за эту небольшую цитату, но, да послужитъ мнѣ оправданіемъ отмѣтная важность этого человѣческаго документа съ рѣдчайшей искренностью и самобичеваніемъ отразившаго эволюцію россійской ..соціалъ-демократіи черезъ марксизмъ въ сторону нигилизма.

Sic transit gloria mundi!

Да, немного такихъ документовъ въ нашей литературѣ... Отчасти этотъ документъ покажетъ, что лично я въ харак-

теристикѣ современнаго нигилизма когда-то революціонной интеллигенціи нисколько не сгущаю краски, не слишкомъ смотрю на дѣйствительность. Этому же документу мы не можемъ не вѣрить, ибо онъ исходитъ изъ рядовъ самой разночинно-интеллигентской соціалъ-демократіи. Это ея исповѣдь.

Итакъ покончивъ «со всѣми мечтами и фантазіями» ex-революціонная молодежь «вплотную приступаетъ къ практической дѣятельности» и «устраивается» на «европейскій» ладъ, пріобрѣтая «европейскій образъ мыслей и чувствованій».

Что же это за «европейскій образъ мыслей и чувствованій»? Какъ мыслитъ, что считаетъ, что чувствуетъ и переживаетъ ex-революціонная молодежь и бывшая интеллигенція?

О, конечно, она прежде всего матеріалистична, чего, помнится, и хотѣлось когда-то россійской соціалъ-демократіи. Еще Чеховъ видѣлъ ея приближеніе, воскликнувъ:

— Лопахинъ идетъ!

И вотъ, Лопахинъ пришелъ. Корнѣй Чуковскій—тотъ говоритъ:

— Нетъ-Пинкертонъ пришелъ!

— Готтентотъ насъ слопалъ!

Это не вѣрно. Пришелъ именно Лопахинъ—культурный хамъ и вандалъ, вооруженный всѣмъ, чѣмъ сильна европейская культура, всѣмъ, что подарила послѣдняя четверть вѣка, европеизированный и прорубившій ворота въ Европу Такъ оно и вышло: Петръ прорубилъ окно, Лопахинъ ворота и привезъ вмѣстѣ съ культурой гнилого запада «европейскій образъ мыслей и чувствованій», вагоны европейской изжившей себя и выродившейся литературы, философіи, соціологіи, послѣднія слова парламентаризма и нео-макіавелизма—великую науку прогресса на одномъ мѣстѣ. Пріятное сочетаніе Карла Маркса, и Макіавели, Бебеля и Ницше, Каутскаго и Метерлинка, Жореса и Оскара Уайльда, Маріо Морисео и Роденбаха. Синтезъ полигаміи нео-мальтузіанства, Культуры и варварства.

И Лопахинъ въ какіе-нибудь два-три года сожралъ всю

интеллигенцію, поглотилъ всѣ наши партіи, программы, идеологіи, съѣлъ нашу литературу и наше искусство.

По свѣдѣніямъ Корнѣя Чуковскаго, «интеллигенція» умерла. Интеллигенты еще остались, но «интеллигенція», какъ особая соціальная группа, уже не существуетъ... Печатаются книги, читаются лекціи, новыхъ писателей появляется множество,—но интеллигенціи уже нѣтъ и не будетъ... («Натъ Пинкертонъ и современная литература».)

По его же свѣдѣніямъ ex-интеллигенція читаетъ только сыщицкую литературу, которой расходится въ годъ около семи съ половиной милліоновъ.

Это конечно невѣрно и наивно. Нѣтъ такъ дикъ, не культуренъ и безвкусенъ щеголеватый и европеизированный Лопахинъ! У него своя богатѣйшая литература, вывезенная съ «гнилого запада» и культивированная въ Россіи. Вѣдь это же его литература! Вѣдь мы ее переводили, послѣднее десятилѣтіе, ей рабски подражали, ее комментировали и перевоплощали въ собственную литературу-модернъ. У Лопахина все—«модернъ». Мебель, картины, литература, музыка, поэзія—все «съ иголочки», самой послѣдней моды, только что вышито.

Не только Натъ Пинкертонъ, Някъ Картеръ и Шерлокъ Холмсъ, но и Свинбернъ, Метерлинкъ, Роденбахъ, Уайльдъ, Альтенбергъ и т. п. Не только «великій провокаторъ Азефъ», но и Мережковскій, и Брюсовъ, и Дымовъ, и Блоки—свои пищеванцы, индивидуалисты, мистики, взращенные на собственной грядковой культурѣ на мѣстѣ срубленнаго «Вишневаго сада» русской литературы.

Его гостиныя украшены «послѣдними словами» нѣмецкаго модернизма—картинки Беклина, Штука, скульптурами Клингера и произведеніями россіянъ Сомова, Бенуа, Борисова-Мусатова и т. п. Въ музыкѣ онъ импрессіонистъ, ему служатъ Скрябины, Ребиковы... Передъ нимъ пляшетъ Дункенъ!

Не смотрите на то, что онъ хамъ!

Только такъ, только пріобщивъ русскую интеллигенцію

къ выродившемуся, растлѣнному и хамски утонченному Западу, могъ Лопахинъ сожрать ее такъ безслѣдно.

И смотрите, теперь уже она сама дастъ сбыть всему Лопахинскому ввозу, она его потребляетъ, захлебывается и упивается Уайльдами, Пшибышевскими, Метерлинками, Шницлерами и Ведекиндами, какъ нѣкогда упивалась Марксомъ, Энгельсомъ, Каутскимъ, Черновымъ и т. п. Теперь уже она пишетъ о нихъ, читаетъ, повторяетъ ихъ имена взасосъ на всѣхъ перекресткахъ, въ ех-журналахъ, въ альманахахъ, на лекціяхъ, бесѣдахъ и концертахъ—она бывшая интеллигенція, ех-революціонная молодежь!

Создаетъ, афишируетъ, пропагандируетъ въ альманахахъ, какъ нѣкогда Масловыхъ и Лениныхъ—Сологубовъ, Зиновьевыхъ, Аннибаловъ, Кузьминыхъ, Каменскихъ и Арцыбашевыхъ. Бывшій революціонеръ ѣздитъ нынѣ по провинціи и читаетъ лекціи о «Проблемахъ пола», организуетъ и закладываетъ лиги «свободной любви», и самъ вступаетъ въ общества «ночныхъ бдѣній», вербуя туда гимназистокъ и подростковъ женской молодежи, какъ объ этомъ слишкомъ много писалось весной 1908 г. Народились не только Санины, Зарудины и Виноградовы, ставящіе цѣлью жизни пробужденіе въ женщинѣ кокотки и «считающіе это своей миссіей»,—народились Леды, идущія навстрѣчу Лопахину «подъ яркими лучами солнца» въ чемъ мать родила. И какъ мы увидимъ ниже, народились кузьминскіе Ѳедоры-банщики и педерасты Штруны (см. Кузьминъ «Крылья»). Въ закрытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ чудовищно развился лесбосъ. Жизнь слилась съ литературой.

Прежде всего и тяжелѣе всего общественно-политическій и морально-этическій нигилизмъ отразился на женщинѣ. Воспитанная почти исключительно на романѣ, стишкахъ и эротической беллетристикѣ, цѣлыми поколѣніями развивавшая себѣ чтеніемъ половую сферу и половую индивидуальность, она написала на лицѣ своемъ «всѣ добродѣтели, кромѣ одной —способности мыслить», какъ горько замѣтилъ А. П. Чеховъ. Все что могла она дать—это чеховская «Душенька»,

и въ ней нигилизмъ нашелъ богатѣйшую черноземную почву. И недаромъ онъ въ первую голову поднялъ ей «женскій вопросъ».

Женщина, если вѣрить Вейнингеру, запущена, дика, аморальна, алогична и безпринципна, въ массѣ—просто глупа. Не надо быть антифеминистомъ для того, чтобы принять цѣликомъ всю отрицательную характеристику женщины, сдѣланную Отто Вейнингеромъ въ книгѣ «Полъ и характеръ». Можно быть самымъ горячимъ сторонникомъ женскаго развитія и тѣмъ болѣе горячимъ, чѣмъ прямѣе и смѣлѣе смотрѣть въ глаза раскрытой Вейнингеромъ дѣйствительности, ужасной и неприглядной истинѣ. Быть можетъ: до сихъ поръ не было книги, оказавшей большую услугу женскому движенію, чѣмъ «Полъ, и характеръ», съ такой силой и страстностью толкающей на работу, на борьбу съ потрясающимъ фактомъ полнаго вырожденія женщины, какъ человѣка, мыслящей и гуманно-чувствующей человѣческой индивидуальности.

Развѣ неправда, что «у женщины нѣтъ рвенія къ истинѣ—почему она и несерьезна, почему она и не занимается умственной дѣятельностью. Существуетъ множество писательницъ, говоритъ Вейнингеръ, но нельзя найти никакихъ мыслей во всемъ, что вышло изъ-подъ пера женщины, и любовь къ общественной истинѣ такъ ничтожна у нихъ, что большей частью онѣ не даютъ себѣ даже труда заимствовать какія-нибудь мысли у другихъ. Ни у одной женщины нѣтъ дѣйствительнаго интереса къ наукѣ. Чего-нибудь значительнаго женщина никогда не создала въ научной области.

Развѣ неправда, что глубокая лживость женщины, вытекающая изъ отсутствія всякаго отношенія къ идеѣ истины и къ цѣнностямъ вообще, предполагаетъ отсутствіе всякаго пониманія морали и какой-бы то ни было связанной съ ней работы мысли. Женщина можетъ защищать свою правоту, даже совершивъ величайшую низость. Тогда какъ настоящій преступникъ упорно молчитъ на всѣ обвиненія, женщина можетъ искренно удивляться и возмущаться, что

подвергается сомнѣнію ея право поступать такъ, какъ она хочетъ. Женщины всегда убѣждены въ своемъ «правѣ», потому что онѣ никогда и не подвергаютъ себя внутреннему суду. Если она не хочетъ, никто не можетъ доказать ей, что она поступила несправедливо.

Я не утверждаю, говоритъ Вейнингеръ, что женщина зла, антиморальна; напротивъ, она даже не можетъ быть злой; она только аморальна, низка... Женщина, которая только сексуальна, можетъ казаться асексуальной именно потому, что она и есть сама сексуальность, и полъ не выдѣляется у нея, физически и психически, пространственно и временно, какъ у мужчины... Если спросить женщину, что она понимаетъ подъ своимъ я, то она не можетъ указать ничего, кромѣ своего тѣла. Внѣшность—вотъ я женщины.

Какъ аморальна женщина, можно видѣть изъ того, что, сдѣлавъ что-нибудь безнравственное, она сейчасъ же забываетъ объ этомъ, и если мужчина взялъ на себя воспитаніе женщины, ему приходится постоянно напоминать ей объ этомъ. Вполнѣ понятно, что она ее совсѣмъ отрицаетъ. Такъ какъ для женщины вопросы этики никогда не составляютъ проблемы, то ихъ совершенно неосновательно считаютъ невинными, даже болѣе нравственными, чѣмъ мужчинъ. На дѣлѣ же онѣ просто не знаютъ, что такое безнравственность. Невинность ребенка не можетъ быть заслугой.

Часто женщинѣ приписываютъ больше вѣрности, чѣмъ мужчинѣ; но дѣло въ томъ, что вѣрность мужчины является для него принужденіемъ, которое онъ по свободной волѣ и съ полнымъ сознаніемъ наложилъ на себя. Онъ можетъ измѣнить этому самостѣсненію, но на измѣну свою онъ всегда будетъ смотрѣть, какъ на свою вину, и будетъ чувствовать эту вину такъ или иначе. Нарушая бракъ, онъ этимъ заглушаетъ въ себѣ голосъ своей умопостигаемой сущности. Для женщины же нарушеніе брака является чѣмъ-то щекочущимъ, игрой, въ которой совсѣмъ не участвуетъ идея нравственности, а только мотивъ безопасности и репутаціи. Нѣтъ женщины, которая мысленно никогда не измѣняла бы

мужу, нисколько не вмѣняя себѣ этого въ вину... Мотивъ, повелѣвающій хранить вѣрность договору можетъ существовать только у мужчины; связывающая сила даннаго слова лежитъ внѣ женскаго пониманія.

Единобрачіе создалъ мужчина. Не существуетъ правового установленія, исходящаго отъ женщины, все право—мужского происхожденія. Потребностью и способностью внести порядокъ въ спутанныя половыя отношенія могъ обладать, какъ и вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о порядкѣ, правилѣ, законѣ (на практикѣ и въ теоріи), только мужчина. Женщина не созидаетъ, не создаетъ никакихъ цѣнностей, не одаряетъ, а только беретъ или разрушаетъ.

Можно было бы процитировать всѣ отрицательныя характеристики женщины. О. Вейнингера и не найти среди нихъ ни одной, какой нельзя бы всецѣло примѣнить и къ русской женщинѣ, еще болѣе запущенной, чѣмъ европейская (я не говорю, конечно, о русской женщинѣ соціалисткѣ и народницѣ—словомъ о подвижницѣ: исключенія, о которыхъ мы такъ чрезмѣрно много говоримъ, только подтверждаютъ общее правило но даже и по отношенію къ нимъ имѣютъ силу горькія слова Вересаева: «вообще у людей» дѣйствующихъ мораль поразительно скудна и убога..)

Но что же изъ этого слѣдуетъ? Надо имѣть смѣлость сознаться, что много упущено, много запущено и тѣмъ энергичнѣе взяться за работу. Вѣдь это не удивительно, что наша женщина такова. Чему учили ее? Гдѣ воспитывали? Какія изъ гуманитарныхъ и этическихъ наукъ введены у насъ въ качествѣ обязательныхъ въ преподаваніе? Есть ли у насъ вообще сколько-нибудь сносная школа? Достаточно ли внимательно относились мы къ женскому воспитанію и образованію, не говоря ужъ о школахъ—даже въ семьѣ? Мы только хихикали, когда впервые въ русской исторіи въ 1905 г. основался первый «Союзъ женской равноправности». Мы подхватывали каждое неудачное слово, каждый промахъ на съѣздѣ молодого общества въ декабрѣ 1908 г. (см. «Рѣчь» № отъ 12 и 13 декабря.) Злорадствовали, чуть не смѣялись, забывъ мудрое: надъ кѣмъ смѣетесь? надъ собой смѣетесь!

Въ имѣющей выйти вскорѣ книгѣ моей «Русская женщина въ новѣйшей литературѣ и жизни», я подробно останавливаюсь на этомъ вопросѣ, здѣсь же ограничусь только ссылкой на мнѣніе А. П. Чехова. Чеховская женщина угнетена, забита, невѣжественна; она не умѣетъ устроить семейной жизни и сама, вмѣстѣ съ дѣтьми, которыхъ не способна воспитывать, является тяжелымъ и скучнымъ бременемъ для мужа. «А всему виною, замѣчаетъ онъ въ «Аріаднѣ», наше воспитаніе, батенька. Въ городахъ все воспитаніе и образованіе женщины въ своей главной сущности сводится къ тому, чтобы выработать изъ нея человѣка-звѣря, т.-е. чтобы она нравилась самцу и чтобы умѣла побѣдить этого самца.» И герой повѣсти развиваетъ программуу воспитанія женщины. Она не нова, но какъ она безконечно-далека отъ своего осуществленія! «Нужно, говоритъ онъ, чтобы дѣвочки воспитывались и учились вмѣстѣ съ мальчиками, чтобы тѣ и другія были всегда вмѣстѣ. Надо воспитывать женщину такъ, чтобы она умѣла, подобно мужчинѣ, сознавать свою неправоту, а то она, по ея мнѣнію, всегда права. Внушайте дѣвочкѣ съ пеленокъ, что мужчина прежде всего не кавалеръ и не женихъ, а ея ближній, равный ей во всемъ. Пріучайте ее логически мыслить, обобщать, и не увѣряйте ее, что ея мозгъ вѣситъ меньше мужского, и что поэтому она можетъ быть равнодушна къ наукамъ искусствамъ, вообще культурнымъ задачамъ... Мальчишка-подмастерье сапожникъ или маляръ тоже имѣетъ мозгъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ взрослый мужчина, однако же участвуетъ въ общей борьбѣ за существованіе, работаетъ, страдаетъ. Надо также бросить эту манеру ссылаться на физіологію, на беременность и роды, такъ какъ во-первыхъ женщина родитъ не каждый мѣсяцъ; во-вторыхъ не всѣ женщины родятъ, и въ третьихъ, нормальная деревенская женщина работаетъ въ полѣ наканунѣ родовъ—и ничего съ ней не дѣлается. Затѣмъ должно быть полнѣйшее равноправіе въ обыденной жизни.»

Таково мнѣніе о русской женщинѣ тончайшаго знатока

русской жизни и деликатнаго ея обличителя. *) Съ тѣхъ поръ ничто не измѣнилось, какъ не измѣнилось и съ 60-хъ годовъ...

Да, мы взялись за женскій вопросъ, занялись «проблемой пола», но какъ?

Вмѣсто того, чтобы привлечь женщину къ интересамъ умственнымъ, мы привлекли ее къ половымъ. Мы ей, полудикаркѣ, закатили «проблему пола». Если посвящали ее въ умственные интересы, то лишь настолько, насколько это могло содѣйствовать быстрому и всестороннему развращенію. И эти умственные интересы только оправдывали «по—новому» какъ выражается г. Вербицкая, расходъ чувственности жажду животныхъ наслажденій. Взамѣнъ «старой морали» провозгласили свободу отъ предразсудковъ, свободу чувствъ, свободу кочеванья изъ одной спальни въ другую.

И до того неустойчивую и незакаленную въ суровой школѣ жизни, мы вырвали ее изъ семьи, содравъ какъ съ липки «ветошь хваленыхъ нравственныхъ понятій» и «буржуазной морали», сняли съ нея все, что можно снять,—не только предразсудки, но и юбки—и пустивъ ее голышемъ въ золотыхъ туфляхъ, прогнусили по—Лопахински:—Ступай! Посрамляй буржавазію!

И она заговорила о безчестности семейной жизни, о подлости подчиненія авторитетамъ моральнымъ, этическимъ и соціальнымъ, объ униженіи личности въ этомъ «гнѣздѣ разврата и грязи»—въ семьѣ, о конфликтѣ съ супружескимъ одѣяломъ, о прелести свободы, независимости—при нашемъ-то строѣ!—, о жизни по требованіямъ естественной философіи и зоологіи, о халатномъ деспотизмѣ мужей и. т. д. и т. д. и т. д., словомъ—пострамила!

За ней «мышата, не видавшія свѣту», заявили, что они тоже жертвы кухонной тиранніи и начали протестовать въ защиту своей независимости навыворотъ, какъ-то сразу усмотрѣли несходства характеровъ, начинали «презирать и

*) Къ сожалѣнію тема настоящей книги не позволяетъ остановиться на блестящихъ характеристикахъ рус. женщины Л. Толстого. Это слишкомъ отвлекло бы.

ненавидѣть» мужей, сожалѣть о томъ, что уже наплодили отъ нихъ ребятъ, бросались плодить отъ другихъ, пока не научились акушерству, секретамъ безплодія, терапіи выкидыша и презервативной механикѣ. И такъ во время подоспѣло нео-мальтузіанство!

А ужъ тамъ вопросъ упрощался. У мужа являлся сначала сотрудникъ, а вслѣдъ за этимъ и поднимался вопросъ просто и естественно. Дама писала мужу: «Я уѣзжаю, дѣтей можешь оставить себѣ. Я хочу жить и т. д. Прощай». Дѣти бросались, а дама со спеціалистомъ по поднятію вопроса исчезала куда-нибудь заграницу. Заграницей она убѣждалась, что снова «ошиблась», попадала во вторыя, пятыя и десятыя руки вплоть до полной всеобщей свалки съ глубокимъ «убѣжденіемъ», что она поступаетъ «честно», удовлетворяетъ свои «нормальныя» потребности, а такъ какъ презервативная техника стоитъ на высотѣ культурныхъ требованій, то она «чистенькая» являлась снова къ мужу, браня самымъ нелестнымъ образомъ его сотрудниковъ и «клясь».

И это еще въ лучшемъ случаѣ. Въ большинствѣ же случаевъ, дама, разыскавъ мужу сотрудника, «честно» и откровенно объявляла ему, что она полюбила другого и желаетъ поддержать его своимъ «добрымъ вліяніемъ», но остается при мужѣ «ради дѣтей». Мужъ тоже «ради дѣтей» свободы дамы не стѣснялъ, ибо вѣрилъ въ ея «честность». И дама цѣлуется съ сотрудникомъ и отправляется въ спальню къ мужу показаться передъ нимъ, что она... «но клянусь тебѣ, я только цѣловалась съ нимъ». И снова порхаетъ изъ его объятій въ спальню мужа и обратно, лжетъ на обѣ стороны самымъ гнуснымъ, возмутительнымъ образомъ и находитъ, что все это недурно, весело, занятно. Наконецъ въ какихъ-нибудь номерахъ отдается сотруднику, а отъ мужа начинаетъ умалчивать «изъ жалости»,—чтобы не раздражать его, ухитряется убѣдить самое себя, что поступаетъ «честно» и великодушно. Вѣдь она не мужняя вещь, а независимая дама,—отдала не мужа, а самое себя: какое же дѣло ему, мужу-то? Зачѣмъ ему знать объ этомъ? Что за глупая откровенность?

Съ дѣвицей романъ еще проще, не такъ многосложенъ.

Дѣвица наивна и любопытна. Она внимательно проходитъ весь курсъ «вопроса», необыкновенно чутко относится ко всему, что касается «таза» (прежде по невѣжеству, говорили о сердцѣ, о душѣ,—теперь, по научнымъ даннымъ, о «тазѣ»), главное для дѣвицы,—когда она приготовлена уже къ рѣшенію вопроса,—чтобы она сама распорядилась собой, безъ всякаго вліянія. «Сама затесалась въ номера, призвала его и отдалась»,—эта фраза въ хорошенькихъ губкахъ четырнадцатилѣтней дѣвочки составляетъ весьма знаменательное свидѣтельство успѣховъ половой проблемы. Вліяніе вопроса снизошло до двѣнадцатилѣтнихъ подростковъ. Остаются нетронутыми однѣ новорожденныя, да и до тѣхъ, вѣроятно, вопросъ еще доберется; по крайней мѣрѣ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Но... шутки въ сторону, господа. Всѣ эти примѣры взяты мною почти буквально изъ полемической публицистики шестидесятыхъ годовъ—эпохи нигилизма и борьбы съ его крайностями. Виноватъ ли я, что все это, слегка реставрированное, такъ похоже на нашу современную русскую дѣйствительность, что точно только вчера написано? Займемтесь лучше вопросомъ о томъ, повинна ли наша ex-интеллигенція соціальдемократическая и ex-революціонная молодежь, нынѣ находящаяся «не у дѣлъ», во всемъ, чему мы только что были свидѣтелями. Я думаю—повинна. И нисколько не удивляюсь. Способна ли освободившаяся молодежь Ст. Ивановича и К° на все это? Да, способна. Способенъ ли готтентотъ Корнѣя Чуковскаго? Да, способенъ. Способенъ ли нашъ культурный хамъ Лопахинъ? Да, способенъ. Вспомнимъ культурное огарчество и «кошкодавовъ».

И вотъ еще на что, по свѣдѣніямъ К. Чуковскаго, мы оказались способны. Самъ авторъ почему-то не дорожитъ статьей своей, на которую я имѣю сейчасъ сослаться. Но мнѣ она представляется драгоцѣнной.

Да здравствуетъ уранизмъ! такъ начинаетъ онъ свою замѣтку:

Мы вотъ все хнычемъ, жалуемся, скрипимъ, а между тѣмъ «всѣ условія современной общественной жизни способству-

ютъ побѣдоносному шествію уранизма и скорой замѣнѣ культа женской красоты культомъ красоты юношеской».

Можетъ быть вы не знаете, что такое уранизмъ? Это слово, выдуманное «для отличія педерастіи (преступнаго развращенія малолѣтнихъ мальчиковъ) отъ любви мужчины къ юношѣ или другому мужчинѣ».

И вотъ—

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни, —

ибо этотъ самый «уранизмъ теперь побѣдоносно шествуетъ впередъ, дѣлаетъ въ обществѣ колоссальные успѣхи, и такимъ образомъ, сама жизнь ломаетъ рамки старой половой морали и требуетъ похвалы тому, за что еще такъ недавно жгли на кострахъ. И такъ обстоитъ дѣло не только въ отношеніи мужеложства, гомосексуальной любви, но и въ отношеніи гетеросексуальной любви во всѣхъ ея проявленіяхъ».

Это я не свои слова говорю, а дословно цитирую г. Стока. Читатели можетъ быть помнятъ, что «Свободными Мыслями» объявлена анкета о «порнографическомъ направленіи современной литературы». Получается множество отвѣтовъ, большей частью однообразныхъ и повторяющихся, а среди нихъ, какъ маякъ въ туманѣ, сверкаетъ одинъ отвѣтъ, г. Стока.

Правда не одинъ г. Стокъ хоронитъ «старую половую мораль», рамки которой «ломаетъ сама жизнь». Большинство отвѣчало въ этомъ же родѣ. Одна барышня изъ Саратова на одиннадцати страничкахъ, безъ знаковъ препинанія, совершенно дѣтскимъ почеркомъ написала:

— «Половое рабство отживаетъ свой вѣкъ. Совершается переоцѣнка отжившихъ цѣнностей, и камня на камнѣ не осталось отъ пережитковъ отживающей морали».

Ахъ, моя милая саратовская барышня!

Тамъ у нея, въ Саратовѣ, сейчасъ холера, бараки, дезинфекція. О трагедія пола она знаетъ по жестокимъ переводамъ изъ Пшибышевскаго. Почеркъ у нея семнадцатилѣтній, фразеологія и того моложе, но слова: «отжившая мораль»,

«переоцѣнка цѣнностей» для нея такія упоительныя, мелодическія слова, что она готова совать ихъ куда угодно: въ Кузьмина, такъ въ Кузьмина, въ Каменскаго, такъ въ Каменскаго,—а если бы ей конкретно объяснить, къ чему эти мелодическія слова относятся, такъ она назвала бы насъ самихъ «пережитками отживающаго строя»— и пошла бы примѣнять эти слова къ чему-нибудь другому.

Итакъ, большинство нашихъ корреспондентовъ произносятъ мелодическія слова. Г. Ашкинази, напр., пишетъ намъ изъ Одессы, что многія сочиненія Анунціо, Пшибышевскаго, Уайльда—суть «послѣдняя агонія старой морали и смертное ложе пола, сбросившаго съ себя всѣ цѣпи и отдавшагося стихійному безудержу».

Ахъ, эти россійскіе интеллигенты! Ждать отъ нихъ настоящаго компетентнаго мнѣнія о половыхъ извращеніяхъ—такъ же напрасно, какъ и отъ саратовской барышни.

Не то г. Стокъ.

Всякія слова о «кострахъ» и «рамкахъ старой морали», если онъ и говоритъ, то только изъ вѣжливости. Суть же дѣла для него въ томъ, что «уранизмъ, слава Богу, побѣдоносно шествуетъ впередъ», и что наконецъ-то устарѣвшій «культъ женской красоты будетъ замѣненъ культомъ красоты юношеской».

Г-нъ Стокъ человѣкъ положительный. Онъ не станетъ цитировать Розанова и Пшибышевскаго,—ему не слова нужны, а дѣло.

И когда онъ говоритъ, что «въ отношеніи мужеложства «жизнь ломаетъ рамки старой морали», онъ знаетъ, что онъ говоритъ. Выслушать такого авторитетнаго судью въ высшей степени важно, и, быть можетъ, его мнѣніе броситъ новый, яркій и для саратовской барышни неожиданный свѣтъ на творчество Кузьмина, Зиновьевой-Аннибалъ, Каменскаго, Ценскаго, и другихъ, надъ кѣмъ теперь такъ неосновательно и такъ грубо издѣваются газетные шуты.

Выслушаемъ г. Стока:

«Въ послѣднее время,—пишетъ онъ,—появились беллетристическія произведенія, въ которыхъ описывается одно-

полая любовь, плотское влеченіе мужчины къ мужчинѣ или къ юношѣ.

«Критика строго, очень строго отнеслась къ авторамъ такихъ произведеній—и, надо признаться, совершенно неосновательно и легкомысленно.

Гомосексуальная любовь (однополая), именуемая теперь «уранистической», «уранизмомъ», дѣлаетъ въ обществѣ колоссальные успѣхи, которые печать просмотрѣла, закрываясь стыдливо отъ такихъ «гадостей».

— Глупые вы буквоѣды,—говоритъ намъ такимъ образомъ г. Стокъ,—все обличали уранизмъ беллетристическій а не замѣтили уранизма въ жизни. Покуда перелистывали «крылья»,—ваши сыновья, отцы и братья усердно занимались уранизмомъ на практикѣ. И, если бы вы были не такъ легкомысленны, вы давно бы сами стали уранистами.

Первый, выступившій печатно въ защиту уранизма,—продолжаетъ г. Стокъ,—былъ ганноверскій совѣтникъ Ульрихсъ, издавшій рядъ брошюръ въ 1864—6 гг., возбудившихъ негодованіе въ нѣмецкихъ юристахъ.

Послѣ Ульрихса создалась обширная литература по изслѣдованію уранизма со стороны медицинской, исторической, юридической, богословской и проч., образовалось «Научно-гуманитарное общество» подъ предсѣдательствомъ д-ра Гиршфельда, насчитывающее въ своей средѣ не мало ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, даже богослововъ и посвятившее свою дѣятельность защитѣ уранизма.

Это лейпцигское общество много лѣтъ уже издаетъ ежегодникъ, чрезвычайно интересный по содержанію.

Въ 1901 г., на международномъ конгрессѣ уголовныхъ антропологовъ, проф. Алетрино сдѣлалъ докладъ о нормальности уранизма и требовалъ признанія уранизма явленіемъ вполнѣ нормальнымъ.

На педагогическомъ конгрессѣ въ Нюренбергѣ тоже затрогивался вопросъ объ отношеніи къ быстрымъ успѣхамъ уранизма въ средѣ учащейся молодежи

и было сдѣлано предложеніе не только не бороться съ этимъ явленіемъ, но рекомендовать уранизмъ юношеству какъ замѣну преждевременнаго полового сношенія съ женщиной».

То-ли вы думали, саратовская барышня, когда писали семнадцатилѣтнимъ почеркомъ, что «отъ пережитковъ отжившей морали не остается камня на камнѣ»?

И чего смотритъ министерство народнаго просвѣщенія! То вводили Корнелія Непота, то «сердечное попеченіе»,— самое бы теперь время ввести уранизмъ! Г. Стокъ пишетъ мягко: «рекомендовать юношеству», но мы хорошо понимаемъ, что если бы, напр., уранизмъ ввели въ видѣ обязательнаго предмета въ программы средне-учебныхъ заведеній, то г. Стокъ рѣшительно ничего не имѣлъ бы противъ этого.

Но и вводить, пожалуй, незачѣмъ.

По компетентнымъ словамъ г. Стока, въ гимназіяхъ на уранизмъ «существуетъ спросъ и предложеніе, притомъ въ огромныхъ размѣрахъ», а если мы пребываемъ на этотъ счетъ въ невѣдѣніи, то только потому, что «о жизни нашихъ дѣтей мы знаемъ несравненно меньше, чѣмъ о жизни туземцевъ Америки, съ которой основательно знакомились по Майнъ-Риду и Густаву Эмару».

Г. Стокъ не одинокъ и въ Россіи. Онъ съ благодарностью вспоминаетъ своихъ предшественниковъ.

«У насъ, — говоритъ онъ, — извѣстный юристъ В. Д. Набоковъ горячо протестовалъ въ 1902 году въ Спб. юридическомъ обществѣ, противъ уголовнаго преслѣдованія уранизма, находя это преслѣдованіе безсмысленнымъ; докладъ Набокова былъ тогда же напечатанъ полностью въ «Вѣстникѣ Права» (№ 10).

Возражали Набокову въ высшей степени слабо г.г. Таганцевъ и Кони.

Затѣмъ, въ 1903 году, 4 февраля, состоялось въ обществѣ врачей по душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ при военно-медицинской академіи, подъ предсѣдательствомъ проф. Бехтерева, сообщеніе Е. Ѳ. Буринскаго «Уранизмъ, какъ соціаль-

ное явленіе», въ которомъ указывалось на то, что всѣ условія современной общественной жизни способствуютъ побѣдоносному шествію уранизма и скорой замѣнѣ культа женской красоты культомъ красоты юношеской. Сообщеніе это напечатано въ Трудахъ Общества за 1905 годъ».

Видите, что дѣлалось, покуда газетчики склоняли: Кузьминъ, Кузьмина, Кузьмину. Они легковѣрно думали, что вся «мудрость и пророки» уранизма заключаются въ «Крыльяхъ», а выходитъ, что сюда прикосновенны и «Вѣстникъ Права», и Медицинская Академія, и сенаторъ Кони, и членъ Думы Набоковъ, и научно-гуманитарное общество, и лейпцигскій ежегодникъ, и профессоръ Бехтеревъ, и Густавъ Эмаръ, и совѣтникъ Ульрихсъ изъ Ганновера,—словомъ, что уранизмъ—вещь солидная, основательная, почтенная, состоящая въ вѣдѣніи медицины, исторіи, юриспруденціи, богословія, не говоря уже о поэзіи, которая, кромѣ русскихъ корифеевъ, дала міру такихъ великихъ уранистовъ, какъ Оскаръ Уайльдъ и Уотъ Уитманъ *), — оставляя уже въ сторонѣ мужей древности.

Бѣдная моя саратовская барышня! Тутъ уже не титанизмъ, не «переоцѣнка цѣнностей», не «пережитокъ отживающей морали», а большой практическій вопросъ, ничего общаго ни съ какими цѣнностями не имѣющій—даже не вопросъ, а скорѣе «рецептъ», «способъ приготовленія», половая кулинарія,—насъ съ вами нисколько не касающаяся.

Намъ нужны «идеологіи», а не рецепты,—не правда-ли, саратовская барышня?

Заинтересовавшись «побѣдоноснымъ шествіемъ уранизма», я жадно набросился на «Вѣстникъ Права», гдѣ была статья г. Набокова, указанная г. Стокомъ.

Но и въ ней разочарованіе: никакого посрамленія мѣщан-

*) Приводя сладострастные гимны, замѣчаетъ г. Чуковскій, которые пѣлъ Уотъ Уитманъ мужскому тѣлу, я въ своей книжкѣ объ этомъ поэтѣ оспаривалъ мнѣнія многихъ критиковъ о немъ, какъ объ уранистѣ. Покуда не наткнулся на одинъ изъ «Ежегодниковъ», указываемыхъ г. Стокомъ, гдѣ даны неопровержимыя доказательства его «уранизма».

скихъ идеаловъ, а опять-таки солидное, основательное, почтенное дѣло.

— Вы хотите наказывать уранистовъ,—спрашиваетъ г. Набоковъ,—но за что?

За то, что они высказываютъ презрѣніе къ браку?—Но вѣдь они оскорбляютъ ее наединѣ, intra muros, и общество здѣсь не при чемъ.

За то, что они разрушаютъ свое здоровье?—Но тогда накажите пьяницъ, курильщиковъ, — а также и телефонистокъ и рудокоповъ.

За то, что они высказываютъ презрѣніе къ браку?—Но тогда наказывайте всѣхъ закоренѣлыхъ холостяковъ.

За то, что они совершаютъ отвратительный поступокъ!

— Но вѣдь это дѣло ихъ вкуса.

За то, что этотъ поступокъ безнравственъ? Но вѣдь нравственна только брачная любовь, и потому извольте наказать всѣхъ «любящихъ» внѣбрачно.

Словомъ, уранизмъ долженъ находиться подъ охраною россійскихъ законовъ,—и это окончательно снимаетъ съ него тотъ ореолъ «безудержа» и «переоцѣнки», который увлекаетъ монхъ корреспондентовъ. Не лучше-ли поэтому снова взяться за всеобщее, равное, прямое и тайное, а заботы объ уранизмѣ предоставить законодателямъ, депутатамъ, совѣтникамъ,— и другимъ представителямъ бюрократическаго режима!

(Своб. мысли 24 сент. 1907 г.)

Такъ-то...

За три недѣли передъ этимъ Чуковскій восклицалъ:

— Кремъ «Ренессансъ»! «Я былъ лысымъ»! «Онанизмъ у женщинъ»! «Гигіена половой жизни»! «Картонный домикъ!» «Только для дамъ»! «Пѣсни Билитисъ»! «Зачѣмъ страдать ожирѣніемъ»! «Четыре»! «Электро-поясъ!» «Тридцать три!» «Женскіе трупики»! «Единственный журналъ», «Міръ тайнъ»: цѣль журнала дать подписчикамъ полное представленіе о тайникахъ любви, необходимо познать извращенность ея»! «Леда!» «Спермин!» «Между женщиной и молодымъ муж-

чиной разница совсѣмъ не такъ ужъ велика». «Презервативы»! «Презервативы»! («Въ банѣ»).

Спустя полтора года въ рефератѣ о Нать-Пинкертонѣ продолжаетъ:

— «Электро-поясъ!!! Только для мужчинъ!!! Не впадайте въ отчаяніе! Брошюра о поясѣ безплатно! (множество лестныхъ отрывовъ и благодарственныхъ писемъ!).

Открываю газету, читаю:

«Презервативы», «сперминъ», «Дамы и дѣвицы могутъ пріобрѣсти красивую грудь», «Муйрацитинъ», «Тугоухимъ», «Спутникъ успѣха», «Нѣтъ больше алкоголиковъ», «Я былъ лысымъ», «сила внутри насъ», «кривые и уродливые носы могутъ быть исправляемы у себя на дому,»—и вижу, что надежды нѣтъ, ибо это тотъ фонъ, та основа, на которыхъ творится теперь наша общественная жизнь... «Жениться желаю на красивой, стройной, симпатичной, молодой еврейкѣ. Приданое невѣсты не менѣе пятнадцати тысячъ». «Молодая дама за 10 рублей готова на все. Почтовое отдѣленіе, до востребованія».

Печальное зрѣлище являетъ К. Чуковскій, обуреваемый всѣми этими кошмарными видѣніями, отъ которыхъ дѣйствительно можно съ ума сойти при его темпераментѣ.

Но временами и впрямь представляется, что появись сейчасъ толпа народа въ перемежку съ интеллигентными лицами, студенческими фуражками, молоденькими, радостными личиками курсистокъ и серьезными бородатыми физіономіями въ очкахъ, цилиндрахъ и пенснэ и съ пѣніемъ и крикомъ неси она высоко надъ головой, какъ нѣкогда, красное знамя—новое знамя на золоченомъ древкѣ съ изображеніемъ фаллуса, какъ это дѣлали варварскіе народы отъ индусовъ и египтянъ до древнихъ римлянъ—не удивился бы!

Что жъ, фаллусъ, такъ фаллусъ! Знамя момента...

Думается мнѣ, что теперь, послѣ всего вышеприведеннаго, послѣ цѣлаго ряда ссылокъ на изысканія современныхъ «авторитетовъ» (зри: Рус. Бог. за 1908 г. статьи Пѣшехонова

о санпицахъ и лигахъ свободной любви, объ огаркахъ, о кошкодавахъ, о сумятицѣ и проч. и проч. и проч.; Альманахи «Лит. Распадъ», статьи Ст. Ивановича; «Вершины», его же статьи; К. Чуковскаго «Нать Пинкертонъ и современная литература» въ «Колосьяхъ»; полемику «Бодраго Слова» и съ оным̀ъ о безпартійности. Зри: статистику духовныхъ консисторій о бракоразводахъ, увеличившихся за послѣднее пятилѣтіе въ четыре раза и едва не равняющихся для городского населенія цифрѣ брачности (увеличеніе вызванное облегченіемъ развода и упрощеніемъ судопроизводства вопреки общему правилу для большинства культурныхъ странъ объ уменьшеніи числа бракоразводовъ и укрѣпленіи семейнаго начала при облегченіяхъ въ судопроизводствѣ) и т. д. и т. д. и т. д.—послѣ всего этого, думается мнѣ, не упрекнуть меня въ излишнемъ субъективизмѣ, въ сгущеніи красокъ, въ передержкѣ при характеристикѣ современнаго неонигилизма модернъ, сдѣланной мною въ самомъ началѣ статьи.

Ясно, что мы дѣйствительно дошли до тупика не только въ литературѣ, но и въ жизни, не только въ искусствѣ, но и въ политикѣ (ибо современная «конституція» развѣ не тотъ же нигилизмъ, въ самой основѣ подрывающій понятіе о правовомъ строѣ?). У насъ дѣйствительно нѣтъ перспективъ и наше будущее—духовное, моральное и соціальное босячество и—улица.

А на челѣ нашей ex-интеллигенціи, какъ всѣми замѣчено, начертаны давно «роковыя слова: продается съ публичнаго торга». Торгуетъ тѣломъ и душой.

И я вполнѣ понимаю отчего такъ много истеріи стало послѣднее время въ статьяхъ нашей ex-революціонной интеллигенціи, какъ хотя бы у М. Энгельгардта—этого пламеннѣйшаго изъ современныхъ публицистовъ, ex-максималиста, провозгласившаго въ припадкѣ истеріи весь русскій народъ — фефелой. Понимаю.

Хочется порою кричать и плакать и призывать бія себя въ перси:

— Что же, господа, конецъ? Да поймите же! поймите, что нельзя, слышите: нельзя такъ спокойно, такъ нагло спокойно констатировать свою смерть! Вѣдь это же банкротство! Поймите же: ко-нецъ, ко-нецъ! Вѣдь дальше же некуда. Вѣдь вся наша жизнь, вся наша гордость была въ нашей интеллигенціи! Все, ради чего жили, что созидали годами, столѣтіями, поколѣніями, ради чего на костеръ шли! Вѣдь не можемъ же мы поставить крестъ надъ созданной вѣковыми усиліями лучшихъ поколѣній интеллигенціей и пустить все на смарку! Это ли завѣщали намъ отошедшіе? Не можемъ же мы повѣрить въ серьезъ бреднямъ марксизма о нарожденіи рабочей и крестьянской «интеллигенціи», возложить на нее такъ легко вѣковыя традиціонныя задачи, передававшіяся какъ завѣщаніе изъ поколѣнія въ поколѣніе. Не можемъ ждать роста и развитія этой «молодой» интеллигенціи опять цѣлые вѣка; не можемъ мы, не можетъ и «сѣрая скотинка», вынесшая уже на своихъ плечахъ современную ex-интеллигенцію.

Бейте же тревогу, припадите къ падшей, просите ее, умоляйте, кланяйтесь въ ноги, руки цѣлуйте, молите вернуться, будите ее. Подумайте: вѣка, вѣка потрачены, чтобъ потерять такъ нежданно, позорно...

Но истерія проходитъ, и мы снова спокойно констатируемъ, анализируемъ и разлагаемъ.

Да и въ самомъ дѣлѣ:

...«Не лучше ли прежде чѣмъ бросимъ
Мы въ нее приговоръ роковой
Подзовемъ-ка ее, да разспросимъ:
Какъ дошла ты до жизни такой?»

Быть можетъ тогда найдутся и средства налеченія, о которыхъ что-то ужъ очень стали безпокоиться послѣднее время.

Доброе знаменье! Развѣ не слышите вы какъ безпокойно, тревожно, какъ-то вдругъ всѣ обратились къ вопросамъ со-

ціальной и половой морали, къ готовымъ трафаретамъ «спасенія души и тѣла»?

Но прежде всего, конечно, прежде чѣмъ говорить о томъ, чѣмъ мы должны быть и какъ бороться съ нежданно пришедшей бѣдой, мы должны припомнить исторію своего паденія. Ибо ничто такъ не учитъ, какъ ретроспективный критическій взглядъ на прошлую жизнь хотя бы самаго послѣдняго времени. Можетъ быть ясны намъ станутъ тогда и наши ошибки, и пути «ко спасенію».

КАКЪ МЫ ПРИШЛИ КЪ НИГИЛИЗМУ.

II.

Какъ мы пришли къ нигилизму.

Нигилизмъ, окончательно сформировавшійся къ настоящему времени, далеко не такъ молодъ, какъ это кажется почему-то всѣмъ современнымъ его критикамъ. Корни его, истоки зародились двадцать пять лѣтъ спустя послѣ нигилизма 60-хъ годовъ—сейчасъ же послѣ ликвидаціи народничества и народовольчества въ срединѣ 80-хъ годовъ — 25 лѣтъ назадъ. 80-ые и 90-ые г.г. были эпохой его постепеннаго, едва замѣтнаго, шагъ за шагомъ формированія. Даже тогда, когда въ серединѣ 90-хъ годовъ изъ остатковъ разбитой народнической интеллигенціи начала слагаться соціалистическая партія молодого народничества, его развитіе шло параллельно, то сливаясь съ марксизмомъ, то рѣзко расходясь въ самомъ основномъ. Если на протяженіи этого 25-лѣтняго періода его развитія мы можемъ едва уловить его въ началѣ, констатировать временное ослабленіе его въ годы 1904 и 1905 *), мы не должны этимъ смущаться: какъ перемежающаяся рѣчка въ пескахъ, то скрывающаяся, то снова появляющаяся въ другомъ мѣстѣ—нигилизмъ все время сопутствовалъ нашей интеллигенціи съ момента разгрома 80-хъ годовъ, отравляя всѣ источники на ея пути за послѣднюю четверть вѣка. Вся дѣятельность Н. К. Михайловскаго за это время сводилась именно къ борьбѣ съ все растущимъ, все развивающимся нигилизмомъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ почти одинокъ на своемъ «славномъ посту»...

*) Я утверждаю, и мы увидимъ это ниже, что революція никакъ не отразилась на литературѣ. Народное движеніе застало интеллигенцію врасплохъ и явилось для нея сюрпризомъ.

Глубокая разница, непроходимая бездна—между поколѣніями 40, 60 и 70-хъ гг. съ одной стороны и поколѣніемъ 80, 90 гг. и начала XX вѣка съ другой. Существуютъ двѣ Россіи: до 80-хъ гг. и послѣ 80-хъ и между ними нѣтъ никакой преемственности. Съ послѣдними могиканами 60-хъ и 70 гг., сошедшими съ жизненной сцены частью еще при насъ, отошло постепенно въ область преданія самоотверженное, подвижническое народничество *какъ явленіе художественной литературы*, а съ нимъ отошли и идеи о служебной роли русской литературы, о просвѣтительныхъ и «учительныхъ» ея задачахъ—словомъ исчезло изъ нея сознаніе соціальной отвѣтственности, не позволявшей ей до того времени замыкаться въ узкихъ рамкахъ авторскаго самоуглубленія. Гаршинъ и Надсонъ были послѣдней слезой, пролитой по уходившему въ темную даль идеалу. Златовратскій и Эртель были послѣднимъ вздохомъ умиравшаго народничества.

Короленко одинъ изъ первыхъ затянулъ надрывную пѣсню входившаго въ жизнь пессимизма нирваны—покорную грустную пѣсню тоски и печали. «Я не зажигалъ огня и незамѣтно отдавался тяжелымъ впечатлѣніямъ молчанія и мрака, пока сѣверный день угасалъ среди холоднаго тумана.» (Соколинецъ.)

«Тяжелыя нерадостныя впечатлѣнія уносилъ я отъ невидимаго, но страстно взыскуемаго народомъ, града... Точно въ душномъ склепѣ, при тускломъ свѣтѣ угасающей лампадки провелъ я эту безсонную ночь, прислушиваясь, какъ гдѣ-то за стѣной кто-то читаетъ мѣрнымъ голосомъ заупокойныя молитвы надъ заснувшей навѣки народной мыслью»...

То, что называлось общественностью, начало вырождаться въ «теорію малаго дѣла» (Потапенко), затѣмъ эволюціонировало къ «теоріи непротивленія злу» (Толстого) и вылилось какъ въ окончательную форму въ такъ называемый «кризисъ народничества», о которомъ заговорилъ Чеховъ и чеховская школа (Вересаевъ, Тимковскій, Чириковъ и Горькій).

«Кризисъ народничества» у А. П. Чехова—былъ послѣд-

нимъ словомъ самостоятельной, національной русской литературы. Уже вся чеховская школа, хотя и унаслѣдовала отъ прошлаго великій законъ трагическаго—специфическую черту русской литературы (см. мою книгу «Послѣ Чехова», т. I,)—однако отреклась отъ всѣхъ прочихъ завѣтовъ и, оставивъ національное творчество, пошла по пути, проложенному Лопахинымъ въ Европу. И у Вересаева, и у Чирикова, и у Тимковскаго, и у Горькаго на лицо всѣ элементы вывезеннаго къ тому времени нео-марксизма, ницшеанства, штирнеріанства, ибсенизма и индивидуализма—послѣднихъ словъ морально разлагающагося Запада. Нечего и говорить о новѣйшихъ представителяхъ послѣ-чеховскаго періода, которые всѣ сплошь пошли по указкѣ модернизма, импрессіонизма и декадентства, окончательно «европезировавшись».

Мнѣ кажется, не будетъ увлеченіемъ, если формулировать эту мысль такимъ образомъ:

Русская національная литература, русское національное творчество прекратились съ А. П. Чеховымъ. И мы только по какому-то недоразумѣнію продолжаемъ нынѣ говорить о настоящемъ, «русской литературы», о «русской литературѣ» и т. п. благоглупостяхъ. Каждый народъ имѣетъ свою національную литературу, а у насъ давно ея нѣтъ. Есть богатѣйшая переводная и подражательная литература на русскомъ языкѣ, а русской національной литературы нѣтъ. Мы—«евро-пе-и-зи-ро-ва-лись!»

Эпоха общественности, народничества и народовольчества смѣнилась «кризисомъ народничества», или, что вѣрнѣе, «кризисомъ общественности», а съ другой стороны отказомъ отъ національнаго творчества, (нынѣ это называютъ «отказомъ отъ наслѣдства»), признаніемъ собственнаго банкротства и бѣгствомъ «на выучку Европы»— лихорадкой европеизаціи, среди которой совершенно забыли не то, что какую-нибудь «самобытность» и «особенную стать»—но просто то, что мы нація, для которой прежде всего и важнѣе всего самоопредѣленіе. По нынѣшнимъ временамъ говорить даже о томъ, что мы нація, напоминать о національной литературѣ,

о самоопредѣленіи—признакъ mauvais ton'a. И я совершенно искренно спѣшу предупредить моего «благосклоннаго читателя» въ его скороспѣломъ готовомъ сорваться съ устъ рѣшеніи: націоналистъ! славянофилъ! противникъ культуры! апологетъ китайской стѣны! И совершенно серьезно—что дѣлать, такія времена—спѣшу разъяснить «благосклонному читателю», что не нужно быть націоналистомъ и патріотомъ, чтобы говорить о томъ, что для каждой націи прежде всего необходимо самоопредѣленіе, выясненіе собственной индивидуальности и призванія, и только тогда, когда она «найдетъ себя»—она имѣетъ право вступать въ европейскій или всемірный концертъ. И я это разъясняю совершенно серьезно, ибо былъ же только что провозглашенъ антисемитомъ Е. Н. Чириковъ только за то, что наряду съ правами «быта еврейскаго» отстаивалъ права «русскаго бытописанія». И вскользь замѣтилъ, что въ петербургской литературѣ совсѣмъ нѣтъ критиковъ русской національности. Въ оправданіе своей точки зрѣнія осмѣливаюсь привести маленькую выписку изъ Бѣлинскаго, по поводу «Мертвыхъ душъ»:

«Послѣ апатическаго унынія, овладѣвшаго литературой, вдругъ, словно освѣжительный блескъ молніи среди томительной и тлетворной духоты и засухи, является твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столько истинное, сколько и патріотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью къ плодовитому зерну русской жизни; твореніе необъятно-художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта, и, въ то-же время, глубокое по мысли, соціальное, общественное и историческое...»

Счастливъ Бѣлинскій, что жилъ не въ наше гнусное время! Показали бы ему эти: «чисто-русское», «національное», «патріотическое», «зерно русской жизни», «русскій бытъ»!..

Я думаю: «Европа» вещь хорошая, но въ опытныхъ

рукахъ. «Западничество» всегда у насъ было и будетъ, какъ у народа, идущаго въ хвостѣ культуры, но нужны опытные и тонкіе культуртрегеры, чтобы учась мы не ломали себя, а развивали и интенсировали проявленія собственной индивидуальности, ея таланты и способности. Мы же, признавъ собственное банкротство и пріобщившись къ «пролетаріямъ всѣхъ странъ»—мы только пріобщились къ банкротству Европы, не сумѣвъ взять ничего иного и ничему не научившись кромѣ нигилизма, ибо путь нашъ въ Европу былъ путь хама Лопахина. Какъ ничего общаго не имѣетъ «Нигилизмъ-модернъ» съ нигилизмомъ 60-хъ г.г., такъ ничѣмъ не сходны между собой и наше «западничество-модернъ» съ западничествомъ добраго стараго времени. У него нѣтъ культурныхъ задачъ.

Остановимся подробнѣе на дальнѣйшей эволюціи нигилизма. Какъ я уже сказалъ, первыми этапами нашими, послѣ крушенія народничества, были: «апологія малаго дѣла» Потапенко *), «непротивленіе злу» Толстого и «антинародничество» Чехова и чеховской школы.

«Вы видите, что я хлопочу о среднихъ людяхъ, о людяхъ со среднимъ страстями, съ среднимъ характерами, среднимъ способностями. Они не могутъ совершить великихъ дѣлъ, великихъ подвиговъ, великихъ жертвъ... Я сказалъ себѣ: нѣтъ, подвига я совершить не способенъ и буду жить по совѣсти. И когда я твердо сказалъ себѣ все это, все мое отчаяніе, происходившее отъ безплоднаго исканія путей, прошло, и въ душѣ моей водворилась полная гармонія... Если вы теперь спросите меня о моей системѣ, о моей программѣ, то я вамъ ровно ничего не отвѣчу: у меня нѣтъ никакой программы». (И. Потапенко. Не герой.) И далѣе:

«Есть люди, страстно отдающіеся общественному дѣлу, приносящіе ему всѣ свои средства и силы, ради него отказывающіеся отъ личнаго счастья, отъ всѣхъ благъ земныхъ.

*) Первые разсказы его печатались въ журналѣ „Дѣло“ 1880—1883.

Передъ ними слѣдуетъ разступиться, дать имъ дорогу, но слѣдовать за ними—ни для кого необязательно» (Онъ же.)

Апологія средняго человѣка смѣнила героическій періодъ русской исторіи и тотчасъ же собрала себѣ послѣдователей. Въ литературѣ и жизни какъ-то сразу вычеркнули изъ своей программы общественно-политическое мышленіе, а съ нимъ и общественно-политическіе идеалы, и всю работу интеллигенціи свели къ ряду практическихъ мѣропріятій, безъ опредѣленной программы, безъ опредѣленнаго идеала, безъ перспективы и все это съ тупой самоувѣренностью, самовлюбленностью, и самодовольствомъ: «я могу похвастаться, говоритъ Рачеевъ въ повѣсти «Не герой»: что въ моемъ маленькомъ районѣ нѣтъ вопіющей нужды; я могу съ увѣренностью сказать, что постигни половину Россіи голодъ, Рачеевка это не почувствуетъ». Благотворительность, культуртрегерство, «библіотечки, аптечки»—вотъ сфера примѣненія практической дѣятельности «Не героя», пришедшаго на смѣну народовольцевъ.

Но психологія его еще не была уравновѣшена: «ужъ, кажется, программа съужена до минимума, а все же мы боимся за каждый шагъ!» («На пенсію»).

Надо было итти дальше.

И мы пошли. «Интеллигентный человѣкъ долженъ былъ начать б ѣ г с т в о и з ъ д е р е в н и, не находя тамъ живого дѣла, или, лучше сказать, возможности живого дѣла, которое удовлетворяло бы его и требовало бы всѣхъ его духовныхъ силъ.» (С. Н. Кривенко. На распутьи.)

Героемъ времени становится чеховскій «Ивановъ», начинающій нападать на «всевозможныя раціональныя хозяйства, необыкновенныя школы и горячія рѣчи, «на библіотечки и аптечки». Онъ еще такъ недавно «былъ и здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущаться, когда встрѣчалъ зло», нынѣ же развиваетъ цѣлую теорію «непротивленія» этому самому злу:

«Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ,

ни на синихъ чулкахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще, всю жизнь стройте по-шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Голубчикъ, не воюйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ мельницами, не бейтесь лбомъ о стѣны... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ раціональныхъ хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчей... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло... Это теплѣе, честнѣе и здоровѣе.»

А тутъ подоспѣли голодъ 1891 г., холера,—и народъ массами началъ избивать россійскихъ не героевъ, филантроповъ и культуртрегеровъ, и худосочный филантропъ завопилъ не своимъ голосомъ:

«Они меня били, били!.. Били какъ забѣжавшую бѣшеную собаку! Пять недѣль (!!!) работая среди нихъ, каждымъ шагомъ доказывая свою готовность помогать имъ и служить имъ, я не могъ добиться съ ихъ стороны простого довѣрія; я принуждалъ (?!) ихъ вѣрить себѣ, но довольно было рюмки водки, чтобы все исчезло, и проснулось обычное стихійное чувство...» («Безъ дороги», Вересаевъ).

Виноватъ во всемъ оказался «mougik» и его «антиколлективистическій черепъ», виноватъ «идіотизмъ деревни»! —Ату его!

И началась аттака «мужика». Какъ вихрь ворвалась въ литературу и жизнь свистопляска антинародничества.

И въ этой свистопляскѣ одинаково повинны и Чеховъ, и Вересаевъ, и Чириковъ, и Горькій. Но если Чеховъ исходилъ въ походѣ противъ мужика изъ сознанія избитаго россійскаго интеллигента,—Вересаевъ, Чириковъ и Горькій исходили изъ сознанія Лопахина, поспѣшно прорубившаго ворота въ Европу и привезшаго оттуда—не пулеметы, нѣтъ, это было позднѣе!—а высоко-культурныя средства, къ которымъ давно пришла Европа. И вотъ въ помѣщичьихъ семьяхъ, среди избитыхъ земцевъ, докторовъ, «третьяго элемента»

и проч. и проч., раздались первыя филиппики марксизма объ «идіотизмѣ деревни», объ «антиколлективистическомъ черепѣ мужика» и. т. п. «Новая интеллигенція», по увѣреніямъ марксистовъ, будетъ состоять изъ марксистовъ, она пойметъ требованія жизни, не будетъ довольствоваться» сплошнымъ прекраснодушіемъ народничества и положитъ въ основу своей программы ясно сознанные интересы того класса, которому она будетъ служить (буржуазіи). Она проникнется сознательно буржуазными теоріями, которыя и замѣнятъ нынѣшнее безсознательно-буржуазное народничество, такъ какъ сознательное и откровенное служеніе интересамъ буржуазіи все-таки неизмѣримо лучше нынѣшняго безцѣльнаго и безплоднаго нытья народниковъ. Оно все-таки будетъ равносильно большому шагу впередъ въ нашемъ умственномъ развитіи. Безъ него не обойдется дѣло политической европеизаціи Россіи» (В. В. Очер. теор. экономіи. Выдержки изъ статьи марксиста).

Въ «буржуазно-марксистской» публицистикѣ—будемъ такъ ее называть отнынѣ—начинается штурмъ народничества не только съ точки зрѣнія битаго интеллигента, доктора и «третьяго элемента», но для приличія—и «пролетарія»—тѣхъ ничтожныхъ численно и разумѣется безсильныхъ политически кадровъ населенія, которыя въ незначительномъ количествѣ вышвыриваются деревней въ города и на фабрики. Чѣмъ мы не Европа!

Параллельно, въ художественной литературѣ, какъ лейтмотивъ 90-хъ годовъ, смѣнившій «малыя дѣла» 80-хъ—настойчиво иллюстрировался «идіотизмъ» мужика, «утопизмъ» народничества, не только въ настоящемъ его видѣ, но и въ прошломъ,—«на-кругъ», демонстрировался «коллективистическій» черепъ пролетарія и прелести реставрированнаго изъ тьмы временъ марксизма, чуть не въ томъ видѣ, какъ онъ былъ формулированъ въ 1847 г.

«Ясно, просто, логично, въ четверть часа можно цѣлую философію исторіи усвоить съ гарантированной научностью. Притомъ для всѣхъ удобно: кто не хочетъ думать, для того уже все удумано, все разжевано и въ ротъ положено,

остается только проглотить; кто не хочетъ ничего дѣлать по какой бы то ни было причинѣ, за того историческая необходимость все сдѣлаетъ; кто хочетъ вполнѣ безошибочнаго недопускающаго разочарованій дѣла, того удостовѣряютъ, что теперь всякимъ утопіямъ конецъ пришелъ, кого смущаетъ бѣдность и несовершенство жизни—тотъ узнаетъ, что все это на пользу человѣчества и даже именно народа, того самаго, который нищенствуетъ и голодаетъ; кому нужно непремѣнно новое слово—вотъ оно—еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сказано». (Ю. Гарденинъ. Памяти Михайловскаго.)

Итакъ: антинародничество и европеизація — вотъ лозунгъ и знамя 90-хъ годовъ, на которое бросилась битая и небитая интеллигенція.

Всѣмъ памятны разсказы А. П. Чехова, посвященные деревнѣ, его «Мужики», «Новая дача», «Темнота», «Злоумышленникъ», «Въ оврагѣ» и т. п., гдѣ деревнѣ выносится страшный приговоръ: повальное идіотство, безсмысленное звѣрство, умственное убожество, обиталище пьяницъ, воровъ, полуидіотовъ, одичалость, неблагодарность.

Вотъ какъ характеризуетъ мужика Полозневъ въ «Моей жизни»:

«Въ большинствѣ это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди; это были люди съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественные, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ однѣми и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, осѣрыхъ дняхъ, о черномъ хлѣбѣ—люди, которые хитрили, но, какъ птицы, прятали за дерево одну только голову, которые не умѣютъ считать. Они не шли къ вамъ на сѣнокосъ за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра».

Или еще:

«То, что происходило въ деревнѣ, казалось отвратительнымъ и мучило. На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили, на Покровъ въ Мукосѣевѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня, пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ еще со всѣхъ

дворомъ собирали на водку. Въ первый день у Чикильдѣевыхъ зарѣзали барана и ѣли его утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, ѣли помногу, и потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобы поѣсть. Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропилъ все, даже шапку и сапоги, и такъ билъ Марью, что ее отливали водой. А потомъ всѣмъ было стыдно и тошно».

И далѣе:

«Бывали такіе часы и дни, когда казалось, что люди эти живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, не честны, грязны, нетрезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому, что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджегъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ.» («Мужики»).

Правда у Чехова все это было хотя въ сущности буржуазно и реакціонно, но вытекало изъ его художественной индивидуальности и носило ярко выраженный характеръ скорби за человѣка вообще, носило еще слѣды типичнаго интеллигентскаго болѣнія за мужика, за простого человѣка. Не было злого умысла:

«Да, жить съ ними страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя бы найти оправданія. Тяжелый трудъ, отъ котораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и неоткуда ждать ея...» (id.)

Чеховъ находитъ въ деревнѣ даже здоровое ядро:

«...Были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всемъ томъ, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, въ общемъ, держится на какомъ-то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ. Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своей сохой, и какъ бы онъ ни дур-

манилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть что-то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напримѣръ, въ Машѣ (женѣ Полозкева) и въ докторѣ, а именно, онъ вѣритъ, что главное на землѣ—правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому болѣе всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость.» («Моя жизнь».)

Но буржуазно-марксистская мысль, но битая интеллигенція, но европеизированная и лопахинская литературная молодежь (Вересаевъ, Чириковъ, Горькій) поняли это по своему, по-лопахински, злорадно подхватили и съ визгомъ и сатанинскимъ хохотомъ подняли свистопляску, тыча пальцами въ мужика.

Выскакиваетъ Чириковъ со своими «Инвалидами», гдѣ вышучиваетъ все народничество, какъ опредѣленную соціально политическую группу съ опредѣленной соціально-философской доктриной и вопитъ: «въ отставку!!» Почти одновременно Вересаевъ выстрѣливаетъ по адресу народничества и «народа»—«Повѣтріемъ» и позднѣе «На поворотѣ». Дебютируетъ М. Горькій своимъ «Челкашомъ», гдѣ мужикъ выведенъ дуракомъ, а «пролетарій» и босякъ умникомъ... Начинается цѣлая блокада, въ результатѣ которой тотчасъ же оказалось, что у русской интеллигенціи выбито вообще всякое чувство соціальной отвѣтственности, долга передъ страной и сознаніе своей общественно-политической роли въ жизни страны.

Выбивали «мужика», а выбили «общественность» и «соціальность».

И буржуазно-марксистская критика апплодировала, битая интеллигенція торжествовала, а Лопахинъ гладилъ себя по животу и повторялъ, пуская слюни:

— Продолжайте! Намъ пріятно!

И продолжали.

Деревня скучна, однообразна: вотъ, напримѣръ, крестьянинъ Михайло («На мертвой дорогѣ» Вересаевъ) «вѣчно съ сокрушеніемъ разсказывалъ онъ о деревенскихъ непоряд-

кахъ, о міроѣдахъ, о надѣлахъ, на которыхъ «курицѣ ступить негдѣ», о неурожаѣ... Въ его ропотѣ безъ конца одна унылая нота звучитъ неизмѣнно: «а мы отощали». Вотъ мужичка-богомолка повѣствуетъ: «въ эти ворота Христосъ въѣзжалъ на ослѣ. Евреи стлали Ему бархаты, шелка, а Онъ говоритъ: не поѣду по бархату, по шелкамъ, а поѣду по вербамъ, что мнѣ дѣти постлали. Евреи смотрятъ. Зачѣмъ, говорятъ, Онъ по вербамъ ѣдетъ? Царь, что ли? Хотѣли дѣтей прогнать, только Христосъ имъ этого не дозволилъ, говоритъ: Не препятствуйте имъ. Если, говоритъ, воспрепятствуете, то аще камни возопія!.. И что же, миленькіе мои? Такъ до сего времени всѣ тѣ камушки, разинувъ рты, и лежатъ» (id.).

— Ну, не дура ли?—спрашиваетъ авторъ.

— Дура и есть!—гладитъ животъ Лопахинъ.

Вотъ деревенскій парень Ванька, попалъ онъ на заводъ. Онъ — олицетвореніе очумѣлаго испуга. Всѣ надъ нимъ смѣются. Правило всей его жизни: «нешто я не понимаю? Небось, ты мнѣ старшой» («Ванька»).

Вотъ другой парень, захлебываясь отъ восторга, разсказываетъ про порядки «обѣтованной земли», отъ которыхъ морозъ по кожѣ деретъ. «У насъ крѣпко живутъ»—поетъ парень,—«бунтоваться не позволяютъ никому... Въ хозяйствѣ каждый свое дѣло знаетъ, не упирается, старшого слушаютъ («Земля обѣтованная»).

— Ну не идіоты ли?—разводитъ руками авторъ.

— Идіоты и есть,—хлопаетъ себя по животу Лопахинъ.

Забота только о себѣ, о своемъ благополучіи въѣлась въ плоть и кровь крестьянина. У него жестокій эгоизмъ звѣря, безплодный и безсмысленный эгоизмъ, онъ старается пріобрѣсти «мало маленечко», онъ мелкій производитель, онъ собственникъ, онъ предается мечтамъ о мелко-буржуазномъ благополучіи,—нижетъ Вересаевъ.

— Долой мужика!—вторитъ ему Лопахинъ.

— Стоитъ ли на него работать!—пожимаетъ плечами марксистъ.

— «Въ концѣ концовъ я самъ по себѣ историческій фактъ. Я—интеллигентъ; что же такого? Я не желаю стыдиться этого, я желаю признать себя. Онъ хорошъ, не спорю, я вѣрю въ него и уважаю его, но прежде всего, я хочу вѣрить въ себя»,—вѣщаетъ битый интеллигентъ («На поворотѣ»).

А идея народности все уплываетъ, народничество блѣднѣетъ, народъ уже не существуетъ для интеллигента, пролетаріатъ не импонируетъ: «мы сами историческій фактъ! Насъ не меньше, чѣмъ пролетаріевъ!» Ради цѣлаго народа не жертвуемъ, на кой же чортъ намъ пролетаріи?

«Съ какой стати я принесу свое «я» на поруганіе и смерть для того, чтобы рабочіе XXXII столѣтія не испытывали недостатка въ пищѣ и половой любви?.. Да, чортъ съ ними со всѣми рабочими и нерабочими всего міра!» (Санинъ, Арцыбашева).

Заключаетъ ex-интеллигентъ fin de siecle.

Но обратимся къ Горькому. Онъ тоже не мало послужилъ идеѣ антинародничества, не мало посѣялъ «разумнаго, добраго, вѣчнаго».

Если антинародничество Вересаева было продиктовано вліяніемъ Карла Маркса, Энгельса и Каутскаго, то антинародничество Горькаго имѣло своими учителями не только Маркса, Энгельса и Каутскаго, но и Ибсена, Ницше и Штирнера, равно какъ и героевъ французскаго декаданса и вырожденія, пудами переводившихся въ марксистскихъ журналахъ «Новое Слово», «Жизнь», «Начало» и т. п. Принявъ поистинѣ лопахинскую дозу всей этой мѣшанины, полуграмотный Горькій сразу «европеизировался» и началъ, какъ умѣлъ, излагать своими словами, вульгаризировать и комментировать европейскую премудрость въ примѣненіи къ русской жизни. Получалось что-то ходульное, маріонеточное, водевильное — какая-то сусальная «Власть тьмы» на французской сценѣ. И это при наличности недюжиннаго дарованія!

Талантъ не то чтобы зарывался въ землю, но обращался противъ того народа, изъ нѣдръ котораго вышелъ. Было похоже на свинью подъ дубомъ...

Н. К. Михайловскій, со свойственной ему деликатностью, подчеркнулъ въ Горькомъ эту черту, находя ей тогда (въ 1898 г.) оправданіе въ томъ, что Горькій на всѣхъ, кромѣ босяковъ, рветъ и мечетъ. Но деликатность деликатностью, а надо было помнить, на кого писатель имѣетъ право рвать и метать, а на кого и не имѣетъ. Есть вопросы, подходить къ которымъ для каждаго обязательно съ благоговѣніемъ и непокрытой головой. Таковъ вопросъ о нашемъ многомилліонномъ и многострадальномъ народѣ. Иное дѣло, когда къ нему подходитъ тонкій и нѣжный, какъ мимоза, А. П. Чеховъ—«онъ можетъ сказать ядовитое слово въ то время, какъ сердце порваться готово»... — и ино дѣло когда къ нему подходитъ хамъ Лопахинъ.

А какъ подходилъ Горькій? Михайловскій это видѣлъ: Вотъ босякъ Гришка Челкашъ. «Въ сравненіи съ работящимъ и глуповатымъ мужикомъ Гаврилой онъ, воръ и пьяница, есть настоящій герой и рыцарь чести. Онъ, въ освѣщеніи г. Горькаго, имѣетъ полное право смотрѣть сверху внизъ на этого «жаднаго раба». И критики, недавно восторгавшіеся посредственнымъ разсказомъ г. Чехова собственно потому, что въ немъ «мужики» своимъ «деревенскимъ идіотизмомъ» выгодно оттѣняютъ фигуры трактирнаго лакея и меблированныхъ комнатъ, уже за одно это униженіе мужика—такая теперь мода—высоко оцѣнятъ г. М. Горькаго. Повидимому, глубокое презрѣніе къ мужику и деревенскому житью, сопровождаемое даже ненавистью, свойственно не одному Гришкѣ Челкашу, а вообще излюбленнымъ героямъ г. Горькаго. Такъ, въ разсказѣ «Мальва» удалой золоторотецъ Сережка называетъ мужиковъ «землеѣдами тупорылыми» и «кротами таракановичами», а объ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ отзывается такъ: «Мнѣ

онъ не по душѣ... деревней отъ него воняетъ, а я запаха этого не терплю» (III, 56—57). Сама Мальва презрительно говоритъ, что въ деревнѣ «какъ въ ямѣ—и темно и тѣсно» (III—34). Сережка же такъ поясняетъ свою мысль въ другомъ мѣстѣ: «Я, видишь ты, всѣхъ мужиковъ не люблю... они сволочи! Они прикинутся сиротами, имъ и хлѣба даютъ и... все!.. У нихъ вонъ, земство есть и оно все для нихъ дѣлаетъ... Я у земскаго доктора кучеромъ служилъ, насмотрѣлся на нихъ... потомъ бродяжилъ по землѣ много. Придешь, бывало, въ деревню, попросишь хлѣба—цапъ тебя! Кто ты, да что ты, да подай паспортъ... Бивали сколько разъ (ср. Вересаевъ: «они меня били, били!»). То за конокрада примутъ... то просто такъ... Въ холодную сажали... Они поютъ да притворяются, по жить могутъ, у нихъ есть зацѣпа—земля. А я что противъ нихъ?» (III—163). Въ «Бывшихъ людяхъ» ненавидитъ мужиковъ нѣкій Тяпа. «Каждый разъ, когда въ ночлежкѣ являлся какой-нибудь свѣжій экземпляръ человѣка, вытолкнутаго нуждой изъ деревни, Тяпа при видѣ его впадалъ въ тоскливое озлобленіе и безпокойство. Онъ преслѣдовалъ этого несчастнаго ѣдкими насмѣшками, съ злымъ хрипомъ выходившими изъ его горла; онъ натравливалъ на него какого-нибудь злющаго босяка, грозилъ, наконецъ, собственноручно избить и ограбить его ночью, и почти всегда добивался того, что запуганный и растерявшійся мужикъ исчезалъ изъ ночлежки и уже больше не являлся въ ней». Въ газетѣ Тяпа читалъ о томъ, что въ такой-то деревнѣ градомъ побило хлѣбъ, а въ другой сгорѣло тридцать дворовъ, а въ третьей баба отравила свою семью,—все, что принято писать о деревнѣ и что рисуетъ ее несчастной, глупой и злой, Тяпа читалъ все это и глухо мычалъ, выражая этими звуками, быть можетъ, удовольствіе» (II, 168—169). Емельянъ Пиляй, «мѣщанинъ голоштанникъ», какъ онъ самъ себя называетъ, грозитъ «дворянамъ отъ сохи» разными непріятностями. Онъ мечтаетъ открыть кабакъ и

съ нѣкоторымъ даже сладострастіемъ представляетъ себѣ, какъ онъ будетъ грабить мужика: «Мужика бы, этого черноземнаго барина—ухъ ты!.. Грабь! дери шкуру, выворачивай на изнанку. Придетъ опохмѣлиться—«Емельянъ Павлычъ, дай въ долгъ стаканчикъ!»—А? что?.. Въ долгъ?!. Не даемъ въ долгъ!—«Емельянъ Павлычъ, будь милосердъ!»—Изволь буду: вези телѣгу, шкаликъ дамъ. Ха-ха-ха! Я бы его, чорта тугопузаго, произнялъ!» (I, 20).

Да. Михайловскій все это видѣлъ и думалъ, что это «мода». Оказалась, увы, не мода, а цѣлый дружный походъ, цѣлая блокада, штурмъ общественности, свистопляска антинародничества — стройная и цѣльная система нигилизма, занявшаго цѣлую четверть вѣка.

Насколько все это у Горькаго было непродуманно, навѣяно извнѣ и непрочно, показываетъ тотъ фактъ, что послѣ революціи онъ, очевидно сложившись и понаблюдавъ, къ ярости марксистовъ, сталъ народникомъ и далъ такія чисто народническія вещи, какъ «Исповѣдь», «Жизнь ненужнаго человѣка», и послѣднія его повѣсть «Лѣто». Что жъ, лучше поздно, чѣмъ никогда!

Но сѣмя было посѣяно и дало богатѣйшіе всходы. «Дѣло жизни», служеніе народу, какъ священная миссія, какъ нервъ русской интеллигенціи, какъ ея знамя—было выбито дружными усиліями могильщиковъ русской общественности: Вересаева, Чирикова и Горькаго, съ одной стороны; подсвистывавшихъ имъ въ «Жизни», «Новомъ Словѣ» и «Мірѣ Божіемъ» критиковъ-марксистовъ Богдановичей, Андреевичей и Поссе—съ другой, и поднявшихъ самостоятельную свистопляску антинародничества русскихъ марксизма Бельтовыхъ, Струве и Ленинныхъ.

Русская интеллигенція, изъ рукъ которой такъ быстро вылетѣло знамя народничества: **во-первыхъ**, потому что она «не находила возможности живого дѣла», **во-вторыхъ** потому, что какъ она ни «принуждала деревню вѣрить себѣ», «работая по пять недѣль», деревня ее «била», **въ третьихъ** потому что явились люди,

прикрывавшіеся лозунгами соціалъ-демократизма, которые доказывали, что иначе и быть не можетъ и «сама Европа» давно уже не служитъ идеѣ народности и «ідіотизму деревни», а занимается болѣе чистенькимъ дѣломъ—организованнымъ «пролетаріатомъ»—выпустила изъ своихъ рукъ вообще какое-бы то ни было знамя и занялась своей особой:

«Въ концѣ концовъ я самъ по себѣ историческій фактъ. Я—интеллигентъ: что же такого? Я не желаю стыдиться этого, желаю признать себя... Прежде всего я хочу вѣрить въ себя!». (Вересаевъ. «На поворотѣ»).

Оказалось, и иначе и не могло оказаться, что «историческій фактъ—интеллигентъ», ничѣмъ не малочисленнѣе и даже интереснѣе другого факта—«пролетаріатъ», и оба факта быстро столкнулись въ конфликтѣ своихъ интересовъ и не могли не столкнуться *какъ величины по меньшей мѣрѣ эквивалентныя и равноцѣнныя*—и мы оказались свидѣтелями того, какъ *тотчасъ за «ликвидаціей народничества» былъ «ликвидированъ пролетаріатъ»*.

И это зарегистровано и возведено въ культъ сначала у Куприна въ 1905 г.: «Какой интересъ заставитъ меня разбивать свою голову ради счастья людей XXXII столѣтія? О, я знаю этотъ куриный бредъ о какой-то міровой душѣ и священномъ долгѣ! Но даже тогда, когда я ему вѣрилъ умомъ, я ни разу не чувствовалъ его сердцемъ» («Поединокъ»).

А позднѣе у другого сотрудника марксистскаго «Міра Божьяго»—Арцыбашева въ 1907 г.

«Съ какой стати я принесу свое «я» на поруганіе и смерть для того, чтобы рабочіе XXXII столѣтія не испытывали недостатка въ пищѣ и половой любви?.. Да, чортъ съ ними, со всѣми рабочими и нерабочими всего міра! («Санинъ»).

Такъ въ тѣхъ же соціалъ-демократическихъ журналахъ, по образному выраженію кн. Трубецкого, «изъ нѣдръ

соціалъ-демократіи явилась Немезида: родился новый общественный типъ, который объявилъ, что великія идеи — пустяки и во имя собственнаго благополучія возсталъ противъ самой соціалъ-демократіи». («Конецъ революціи въ современномъ романѣ».).

Остановимся подробнѣе на этой интересной эволюціи. Мы видѣли, какъ русская интеллигенція покончила съ «утопической» идеей народничества, отмѣтили, какъ она покончила съ «утопической» идеей марксизма и вообще всякихъ «измовъ». Какъ она превратилась въ того босяка, котораго мы нынѣ такъ всѣ сразу замѣтили. И знаемъ почему это такъ случилось:

Мы уже видѣли, что соц.-демократія сама въ себѣ носила элементы разложенія: 1) Она исходила изъ матеріализма, а таковой, какъ оказывается, не въ силахъ воодушевлять на подвигъ: «Если жизнь только матеріальна, говоритъ Трубецкой, почему мнѣ не использовать для себя самого отведенный мнѣ короткій срокъ существованія; почему мнѣ не присвоить себѣ все пастбище? Чѣмъ мой индивидуальный эгоизмъ хуже коллективнаго и столь же животнаго эгоизма пролетаріата, и какое мнѣ до него дѣло? На всѣ эти вопросы соц.-дем. остается безъ отвѣта; въ этомъ и крылся источникъ ея неизбѣжнаго разложенія. Въ области матеріальныхъ интересовъ нельзя достигнуть объединенія душъ; въ этой сферѣ всякій хочетъ использовать для себя одного всю полноту матеріальныхъ благъ, а потому здѣсь человѣкъ человѣку волкъ. Единство «классового сознанія» прикрываетъ собою раздоръ противоположныхъ индивидуальныхъ интересовъ; когда онъ выступаетъ наружу,—соціалъ-демократическое движеніе распадается на атомы»; 2) соціалъ-демократія, возникшая какъ реакція героическому народничеству, начала съ «ликвидаціи народничества» и тѣмъ завершила оффиціальную ликвидацію общественнаго движенія, которое для Россіи, какъ страны земледѣльческой, отожествлялось, отожествляется и будетъ отожествляться только съ «народничествомъ». Ибо не-

значительная, искусственно, какъ и сама промышленность Россіи, взращенная группа «пролетаріата» является тепличнымъ, чужеземнымъ растеніемъ, которое зачахнетъ при первой ликвидаціи покровительственной системы, вернется въ ту же деревню (какъ и нынѣ это дѣлаетъ) и сольется съ тѣмъ же «народомъ». Идея «служенія пролетаріату» не могла тотчасъ же не кончиться конфликтомъ. 3) Насаждая въ русской литературѣ литературу западноевропейскаго вырожденія и модернизма, предоставивъ свои журналы какъ каѳедру для индивидуализма, ницшеанства, ибсенизма, анархизма и декадентства, соціалъ-демократія завершила ликвидацію общественнаго движенія еще и тѣмъ, что содѣйствовала такимъ образомъ развитію антиобщественныхъ, антисоціальныхъ и антиморальныхъ тенденцій россійской ex-интеллигенціи, чего ни разу за все время существованія не позволилъ себѣ органъ народнической мысли «Русское Богатство», въ лицѣ Н. К. Михайловскаго усиленно боровшійся со всѣмъ марксистско-лопахинскимъ ввозомъ. Эта погоня дикарей за новыми, послѣдними словами вырождающагося Запада, чисто лопахинская черта имѣть все у себя въ стилѣ «модернъ», это хамское: «чѣмъ мы не Европа»!—погубила руссификаторовъ марксизма, отучила русское общество отъ самостоятельности и привело къ нигилизму 90-хъ годовъ.

Посмотримъ, чему мы «учились» и чѣмъ занялись послѣ этого.

Въ жизнь вошли и укрѣпились въ ней, найдя благодарную почву въ битой и небитой интеллигенціи и развалинахъ русской общественности, слѣдующіе предметы иностраннаго ввоза: 1) экономическій матеріализмъ и 2) модернизмъ (подъ послѣднюю категорію слѣдуетъ подвести понятія: индивидуализма Ибсена и Штирнера, ницшеанства и декадентства Метерлинка, Бодлэра, Верлэна и т. п.). Насколько тѣсно сплелись между собой обѣ эти категоріи, можно провѣрить хотя бы на такомъ яркомъ, характерномъ фактѣ, какъ то, что присяжный критикъ марксистскаго журнала «Жизнь» г. Андреевичъ былъ

одновременно и марксистомъ и ницшеанцемъ и являлся горячимъ проповѣдникомъ-піонеромъ того и другого теченія. Не говоря ужъ о томъ, что отдѣлъ художественной литературы журнала пополнялся исключительно модернистами и декадентами Запада и ихъ подражателями-россіянами. И въ спискѣ сотрудниковъ «Жизни» и піонеры марксизма и піонеры декадентства занимаютъ одинаково почетное мѣсто. То же было и въ журналѣ «Начало», а позднѣе въ «Правдѣ», гдѣ Луначарскій столь же счастливо сочеталъ въ себѣ обѣ крайности.

Сочетаніе, синтезъ экономическаго матеріализма и модернизма и дали россійскому ex-интеллигенту ту стройную систему нигилизма, которую онъ впитывалъ въ себя съ конца XIX столѣтія и продолжаетъ впитывать по днесь. Онъ далъ ему знамя, далъ философію и идеологическій фундаментъ для оправданія уже не Лопахинскаго, а фактически Сапинскаго и Виноградовскаго времяпрепровожденія.

Для насъ не имѣетъ никакого значенія касаться экономическаго матеріализма въ его чистомъ видѣ, ибо это завлекло бы слишкомъ далеко и отвлекло бы отъ темы. Для насъ важно выяснить систему этики матеріализма въ томъ ея видѣ, какъ она преподносилась на первыхъ порахъ ея русификаторами нашему интеллигенту и въ томъ видѣ, какъ онъ ее подхватилъ примѣнительно къ собственному ex-интеллигентскому пониманію, приспособивъ для домашняго обихода. То же и относительно модернизма.

Для насъ не важна «теорія непротивленія злу насиліемъ» сама по себѣ, какъ она была предложена Л. Толстымъ; для насъ не важна теорія «по ту сторону добра и зла», какъ она предложена Фр. Ницше; для насъ не важна «теорія экономическаго матеріализма» и система «модернизма» сами по себѣ— для насъ важны всѣ онѣ постольку и такъ, поскольку и

какъ онѣ преломились въ сознаніи русскаго общества 90-хъ и 900-хъ годовъ. Словомъ, для насъ важно ихъ соціологическое отраженіе.

Теоріи экономическаго матеріализма, на которой, какъ на базисѣ, покоятся всѣ выводы его послѣдователей, какъ мы видѣли, болѣе пятидесяти лѣтъ. Нынѣ полное разложеніе теоретическаго и практическаго марксизма на родинѣ его, въ Германіи, совершившійся фактъ. Наивный матеріализмъ 50-хъ и 60-хъ годовъ давно оставленъ наукой, которая во всѣхъ областяхъ проникласъ духомъ критицизма съ одной стороны и идеализма съ другой: выдвинулись этическія и метафизическія проблемы. Пала и вѣра въ крахъ капиталистическаго строя, и сами соціалъ-демократы нынѣ видятъ, какіе прочные корни имѣетъ современное германское общество съ его способами производства; былая нетерпимость и экстазъ погасли, мирная парламентская дѣятельность, законодательныя реформы— вотъ о чемъ говорятъ теперь соціалъ-демократы Запада. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ соціальныя идеи стали достояніемъ буржуазіи, ихъ раздѣляетъ и германское правительство, и прусскіе аграріи, и баварскіе католическіе патеры. Задача партіи предупреждать всякій крахъ, устранять конфликты встрѣтила глубокое сочувствіе правительственныхъ сферъ. Государство подало руку партіи. (Чрезвычайный интересъ въ этомъ смыслѣ имѣетъ книга Е. Лозинскаго «Итоги парламентаризма». Что онъ далъ и можетъ ли онъ что-нибудь дать рабочимъ массамъ? Изд. «Новый Голосъ». 109 стр., ц. 35 к., 1907.). Практическій марксизмъ на Западѣ всецѣло слился и ассимилировался съ интересами капитализма, государства и буржуазіи. Теоретическій распылился на безчисленныя теченія и направленія, сведшія на нѣтъ самую догму и въ корнѣ ее отрицающую.

К. Марксомъ самая теорія была выражена въ нѣсколькихъ строкахъ:

«Въ общественномъ производствѣ, служащемъ для поддержанія жизни, люди вступаютъ въ опредѣленныя не-

обходимыя, независящія отъ ихъ воли, отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производительныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышаются юридическія и политическія надстройки и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способомъ производства матеріальной жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе».

Уже, по мнѣнію піонера этой теоріи въ Россіи—П. Струве она является необоснованной: «мы не можемъ, говорилъ онъ, не признать, что чисто философское обоснованіе этого ученія еще не дано, и что оно еще не справилось съ тѣмъ огромнымъ конкретнымъ матеріаломъ, который представляетъ всемірная исторія».

Не смущаясь однако этимъ, Бельтовъ и Струве начали усиленно прививать ее русской интеллигенціи. Главнымъ образомъ была подхвачена идея о томъ, что религіозный, юридическій, политическій и интеллектуальный факторы непосредственно зависятъ отъ экономическаго фактора и характеру экономической почвы соотвѣтствуютъ идеологическія «надстройки»: право, справедливость, нравственность и т. п. (Бельтовъ. Монистич. взглядъ на исторію», 1895 г.). Не можетъ быть рѣчи о воздѣйствіи этихъ «надстроекъ» на экономическую жизнь народа, ибо всякая идея, къ какому бы порядку она ни принадлежала: къ философіи, искусству, или религіи, сама выростаетъ на извѣстной экономической почвѣ. Никакое воздѣйствіе человѣческаго сознанія и воли на жизнь не можетъ имѣть мѣста; причина вѣчно измѣняющагося историческаго движенія лежитъ внѣ человѣка; историческій процессъ фатально-стихіенъ, роль идей въ смыслѣ цѣлей ничтожна, роль личности въ исторіи—смѣш-

ное самообольщеніе. (Бельтовъ. «Мон. взгл. на ист.» и Струве «Крит. зам. объ эк. разв. Россіи»). Экономическій факторъ — единственный регуляторъ исторіи всего человѣчества. Не при чемъ и не играетъ никакой роли сознательное коллективное творчество, руководимое идеями о цѣлесообразности тѣхъ или другихъ учрежденій; воля отдѣльной личности, равно какъ и группы не въ состояніи ничего измѣнить въ ходѣ историческаго процесса, направляемаго экономическимъ факторомъ. Русская интеллигенція проникнется сознательно буржуазными теоріями, которыя и замѣнятъ нынѣшнее безсознательно-буржуазное народничество» (см. выше), она будетъ активно воздѣйствовать только въ интересахъ капитализаціи промысловъ, развитіи кулачества, разрушенія общины, обезземеленія населенія. Пусть разлагается деревня, пусть въ ней происходитъ борьба между многоземельными и малоземельными, пусть первые берутъ верхъ и гибнетъ община, пусть скупщики обираютъ кустарей и противодѣйствуютъ всѣми средствами развитію кустарной идеи, пусть сонмы кулаковъ останутся господами деревни и держатъ въ кабалѣ окрестную голытьбу — правовѣрный марксистъ пальцъ о палецъ не ударитъ. Пусть! «Россія должна превратить въ пролетаріевъ членовъ земельной общины» (Антоніо Лабріола); «я не за земельно устойчиваго крестьянина» (П. Струве); «пойдемъ навстрѣчу обезземеленія народа» (Вертъ).

Для насъ достаточно ясно теперь, въ какой мѣрѣ почву марксизму подготовило предшествовавшее ему ученіе Льва Толстого «о непротивленіи злу». Въ какой мѣрѣ былъ правъ публицистъ, заявившій: «въ наши дни — дни квіетизма — только и мыслимо бездушное, механическое міропониманіе, а въ сферѣ экономической — марксизмъ. Философское ученіе марксизма есть нравственный квіетизмъ и проповѣдь бездѣйствія, безволія». (Энгельгардтъ). Ясно, насколько все это «непротивленіе» пришлось по вкусу нашему интеллигенту, насколько онъ былъ «подготовленъ

къ пониманію экономическаго матеріализма» и почему онъ такъ «охотно» пошелъ ему навстрѣчу.

Историческій процессъ не нуждается въ роли личности, вмѣшательство въ его ходъ вредно, ничего въ его ходѣ не измѣнишь, деревня разваливается къ лучшему. Словомъ, интеллигентъ получилъ отставку по всѣмъ пунктамъ. Никому не нужно ни его народничество, ни его служеніе идеаламъ добра и т. п. Словомъ, какъ вопилъ Чириковъ: «въ отставку!!»

И она ушла въ отставку. Мы уже себѣ выяснили, какую громадную роль въ этой отставкѣ сыгралъ экономическій матеріализмъ своимъ развѣнчаніемъ идеала и теоріей «надстроекъ» въ примѣненіи къ моральнымъ, этическимъ и философскимъ традиціямъ русскаго общества. Словомъ,

«Доброе сѣмя упало на ниву народную!»

И вотъ сознаніе интеллигента, оставшагося «не у дѣлъ», самой «дѣйствительностью» отстраненнаго отъ воздѣйствія на внѣшнюю жизнь и нашедшаго философское оправданіе «недѣланію», направляется «во внутрь» уже окончательно, уже безповоротно и бросается въ объятія м о д е р н и з м а. Ибо: «во всѣ моменты исторической жизни, когда житейскія скверны начинаютъ играть въ ней доминирующую роль, когда въ ней воцаряется мерзость запустѣнія, все, что остается свѣтлаго, но недостаточно энергичнаго, бѣжитъ отъ этой мерзости въ уединеніе, изолируется отъ жизни и «совершенствуетъ свое я».

На сцену появляется Ницше, опять-таки приспособленный для домашняго обихода: «всеобщее благо вовсе не идеалъ, не цѣль, не доступное уму понятіе, но рвотное» («По ту сторону добра и зла», 199); это—наглое, откормленное заблужденіе, будто хорошій человѣкъ представляетъ большую цѣнность, чѣмъ дурной; въ процессѣ своего развитія личность, отрѣшившаяся отъ ходячей морали, не должна смущаться приговоромъ нравственнаго суда и осужденія—этихъ формъ мести людей, которыхъ обдѣлила

природа своими дарами; мечта о равенствѣ—это признакъ порчи нравовъ, вызванной грязнымъ потокомъ демократіи.

«Моральная оцѣнка человѣческихъ дѣйствій и влеченій есть всегда выраженіе потребностей общины, стада. Мораль предписываетъ индивиду быть функціей стада и цѣнить себя въ качествѣ этой функціи. Такъ какъ условія существованія различныхъ обществъ очень различны, то и было много моральныхъ воззрѣній.»

Буквально то же проповѣдывала и марксистская «этика» экономическаго матеріализма: всякая мораль есть только извѣстнаго рода отвѣтъ на наличныя общественныя потребности; если измѣняются эти потребности, то неминуемо рано или поздно должна измѣниться и мораль; а такъ какъ эти потребности мѣняются постоянно, то и содержаніе морали у разныхъ народовъ и въ разныя эпохи бываетъ различно; «безнравственность можетъ заключаться только въ отклоненіи отъ своей, а не отъ чужой морали—потому то, что въ одномъ обществѣ при извѣстномъ складѣ общественныхъ отношеній считается вполнѣ нравственнымъ, то же самое въ другомъ обществѣ можетъ признаваться безнравственнымъ» (К. Каутскій. Этика и историческій матеріализмъ).

Уже изъ этого маленькаго сопоставленія ясно, почему такъ ужились между собой имморальная этика модернизма съ «этикой» экономическаго матеріализма. Разногласій по существу у нихъ было немного. То и другое легко входило въ сознаніе интеллигента «не у дѣлъ», искавшаго философскаго оправданія для своего отреченія отъ служенія идеаламъ свободы, равенства и братства, съ одной стороны, и народу—съ другой.

Переходъ отъ аморализма, какимъ въ сущности была мораль марксизма и безусловно была мораль Ницше, къ индивидуализму и анархизму былъ до чрезвычай-

ности облегченъ. Идеалы общественности успѣшно развѣнчивались не только соціалъ-демократіей, но, и ницшеанствомъ.

«Зрѣлый плодъ общественнаго древа есть верховный индивидуумъ, себѣ лишь равный, отъ нравственности нравовъ освобожденный, автономный, сверхнравственный индивидуумъ». «Вы жметесь къ ближнему, и есть у васъ красивыя названія для этого. Но говорю вамъ: ваша любовь къ ближнему есть любовь къ самимъ себѣ... Вы бѣжите къ ближнему отъ самихъ себя и хотѣли бы сдѣлать изъ этого добродѣтель: но я насквозь вижу ваше «безкорыстіе». Совѣтую ли я вамъ любовь къ ближнему? Нѣтъ, я совѣтую вамъ бѣжать отъ ближнихъ и любить дальнихъ».

И мы совѣта послушались: отъ ближняго убѣжали. Ну, а до дальняго далеко! Стоитъ ли бѣжать! «Что намъ за дѣло до счастья людей XXXII столѣтія!»

Общественные инстинкты все болѣе атрофировались и началась свистопляска «верховнаго индивидуума». Насколько идеи Ницше пришлись по вкусу русскому обывателю-интеллигенту, видно изъ того, что увлеченіе не ограничилось имъ однимъ, а вызвало потребность въ знакомствѣ со всей индивидуально-анархической и декадентской школой Запада, и марксистскіе журналы должны были усиленно поставлять Верлэна, Ришпена, Ростана, Ибсена, Бьернсона, Альтенберга, Роденбаха, Метерлинка и проч. и проч. и проч.

Самая «русская» литература пошла подъ знаменемъ модернизма, декадентства и анархо-индивидуализма. Она не ограничилась Горькимъ и Андреевымъ, частью Тимковскимъ и отрыгнула изъ своихъ нѣдръ цѣлую клаку доморощеннаго декадентства и сверхъ-человѣчества — Сологубовъ, Мережковскихъ, Гиппіусъ, Волынскихъ, Брюсовыхъ, Коневскихъ, Добролюбовыхъ, Бальмонтовъ и т. д. и т. д. и т. д.

Горькій съ первыхъ же шаговъ рѣзко порвалъ

съ традиціями реализма русской литературы—съ реализмомъ Успенскаго, Тургенева, Гоголя, Гончарова, Чехова, Короленко и т. п. «Твое перо слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошитъ мелочи жизни... Если ты станешь на одномъ уровнѣ съ жизнью, если ты не можешь силой воображенія твоего создать образы, которыхъ нѣтъ въ жизни,—какая польза въ твоей работѣ? Загромождая память и вниманіе людей мусоромъ фотографическихъ снимковъ съ ихъ жизни, бѣдной событіями, подумай не вредишь ли ты людямъ»? («Читатель») И далѣе: «Весьма вѣроятно, я тутъ многое сочинилъ, заканчиваетъ одинъ изъ его героевъ повѣствованіе о своихъ странствіяхъ,—но ей Богу, если я навралъ, то я навралъ въ фактахъ. Вы смотрите не на нихъ, а на мой способъ изложенія—онъ, увѣряю васъ, съ подлиннымъ души моей вѣренъ. Я далъ вамъ жаркое изъ фантазіи подъ соусомъ изъ чистѣйшей истины». («Проходимецъ»).

Вотъ послѣ этого и вѣрьте г. Венгерову, что русская литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-индивидуальныхъ интересовъ! («Побѣдители или побѣжденные»). «Герои Горькаго никакихъ общественныхъ чувствъ не имѣютъ и любви къ ближнему не питаютъ». (Андреевичъ «Книга о Горькомъ» стр. 11). Они—первая попытка реализовать философію ницшеанства и воплотить ее въ образахъ. Они всѣ—аморальны и антиобщественны. Философія и Горькаго и Ницше сходится прежде всего въ отрицательномъ отношеніи ко всякимъ узамъ какъ политическимъ, такъ общественнымъ, соціальнымъ и моральнымъ.

«Вотъ человѣкъ, заявляетъ Варенька Олесова,—все боится стѣснить, быть несправедливымъ... Ахъ, ты Господи! Ну, и скучно же вамъ, должно быть, жить... Всегда въ удилахъ. А по моему, хочется вамъ стѣснить—стѣсните, хочется быть несправедливымъ—будьте». «Она проповѣдуетъ, что люди были бы интереснѣй, если бы они

были дерзкими и грубыми, и что въ романахъ нравятся злодѣи: «Всѣ ненавидятъ злодѣя, всѣ идутъ противъ него,—онъ одинъ противъ всѣхъ. Вотъ герой». Всѣ идеализируемые Горькимъ герои—Челкаши, Кувалды, Коляки, Мальвы, Промтовы—«отъ младыхъ когтей» морали терпѣть не могли: «безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни, безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню».

Идеологъ худосочной и безсильной ex-интеллигенціи, лучшій выразитель ея настроеній того времени, Горькій, какъ это ни странно, прорывается то и дѣло филиппиками противъ нея, что называется самъ себя бьетъ:

«Собралъ бы остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожу нашей интеллигенціи; чор-ртъ ее побери! Я-бъ имъ сказалъ: «букашки! вы лучшій сокъ моей страны. Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей. О, гниды! какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что же вы дѣлаете для нея? Превратили ли вы слезы пролитаго въ перлы? Что дали вы жизни? Что сдѣлали? Позволяете издѣваться надъ собой... Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы мало умны и совершенно безсильны и—трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, духъ творчества спокойно и крѣпко спитъ въ немъ и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька». (Ѳома Гордѣевъ).

Всѣ эти филиппики тѣмъ болѣе странны, что самъ же Горькій содѣйствовалъ укрѣпленію началъ антиобщественныхъ и аморальныхъ. Онъ выразитель и теоретикъ ея идеологіи и эти нападки—одна смѣшная истерія.

Насколько М. Горькій проникся «моралью» экономическаго матеріализма и ницшеанства, видно изъ того, что онъ въ «На днѣ» буквально заявляетъ: «Магометъ далъ коранъ, сказалъ: вотъ законъ! Дѣлай какъ написано тутъ! Потомъ придетъ время,—корана будетъ мало... время дастъ свой законъ, новый... Всякое

время даетъ свой законъ». Это буквально то же, что мы только что цитировали изъ философіи «морали» марксизма и ницшеанства.

А разъ нѣтъ единаго императивнаго для всѣхъ временъ и народовъ нравственнаго закона, имѣетъ ли смыслъ блюсти его? Разъ онъ такъ эластиченъ и измѣнчивъ, измѣнимъ или, лучше, совсѣмъ отмѣнимъ его: «Знаете ли вы, что такое идеалъ? Хе! Это просто костыль, придуманный въ ту пору, когда человѣкъ сталъ плохимъ скотомъ и началъ ходить на однѣхъ заднихъ ногахъ. Поднявъ голову отъ сѣрой земли, онъ увидѣлъ надъ ней голубое небо и былъ ослѣпленъ великолѣпіемъ его ясности. Тогда онъ по глупости сказалъ себѣ: я достигну его. И съ той поры онъ шляется по землѣ съ этимъ костылемъ, держась при помощи его до сего дня все еще на заднихъ лапахъ. Вы не подумайте, что и я тоже лѣзу на небо — никогда не ощущалъ такого желанія. Я это такъ сказалъ, для краснаго словца!» («Проходимецъ»).

Въ «На днѣ» есть и прототипъ Санина и Виноградова—Сатинъ, который проповѣдуетъ презрѣніе къ труду и участвуетъ въ шулерскомъ обыгрываніи рабочаго человѣка, то-есть самъ «жретъ чужое».

Богдановичи въ «Мірѣ Божіемъ», Невѣдомскіе въ «Началѣ», Андреевичи въ «Жизни», Луначарскіе и Минскіе наперерывъ другъ передъ другомъ и Меншиковымъ бросились, захлебываясь, восхвалять новаго теоретика разложенія, распада и нигилизма русской интеллигенціи. Ему народились подражатели. Онъ одинаково пришелся по вкусу и разлагающейся Россіи и разлагающемуся Западу. Нѣмецкая и французская критика дала о немъ не меньше статей, чѣмъ русская. Марксистская печать встрѣтила его не менѣе радушно, чѣмъ охранительная.

Очень много секретовъ интеллигенціи того времени разоблачилъ Гуковскій, авторъ книжки «Новыя вѣянія и настроенія»: «Что касается переживаемой нами теперь эпохи, говоритъ онъ, то она безусловно отличается стре-

мленіемъ выдвинуть на первый планъ отдѣльную личность. Мы устали отъ всѣхъ обязанностей, которыя налагаетъ на насъ общество, мы хотимъ освободиться отъ самой идеи долга и зажить широкой вольной жизнью, знать только свои личныя потребности, хоть на время освободиться отъ ига благоразумія и предоставить полную свободу своимъ чувствамъ, инстинктамъ, желаніямъ и стремленіямъ. Насъ опутываетъ теперь цѣлый рядъ правилъ морали, цѣлая сѣть разнообразныхъ, такъ называемыхъ общепризнанныхъ, опошлившихся сужденій, и намъ необходимо, какъ можно скорѣе, освободиться отъ всего этого гнета».

Когда-то Скабичевскій, отмѣтивъ это «новое», замѣтилъ: «что такое представляетъ собой это новое, мы не въ состояніи отвѣтить категорически, такъ какъ оно не успѣло еще ни опредѣлиться, ни получить своей клички. Мы можемъ лишь формулировать его отрицательно: это не будетъ ни натурализмъ, ни декадентство». Нынѣ это всѣмъ стало ясно: новое это—оказалось нигилизмомъ.

И смотрите, какъ прекрасно, какъ цѣльно систематизированъ и формулированъ онъ еще у Гуковскаго (1902 г.), такъ счастливо сочетавшаго въ себѣ ибсенизмъ, ницшеанство и модернизмъ. Вѣдь уже тогда, въ 1902 году мы могли знать къ чему мы идемъ и что наша «европеизація» уже давно отлилась въ стройную систему нигилизма. И если бы мы были внимательнѣе къ нашимъ переживаніямъ за послѣднюю четверть вѣка, мы не разинули бы такъ глупо рты передъ Сапинымъ. Но видно ужъ это у насъ въ крови—громъ не грянетъ, россіянинъ не перекрестится. Крѣпость «задняго ума». Восторгались, восторгались, а тутъ сразу «караулъ» закричали.

Вѣдь только одинъ Михайловскій замѣтилъ Гуковскаго.

«Ушла въ область преданія, заявляетъ Гуковскій, былая идеализація толпы и народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ мы перестали расточать прекрасныя слова о долгѣ личности

передъ народомъ, о необходимости служенія ему и т. д. Эпоха революцій возбудила въ обществѣ цѣлый рядъ надеждъ, которыя не оправдались; утратили, въ извѣстной степени, свое обаяніе парламентаризмъ и всеобщая подача голосовъ... Рухнуло цѣлое стройное міросозерцаніе»...

И, смотрите, развѣ не то же проповѣдывалъ контрабандой марксистскій журналъ «Правда»,переводя въ 1905 г. письма Ибсена, гдѣ мы находимъ такія строки: «настоящая свобода та, которая ускользаетъ отъ тиранiи политической свободы... Мы живемъ крохами, которыя упали со стола великой революціи; и эта пища давно уже изжевана и пережевана. Идеи нуждаются въ новой пищѣ и въ дальнѣйшемъ развитіи. Свобода, равенство, братство уже не то, чѣмъ они были во времена покойной гильотины. Политиканы упорно не хотятъ этого понять,—и вотъ почему я ихъ ненавижу. Они желаютъ частныхъ, поверхностныхъ революцій,—революцій въ политическомъ строѣ и тому подобное. Пустяки все это! Главное—это пробужденіе человѣческаго духа».

Ну вотъ мы и сказали: «пустяки все это!» и занялись «пробужденіемъ духа!» «Жизнь на этомъ свѣтѣ можетъ быть и не дурна, если только насъ оставятъ въ покоѣ господа, вторгающіеся къ намъ съ идеальными требованіями», какъ говоритъ Реллингъ въ «Дикой Уткѣ». Вотъ и мы также сказали этимъ господамъ: «вы мнѣ просто надоѣли своей тупостью и глупостью и подите всѣ къ чорту!» и прибавили: «если бы тебѣ всю жизнь такъ упорно лѣзли подъ ноги эти вольнолюбивые молодые люди, такъ ты бы и не такъ ихъ пугнулъ!» (Арцыбашевъ. «Санинъ»). Этого ли вы хотѣли, гг. марксисты?

Да, чего другого, а чувства исторической перспективы у нашихъ «европеизаторовъ» никогда не было. Чего мы хотимъ, куда мы идемъ? Въ этомъ не отдавалось отчета. Вали, переводи, перевози во всю — Маркса такъ Маркса, Ибсена такъ Ибсена, Метерлинка такъ

Метерлинка, чего тамъ разбирать, «европензируйся» во всю. Тамъ разберутъ!

Анархія ввоза—вотъ что насъ погубило. Полукультурные, полудикари, мы бросились на все, что блеститъ, на все, что «послѣднее слово», что импонируетъ своей новизной и модерномъ и, не сумѣвъ отдѣлить здоровое отъ больного, доброе отъ злого, нужное отъ хлама, хлѣба отъ «бриллліантовъ Тэта»—запутались окончательно и безнадежно на первыхъ же порахъ. По истинѣ злую шутку сыгралъ съ нами Лопахинъ!

И даже въ своихъ «руководящихъ» статьяхъ марксистская журналистика ничего не могла дать, кромѣ «телячьяго восторга» передо всѣмъ лопахинскимъ ввозомъ. У «критиковъ»-марксистовъ не было главнаго—«критическаго» отношенія къ предмету. Вспомнимъ пѣснопѣнія Андреевича Горькому и Ницше, втупикъ ставившія читателя марксистскихъ журналовъ, даже изъ «ех-интеллигентовъ». Марксистская журналистика всегда была «безъ ансабля» и никогда не стояла на аскетически цѣломудренной въ этомъ смыслѣ точкѣ зрѣнія того же «Русскаго Богатства». Послѣднее—надо отдать справедливость—удивительно осталось на высотѣ своего призванія, предпочитая въ эпоху безвременья давать по художественной литературѣ лучше меньше, но съ отборомъ, чѣмъ гоняться за «макулатурой» модернизма, какъ это дѣлали «Начало», «Жизнь», «Новое Слово», «Правда»—вплоть до нынѣшнихъ «Образованій» и «Современныхъ Міровъ».

А въ результатѣ, какъ говоритъ Гуковскій: «въ былое, еще очень недавнее время человѣкъ видѣлъ цѣль своей жизни, своего существованія въ трудѣ, выполненіи обязанностей, служеніи долгу и обществу... теперь же мы смотримъ на это именно какъ на обязанности, на долгъ, которые намъ кажутся скучными, тяжелыми и мы желали бы освободиться отъ нихъ». Вообще, заявляетъ Гуковскій, «всѣ мы, русскіе люди, въ высшей степени идеализируемъ, или вѣрнѣе говоря идеализировали людей

долга, людей, которые выше всего ставятъ выполненіе обязанностей, которые въ жертву этому долгу, этимъ обязанностямъ готовы принести все,—и свое личное счастье и свою свободу и пр.». Нынѣ же «намъ дорогъ тотъ фактъ, что утрачена былая вѣра въ цѣлый рядъ правилъ и словъ, которыя считались еще недавно непогрѣшимыми, которыя произносились только съ благоговѣніемъ, намъ дорогъ самый фактъ борьбы со всѣми этими устарѣлыми, угнетающими насъ понятіями, а разъ начата борьба, то раньше или позже *мы* добьемся побѣды».

Нынѣ «мы» заявляетъ: «Я не хочу работать! Только жить, жить, жить!» (Ибсенъ, «Дж. Габр. Боркманъ»). Отдаться жизни, просто жизни безъ всякихъ обязанностей, вторитъ ему «мы» Гуковскаго.

Какова этика у этого «мы»?

До смѣшного одно и то же, что у Ницше, у марксистовъ и у Горькаго! Сопоставьте съ вышеприведенными цитатами слѣдующія откровенія: «поступокъ считается хорошимъ или дурнымъ, соотвѣтствующимъ или несоотвѣтствующимъ идеѣ долга въ зависимости отъ того, кто является объектомъ этого поступка—свой или чужой.

Тотъ же самый поступокъ, который не только не осуждается, но даже считается хорошимъ, если онъ совершенъ въ отношеніи чужого, разсматривается какъ нарушеніе долга, если его объектомъ будетъ своякъ. Убійство, кража и многія другія дѣянія, которыя теперь считаются безусловно преступными, въ былое время считались преступленіями въ томъ только случаѣ, если они совершались въ предѣлахъ группы». Такое измѣненіе въ оцѣнкѣ этого рода дѣяній объясняется тѣмъ, что «понятіе о должномъ въ высшей степени расширилось и расчленилось».

Нѣтъ двухъ путей добра и зла.
Есть два пути добра...
Блаженство въ томъ, что все равно
Какимъ путемъ итти,

цитируетъ Гуковскій: «Люди, по словамъ Ницше, не должны бояться своихъ поступковъ, не должны въ нихъ раскаиваться. Человѣку стыдно испытывать угрызенія совѣсти!»

Милосердіе? цитируетъ онъ Ибсена, это стало боевымъ словомъ всего свѣта. Имъ прикрывается все жалкое, негодное, не смѣющее и не желающее творить дѣла. О, тупоумные, вы скоро обратите все человѣчество въ гуманныхъ куколъ». «Мы должны возвратиться назадъ, къ природѣ, къ инстинктамъ!», призываетъ Гуковскій, и на этотъ призывъ уже давно откликнулись русскіе декаденты.

Русское декадентство, сообщаетъ Венгеровъ, зародилось въ черные дни побѣдоносцевщины и, несомнѣнно, было органически связано съ тою общественной усталостью и реакціей, на почвѣ которой мрачная фигура «великаго инквизитора» получила свою роковую для Россіи силу. Въ унисонъ съ побѣдоносцевщиной, которая искореняла завиральныя идеи въ политической жизни, декадентство повело ожесточенную борьбу съ дѣятелями и идеями 60-хъ годовъ. И въ это же самое время оно находило идейныя основы для самодержавія и, не безъ контроверзъ, но, въ общемъ, все-таки дружило съ офиціальной церковностью.

Талантливый выразитель русскаго художественнаго декаданса, Александръ Бенуа въ своей «Исторіи русской живописи» такъ прямо и радовался тому, что въ 80-хъ годахъ была стнята и «послѣдняя надежда на участіе въ государственномъ переустройствѣ, благодаря чему, всѣ мало-по-малу охладѣли къ суетнымъ интересамъ политики, и послѣ двадцатилѣтней бури наступило надолго почти полное умиротвореніе».

Венгеровъ сознается, что: «**аморализмъ и аполитизмъ**—вотъ въ чемъ сущность русскаго «декадентства» и «символизма». Ими оно характерно и ими было сильно. Это признаніе пріобрѣтаетъ особую цѣнность и пикантность, если мы вспомнимъ, что всѣ герои декадентства

были приняты въ марксистскихъ журналахъ и такимъ образомъ самимъ пролетарски-матеріалистическимъ міросозерцаніемъ сѣялись идеи аморализма и аполитизма.

Какова же этика декадентства?

Теодоръ де-Банвилль заявляетъ: поэтъ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ идей, все это лишній балластъ. Единственно, что необходимо для поэта, это, по мнѣнію Банвилля, большой запасъ красивыхъ словъ, звучныхъ риомъ и умѣніе жонглировать выраженіями; культъ своего «я» одинъ изъ характерныхъ признаковъ направленія парнасцевъ. Цѣль искусства по Бодлэру въ служеніи красотѣ. Истина и нравственныя проблемы не должны быть его содержаніемъ и всякое отклоненіе поэта въ эту сторону должно неминуемо привести къ пониженію уровня искусства. Эстетика парнасцевъ давно окончательно отрѣшилась отъ всякихъ условностей и въ этомъ отношеніи парнасцы еще задолго до Ницше перешли по ту сторону добра и зла. Готье, Мендесъ и Бодлэръ увѣряютъ, что красота можетъ проявляться повсюду: въ такъ называемомъ порочномъ и въ такъ называемомъ добродѣтельномъ*). Отрѣшившись отъ всякихъ требованій современной этики, они проповѣдуютъ, что поступки и явленія могутъ быть только красивые и некрасивые. Истинный поэтъ долженъ быть безстрастенъ ко всему, исключая своего собственнаго «я». Короче говоря, эготизмъ и эстетика, освободившіеся отъ условностей современной морали — вотъ самыя главныя черты направленія парнасцевъ, перенесеннаго на русскую почву въ переводахъ и подражаніяхъ.

Уайльдъ, представитель школы эстетовъ, ставшій нынѣ чуть не евангеліемъ современной русской ex-интеллигенціи и ex-революціонной молодежи, подобно парнасцамъ полагаетъ, что искусство имѣетъ свои собственныя

*) Эту же самую философію защищалъ бывшій сотрудникъ марксистскихъ «Совр. Міра» и «Образованія»—Петръ Пильскій въ статьѣ о Сологубѣ «О красотѣ и пустотѣ».

цѣли и задачи и должно быть совершенно независимо; всякая тенденціозность и идейность обязательно, по его мнѣнію, ведутъ къ пониженію уровня искусства. Реализмъ, какъ направленіе, спѣлъ свою лебединую пѣсню. Эстетика выше морали—вотъ этическая формула декаданса.

Верлэнъ за безнравственное поведеніе былъ присужденъ даже къ тюрьмѣ. Уайльдъ былъ присужденъ къ тому же за преступныя наклонности. Верлэнъ безсознательно стоялъ и въ жизни «по ту сторону добра и зла». Всѣ символисты съ Верлэномъ во главѣ—эготисты и имморалисты. Отношеніе всѣхъ ихъ къ нравственнымъ и демократическимъ идеаламъ ясно обрисовывается какъ въ ихъ жизни, такъ и въ произведеніяхъ. Еще Т. Готье, подобно Верлэну, велъ жизнь богемы, не признавая никакихъ условностей современнаго общества и всѣмъ своимъ поведеніемъ дерзко протестовалъ противъ всѣхъ правилъ морали и благопристойности. По выраженію Брандеса, онъ «въ сущности былъ и остался до самой смерти художникомъ-цыганомъ, находившимся въ постоянной враждѣ съ обществомъ и его понятіями о томъ, что достойно уваженія». Состраданіе къ человѣку и его горю, по его мнѣнію, не достойно истиннаго поэта. «Чувствительность ничего не значитъ, ничего не доказываетъ». Какъ и всѣ декаденты, Т. Готье считалъ, что красота стоитъ выше морали и ея проявленія онъ находилъ даже въ утонченномъ порокѣ, описанномъ имъ не безъ смакованія въ романѣ M-lle de Maupin.

Бодлеръ въ своемъ презрѣніи къ требованіямъ этики и культуры превзошелъ Готье. Его положительно возмущаетъ все чистое и нравственное: «На что мнѣ твоя добродѣтель, будь лишь печальна и красива». Его такъ мѣтко охарактеризовалъ Бальмонтъ:

«Его манило зло, онъ рвалъ его цвѣты,
Болотныя въ себя вдыхалъ онъ испаренья,
Онъ въ грязной тинѣ преступленья
Искалъ сіянья красоты.

Исполненъ страшнаго нѣмого упоенья,
Въ вертепахъ низости, среди толпы чужой,
Скорбѣлъ онъ чуткою, тревожною душой».

К. Мендессъ дебютировалъ «Романомъ одной ночи» и былъ тотчасъ привлеченъ за оскорбленіе нравственности. «Наша мораль, наше національное чувство, говоритъ Барресъ, окончательно рушилось, и изъ нихъ мы уже не можемъ почерпнуть указаній для жизни, и въ ожиданіи, пока наши учителя выработаютъ снова какія-нибудь несомнѣнности, намъ нужно держаться единственной реальности—нашего «я». Единственная ощутительная реальность — это наше «я», и весь міръ — это только «фрески», которыя могутъ нравиться и не нравиться нашему «я». Гюисмансъ, какъ и Барресъ, проповѣдуетъ тотъ же крайній индивидуализмъ, а въ вопросахъ этики является такимъ же аморалистомъ.

Этотъ бѣглый обзоръ принятаго у насъ декадентства остается дополнить только афоризмами Уайльда и этикой Пшибышевскаго.

Въ книгѣ «Портретъ Доріана Грея» О. Уайльдъ между прочимъ высказываетъ такіе взгляды этическаго характера: «единственное средство избавиться отъ искушенія—это уступить ему», ибо «всякое подавленное желаніе вызываетъ въ душѣ нашей ядъ, отъ котораго мы погибаемъ». «Нравственность всегда послѣднее прибѣжище людей, не понимающихъ красоты». «Нравственность тогда мы примѣняемъ ее къ людямъ, которые намъ непріятны»; «самопожертвованіе должно быть запрещено закономъ». То же проповѣдуетъ Уайльдъ и въ «Эстетическомъ манифестѣ».

Не меньшей пикантностью отличается этика Пшибышевскаго, который вмѣстѣ съ Уайльдомъ сталъ настольной книгой современника.

Искусство, говоритъ Пшибышевскій, есть отраженіе жизни души во **всѣхъ** ея проявленіяхъ, независимо отъ того, будутъ ли они хороши или дурны, отвратительны

или прекрасны. Вчерашнее искусство было на службѣ у такъ-называемой нравственности. Даже наиболѣе могучіе художники, за немногими исключеніями, не были въ состояніи слѣдить за проявленіями души, отдѣляя ихъ отъ столь преходящихъ понятій, какъ нравственныя и общественныя: всегда требовали для своихъ созданій какой-нибудь морально-народной драпировки. Искусство, какъ мы его понимаемъ, не знаетъ никакихъ основъ нравственныхъ или общественныхъ; для художника, какъ мы его понимаемъ, всѣ проявленія души имѣютъ равное значеніе, онъ не справляется съ ихъ случайнымъ достоинствомъ, не считается съ ихъ случайно дурнымъ или хорошимъ вліяніемъ на человѣка или общество, а цѣнитъ его лишь на основаніи силы, съ которой оно сказывается.

А слѣдовательно субстратъ нашего искусства важенъ для насъ исключительно со стороны своей энергіи и совершенно независимо отъ того, является ли онъ добромъ или зломъ, красотой или безобразіемъ, чистотой или гармоніей, порокомъ или добродѣтелью.

Это уже шагъ впередъ даже передъ парнасцами и Уайльдомъ—даже красота уже не имѣетъ значенія! Важно одно щекотаніе и чесаніе пятокъ — чѣмъ «сильнѣй» и «энергичнѣе», тѣмъ лучше!

«Художника» нисколько не интересуютъ ни законы общественные, ни этическіе, ни даже эстетическіе—nihil!—ничто. У искусства нѣтъ цѣли: оно цѣль само въ себѣ, оно абсолютъ. А разъ оно есть абсолютъ, то не можетъ быть заключено ни въ какія оковы, не можетъ быть на службѣ какой-нибудь идеи, есть владыка, первоисточникъ, изъ котораго вытекла жизнь.

Искусство тенденціозное, искусство-поученіе, искусство-забава, искусство-патріотизмъ, искусство, имѣющее какую-бы то ни было общественную или нравственную цѣль—перестаетъ быть искусствомъ и становится «biblia pauperum» для людей, которые не умѣютъ мыслить,

или недостаточно образованы, чтобы прочесть надлежащее руководство. А для такихъ людей нужны странствующіе учителя, а не искусство.

Нравственно воздѣйствовать на общество, поучать его, будить въ немъ патріотизмъ или общественные инстинкты съ помощью искусства значитъ унижать послѣднее... Искусство для народа, искусство для толпы стоитъ еще ниже... Художникъ не слуга, не воспитатель; онъ не принадлежитъ ни народу, ни человѣчеству, не служитъ ни идеѣ, ни обществу... Не знаемъ мы никакихъ законовъ, ни нравственныхъ, ни общественныхъ, не признаемъ никакихъ мнѣній! (Ст. Пшибышевскій, «Афоризмы и прелюдіи». 1902 г.).

Много ли теперь смѣльчаковъ въ нашей беллетристикѣ, поэзіи и критикѣ, которые рѣшатся не дать своей подписи подъ этой мальчишески-хулиганской тирадой? Есть ли кто-нибудь въ нашей современной литературѣ съ тѣмъ, что нынѣ называется «именемъ», кто не распишется подъ этимъ обѣими руками? Всѣ, начиная съ Горькаго, который въ разсказѣ «Читатель» высказалъ тѣ же мысли, продолжая Купринымъ и кончая Арцыбашевымъ, Каменскимъ и Андреевымъ, солидарны съ этимъ манифестомъ нигилизма въ литературѣ и доказали это на цѣломъ рядѣ своихъ произведеній. Да и не они одни! Возьмите критиковъ.

А, вѣдь, когда-то мы были совсѣмъ иныхъ взглядовъ! Вотъ Венгеровъ на смѣхъ курамъ увѣряетъ, что мы и донынѣ имѣемъ литературу «аскетическую» и «учительную» (см. о немъ блестящую характеристику Невѣдомскаго въ статьѣ «Модернистское похмѣлье» въ сборникѣ «Вершины» 1909 г.).

Когда-то мы требовали отъ искусства дѣйствительно «учительности». Вспомнимъ отповѣдь Н. К. Михайловскаго въ 1902 г. по поводу исторіи русской живописи А. Бенуа:

Былъ ли Тургеневъ чуждъ «суетныхъ вопросовъ по-

литики», когда давалъ свою «Аннибалову клятву» борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, когда вплоть до «Нови» такъ или иначе откликался на волновавшіе общество общественные вопросы? Былъ ли ихъ чуждъ Достоевскій, изображая мракъ «Мертваго Дома», влагая въ уста Раскольникову политическую идею, воспроизводя политическій процессъ въ «Бѣсахъ», по своему рѣшая восточный и другіе политическіе вопросы въ «Дневникѣ писателя»? Былъ ли чуждъ Толстой въ своихъ статьяхъ о народномъ образованіи, о голодѣ, о непротивленіи злу, о государствѣ, о женскомъ вопросѣ и проч. и проч. и проч.? Думаю, отвѣтъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: Тургеневъ, Достоевскій, Толстой вызывали и восторги, и нареканія, но никогда они не были чужды «суетнымъ вопросамъ политики», хотя всѣ они, каждый по своему, стояли на извѣстной теоретической высотѣ, открывавшей имъ болѣе или менѣе широкіе горизонты.

И даже не только въ литературѣ, но и въ живописи были сильны эти традиціи: взаимныя отношенія между литературой и живописью, органическая связь между этими двумя сферами никогда не порывалась. «Литература и живопись находятся всегда въ нѣкоторомъ взаимодѣйствіи, одна другую наводя, одна другую отражая и имѣя подъ собой одну и ту же почву болѣе или менѣе широко распространеннаго общественнаго настроенія» въ томъ даже смыслѣ, въ какомъ извѣстная часть литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ руководила передвижниками.

Не менѣе тѣсная связь существовала и между музыкой хотя бы того же Мусоргскаго и этой «извѣстной частью литературы 60-хъ и 70-хъ годовъ». Она была не только реалистической, но даже народнической по темамъ и своему отношенію къ нимъ. И насколько отъ этого она не теряла, а пріобрѣла — можно судить по тому, что нынѣ Мусоргскій самый почитаемый композиторъ во Франціи. Ему народились не только подражатели, но и прекрасные тонкіе послѣдователи.

Нынѣ же во всѣхъ отрасляхъ искусства царитъ одинаковый хаосъ, одинаковая анархія и нигилизмъ. И можемъ ли мы теперь, пройдя по этапамъ развитія русской интеллигенціи за послѣднюю четверть вѣка и прослѣдивъ какое громадное растлѣвающее значеніе имѣло для насъ «западничество»-модернъ, отъ вліянія котораго не ускользнулъ никто изъ современниковъ—можемъ ли мы чему-нибудь удивляться? Могутъ ли насъ поразить какой-либо неожиданностью Куприны, Арцыбашевы, Каменскіе и Андреевы,—эти рабы западно-европейскаго декаданса и доморощеннаго анархизма, ставящіе единственной цѣлью и «субстратомъ своего искусства» чесаніе спины и щекотаніе пятокъ наивозможно съ большей «энергіей» и «силой». Являются ли для насъ какой-либо новостью порнографическія отрыжки Каменскихъ и Соллогубовъ, свисто-пляска утрированнаго анархо-индивидуализма Куприна и Арцыбашева, «формула желѣзной рѣшетки» Л. Андреева? Или, наконецъ, полный, тріумфальный «апофеозъ безпочвенности» Л. Шестова. Развѣ всѣ они не законныя дѣти русской интеллигенціи послѣдней четверти вѣка? Не кровь отъ крови и не плоть отъ плоти ея? Не декаденты до мозга костей, отравившіеся и отравляющіе? Даже оправданіе современной литературы—пессимистъ Л. Андреевъ не нигилистъ ли до мозга костей, и самый его пессимизмъ, доведенный до геркулесовыхъ столбовъ, не нигилизмъ чистѣйшей воды? И самое цѣнное въ нашей литературѣ, ея трагическое начало не перевоплотилось ли давно все въ тотъ же нигилизмъ нирваны?

Въ самомъ дѣлѣ, что такое «формула желѣзной рѣшетки» Л. Андреева?

«Сколько людей слабыхъ,—замѣчаетъ Андреевъ:—погибло бы на моемъ мѣстѣ жертвою безумія, отчаянія и тоски,—а я побѣдилъ все! Я перевернулъ міръ; моей душѣ я придалъ ту форму, какую пожелала моя мысль; въ пустынѣ, работая одинъ, изнемогая отъ усталости, я воздвигъ стройное зданіе, въ которомъ живу нынѣ радостно

и покойно—какъ царь. Разрушьте его—и завтра же я начну новое и, обливаясь кровавымъ потомъ, построю его! Ибо я долженъ жить! («Мои записки»).

Кто-то назвалъ мимоходомъ повѣсть Л. Андреева «Мои записки» – произведеніемъ потрясающимъ. Я думаю, что это сказано сильно, но дѣйствительно такой бездны отчаянія, ужаса и отрицанія бытія мы не видали еще отъ Л. Андреева. И это тѣмъ болѣе цѣнно, что передъ нами снова прежній Л. Андреевъ съ его эпически спокойнымъ тономъ, холодной, стальной мыслью, безстрашно порхающей надъ пропастями, не «пугающій», но доводящій до ужаса, безпощадно наносящій «глубокія, кровоточащія раны» — убивающій. «Жестокій талантъ» во всей его многогранной красотѣ, величіи и мощи. Во всемъ его разцвѣтѣ.

«Мои записки»—странная вещь. Не разъ читая ихъ вы закроете книгу, съ досадой, быть можетъ, воскликнете: кривляньe! И снова сядете за нее и снова отбросите: смерть или возрожденіе? Не разъ ваше впечатлѣніе отъ нихъ будетъ колебаться и мѣняться самымъ радикальнымъ образомъ: отъ великаго до смѣшного—одинъ шагъ! И только, когда дочитаете, забудете на мигъ и снова вспомните — возстановите во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ—вы поймете, что это—произведеніе высокой цѣнности.

«Мои записки»—сарказмъ, смѣющаяся и издѣвающаяся пародія, шаржъ на все, чѣмъ гордится наша жизнь — «наша тюрьма», какъ называетъ ее Л. Андреевъ. Плевокъ съ алой ниточкой крови въ лицо жизни—въ непокорное смѣющееся лицо бытія. И только временами въ немъ прорывается искренній вопль. Разберемся, насколько возможно, въ этомъ сложномъ произведеніи.

«Единственная цѣль, какой руководился я при составленіи моихъ скромныхъ «записокъ», говоритъ авторъ, это показать моему благосклонному читателю, какъ при самыхъ тягостныхъ условіяхъ, гдѣ не остается, казалось

бы, мѣста ни надеждѣ, ни жизни — человѣкъ, существо высшаго порядка, обладающее и разумомъ и волею, находитъ то и другое. Я хочу показать какъ человѣкъ, осужденный на смерть, свободными глазами взглянулъ на міръ сквозь рѣшетчатое окно своей темницы, и открылъ въ мірѣ великую цѣлесообразность, гармонію и красоту».

Такимъ ироническимъ введеніемъ начинаются «Записки».

Въ «Записках» выводится полупомѣшанный старикъ, въ душѣ котораго разъ навсегда произошелъ переломъ, приведшій его къ апологіи дѣйствительности,— къ культу небытія, нирваны, къ апоѳеозу тюрьмы и желѣзной рѣшетки:

«Какой ужасъ, какая боль!—Друзья мои, вы оставили меня одного! Друзья мои, вы понимаете, что вы сдѣлали: вы оставили меня одного! Развѣ мыслимо оставлять человѣка одного? Даже у змѣи есть товарищъ, даже у паука есть подруга—а человѣка вы оставили одного. Дали ему душу и оставили одного; дали сердце, разумъ, дали руку для пожатія, уста для поцѣлуя—и оставили одного! Что же дѣлать человѣку, когда его оставили одного»—такъ восклицалъ я въ «Дневникѣ заключеннаго», терзаясь горестными недоумѣніями. Въ юношескомъ ослѣпленіи своемъ, въ болп молодого, неразумнаго сердца, я все еще не хотѣлъ понять, что одиночество, на которое я такъ горько жалуюсь, подобно разуму, есть преимущество, данное человѣку передъ другими тварями, дабы оградить отъ чуждаго взора святыя тайны его души. Пусть разсудитъ мой серіозный читатель, во что превратилась бы жизнь, если бы отнять у человѣка его право, его обязанность быть одинокимъ?.. Только та тварь, что одинока, обладаетъ лицомъ, и морда вмѣсто лица у тѣхъ тварей, что не знаютъ великаго, благодатнаго одиночества души».

Наша жизнь—тюрьма. Мы должны это понять и принять. Все невѣрно, все вѣроломно, все измѣняетъ. Пора

понять и принять этотъ «мудрый законъ» жизни, по которому не вѣчны ни дружба, ни любовь, ни даже нѣжнѣйшая привязанность сестры и матери». Пора заключиться каждому въ его кельѣ-тюрьмѣ, но не для того, чтобы «умереть, изойти слезами», какъ прежде казалось Л. Андрееву, а для того, чтобы подчиниться этому мудрому закону жизни, не протестовать, не бороться, не плакать, а пѣть вѣчную красу и твердость неумолимаго и безпощаднаго закона.

«Законамъ жизни, а не смерти, и не поэтическаго вымысла, какъ бы ни былъ онъ прекрасенъ, долженъ подчиниться человѣкъ. Да и можетъ ли быть прекраснымъ вымыселъ? Развѣ нѣтъ красоты въ суровой правдѣ жизни, въ мощномъ дѣйствіи ея непреложныхъ законовъ, съ великимъ безпристрастіемъ подчиняющихъ себѣ какъ движеніе небесныхъ свѣтилъ, такъ и безпокойное сцѣпленіе тѣхъ крохотныхъ существъ, что именуются людьми».

Смерть трагедіи! Да здравствуетъ всеобщая эгалитарность мѣщанства! Не надо борьбы, не надо криковъ и воплей! Да будетъ нирвана, покой, небытіе! Да здравствуетъ смерть! И авторъ сердцемъ своего героя чувствуетъ «глубочайшій восторгъ передъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ— обратнаго шествія матеріи отъ жизни къ смерти, отъ сложнѣйшей конструкціи живого организма къ простѣйшимъ элементамъ вещества. «Долго въ экстазѣ, который я осмѣлюсь назвать религіознымъ, любовался я трупомъ...»

«Погасивъ всѣ надежды, сознаніе невозможности бѣгства (изъ «нашей тюрьмы») разъ и навсегда погасило и мучительную тревогу и освободило отъ рабства мой умъ». Вся наша тюрьма построена по крайне цѣлесообразному плану, вызывающему восторгъ своею законченностью». И «я предложилъ бы серьезно задуматься надъ вопросомъ, не лучше ли для человѣка полная неподвижность, въ крайнемъ случаѣ твердое и вѣрное ползанье по землѣ, нежели обманное порханье въ клѣткѣ?

Въ безысходности своихъ мыслей онъ черпаетъ «свобожденіе:

Обращаясь мысленно къ людямъ, онъ восклицаетъ:

«О, если-бъ они поняли, что свободы нѣтъ, что свободы не нужно—какъ были бы они счастливы въ сознаніи своей мудрой подчиненности цѣлесообразнымъ и строгимъ велѣніямъ рока». Вѣдь «если въ цѣлесообразности тюрьмы и существуютъ нѣкоторые пробѣлы, то не потому, чтобы въ основѣ ея лежала ложная идея, а лишь потому, что ограничены силы человѣка; но чего не можетъ сдѣлать одинъ, то дѣлаетъ другой, и такъ въ совмѣстной, дружной работѣ движется человѣчество къ осуществленію великихъ завѣтовъ разума и строгихъ предначертаній неумолимой справедливости».

Это уже даже не пессимизмъ, не «возвратъ къ Достоевскому», а сплошное, голое отчаявшееся издѣвательство не только надъ жизнью, прогрессомъ, культурой, но надъ послѣдними жалкими остатками, надъ крохами, которыми только можно оправдать жизнь. Царство хаоса и безнадежности.

И изъ этого «хаоса» авторъ записокъ творитъ «порядокъ»:

«Міръ обрушился мнѣ на голову, и не раздавилъ меня, и изъ его страшныхъ обломковъ я создалъ новый міръ—по моему чертежу и плану; всѣ злыя силы жизни: одиночество, тюрьма, измѣна и ложь,—всѣ ополчились на меня—и всѣхъ ихъ я подчинилъ своей волѣ... Я знаю истину! Я постигъ міръ! Я открылъ великое начало цѣлесообразности! Я разгадалъ священную формулу желѣзной рѣшетки!.. Священную формулу желѣзной рѣшетки, которая, раздѣляя безконечное на квадраты, тѣмъ самымъ подчиняетъ его намъ».

Л. Андреевъ на первый разъ призываетъ въ «келью подъ елью», въ темницу, въ одиночество. Помните еще въ «Мысли» или въ «Къ звѣздамъ»—типъ Сергѣя Николаевича?

«Развѣ я не былъ и великъ, и свободенъ, и счастливъ? Какъ средневѣковый баронъ, засѣвшій, словно въ орлиномъ гнѣздѣ, въ своемъ неприступномъ замкѣ, гордо и властно смотритъ на лежащія внизу долины—такъ непобѣдимъ и гордъ былъ я въ своемъ замкѣ за этими черепными костями. Царь надъ самимъ собой, я былъ царемъ и надъ міромъ. И мнѣ измѣнили. Подло, коварно, какъ измѣняютъ женщины, холопы — и мысли. Мой замокъ сталъ моей тюрьмой. Въ моемъ замкѣ напали на меня враги—гдѣ же спасеніе? Въ неприступности замка, въ толщинѣ его стѣнъ моя гибель». («Мысль»).

И вотъ теперь Андреевъ снова зоветъ въ тюремный замокъ... Но какъ! Съ проклятьемъ, съ презрѣньемъ, съ ненавистью и съ мучительной страстной любовью къ нашей жизни, къ нашей тюрьмѣ. Зоветъ и отгоняетъ, жалѣетъ и проклинаетъ. Смѣется и плачетъ. Рыдаетъ и издѣвается.

«Только я, да мой свирѣпый тюремщикъ, съ безумной подозрительностью выслѣживающій каждое мое движеніе, да черная рѣшетка, схватившая въ свои желѣзныя объятія безконечное, какъ намордникъ, закрывая его зловѣщую пасть — вотъ и вся моя жизнь. Молчаливо принимая низкіе поклоны, въ холодномъ отдаленіи отъ людей, прохожу я мой послѣдній путь. И все чаще я думаю о смерти, но и передъ ней не склоняю моего безтрепетнаго взора: сулитъ ли она мнѣ вѣчный покой или невѣдомую и страшную борьбу — я покорно готовъ принять и то и другое. Прощай, мой дорогой читатель! Смутнымъ призракомъ мелькнулъ ты передъ моими глазами и ушелъ, оставивъ меня одного передъ лицомъ жизни и смерти...».

Если въ «Жизни человѣка» Л. Андреевъ — трагическая жертва нашего нигилизма отрицалъ объективный смыслъ существованія, а въ пьесѣ «Къ звѣздамъ» былъ двойственъ отвѣтъ о смыслѣ субъективномъ, то въ «Моихъ запискахъ» мы не находимъ уже никакого

оправданія бытія — ни объективнаго, ни субъективнаго. И это какъ нельзя ярче вытекаетъ изъ отрывка, приведеннаго выше. Жизнь — это perpetuum mobile, въ которомъ на мѣсто разрушеннаго оправданія бытія «обливаясь потомъ и кровью» мы снова и снова строимъ другое — и такъ безъ конца!

Ибо я долженъ же жить!

Пусть нѣтъ длительнаго, опредѣленнаго смысла въ существованіи — будемъ жить каждой отдѣльной минутой, для каждаго момента воздвигая новое «стройное» зданіе, въ которомъ хоть мигъ — но «радостно и покойно», пусть это зданіе эфемерно и эфемеренъ покой — надо же какъ-нибудь жить! Такова оборотная сторона повѣсти-сарказма Л. Андреева, ея единственное «да».

Русская литература всегда была пессимистична, всегда тернистъ и трагиченъ былъ ея путь, но въ Л. Андреевѣ мы имѣемъ квинтъ-эссенцію этого пессимизма, не останавливающагося ни передъ чѣмъ, идущаго дальше и дальше, глубже и глубже, каждый разъ съ новой силой, несмотря на кажущійся предѣлъ этого рода творчества. Русскій пессимизмъ не изживаетъ себя, какъ это ему не разъ и не разъ сулили, но развивается и растетъ, наводя на мысль о его перманентности, тѣмъ не менѣе въ его настоящемъ видѣ онъ не болѣе какъ нигилизмъ, но только не ликующій, а страждущій — трагедія нигилизма.

Наше хожденіе по этапамъ развитія русской интеллигенціи за послѣднюю четверть вѣка достаточно ясно показало, что то, къ чему мы пришли послѣ «ликвидаціи народничества»: какъ, экономическій матеріализмъ, ницшеанство, индивидуализмъ *), декадентство, анархо-индивидуализмъ, порнографія, апоѳеозъ безпочвенности и фор-

*) О «проблемахъ идеализма», какъ объ одномъ изъ этаповъ, вытекшемъ изъ индивидуализма, я нахожу болѣе удобнымъ говорить въ слѣдующей главѣ—«Наши моралисты».

мула желѣзной рѣшетки — все это органически, тѣсно слито одно съ другимъ и органически вытекало какъ одно изъ другого, такъ и изъ общаго источника — нигилизма. Всѣ эти на первый взглядъ глубоко различные, другъ друга исключающіе знамена и лозунги нашей интеллигенціи на самомъ дѣлѣ безболѣзненно переходили изъ одного вида въ другой, дополняя и развивая другъ друга, и только прогрессировали по пути достиженія идеаловъ нигилизма.

Сколько-нибудь замѣтныхъ исключеній изъ этого всенароднаго шествія на протяженіи 25-лѣтія въ литературѣ нашей почти не было. Никто не шелъ въ разрѣзъ общему ходу разложенія, ничей голосъ не былъ диссонансомъ въ этомъ дружномъ, поступательномъ, «прогрессивномъ» движеніи.

Русская общественная мысль и самое русское общество растлѣвались «европеизаторами» чуть не подъ всеобщее подсвистыванье и гоготанье.

И повторяю, сама революція не внесла никакого измѣненія въ общій ходъ литературныхъ направленій, оказавшись минутнымъ проблескомъ молніи среди молчаливо и грозно подвинувшейся ночи русской общественной жизни. Не даромъ еще тогда, когда показались первые проблески, первыя вспышки приближавшейся грозы, безслѣдно прошедшей и канувшей въ лету, когда, какъ тогда выражались, казалось, что «наступаетъ весна», и этотъ громъ— весенній громъ, поэтъ писалъ:

А сердцу страшно: весна ли это,
Придетъ ли вслѣдъ ей благое лѣто?

Оказалось, что не весна и не лѣто, а такъ, зарницы, сполохи—«молніи проблескъ и—ночь». Снова та же россійская, гнусная, смрадная, страшная, безконечная ночь. И вопіетъ россіянинъ, затерянный среди этой ночи:

«Онъ вернулся, мой старый, проклятый кошмаръ:
Загремѣла тяжелая дверь—
И опять я одинъ въ ненавистныхъ стѣнахъ,
Какъ въ ловушку захлопнутый звѣрь!
Все, какъ прежде: съ тройною рѣшеткой окно
И со сводомъ глухимъ потолокъ...
Тускло свѣтитъ ночникъ; въ тишинѣ гробовой
Громко кровь ударяетъ въ високъ.
Словно кто-то настойчивый злобно твердитъ:
«Нѣтъ возврата! Надеждамъ конецъ!
Молчаливою бездной навѣкъ отданъ
Ты отъ міра живыхъ, ты—мертвецъ».
Вдругъ я вздрогнулъ... Прислушаться жадно спѣшу...
Чу! Невнятный таинственный звукъ...
Будто кто-то въ стѣнѣ молоточкомъ стучитъ:
«Кто ты? Кто ты, товарищъ? Тукъ-тукъ!»
И къ холодному камню дрожа я приникъ.
«... Братъ! ужъ близокъ послѣдній мой часъ.
Врагъ жестокій, не зная пощады, терзалъ—
Я разбитъ, но я честь мою спасъ.
Если родину ты повидаешь опять—
Ей снеси мой прощальный привѣтъ,
Братьямъ милымъ скажи»...
Молоточекъ замолкъ...
Что съ тобой, мой печальный сосѣдъ?
Какъ угроза, въ дверяхъ злобно щелкнулъ «глазокъ»—
И вскочилъ я какъ раненый звѣрь...
— Нѣтъ не сдамся, не сдамся я вамъ, палачи,
Вы могли мое тѣло сковать,
Но свободную душу безсильны убить—
Не хочу я, не буду молчать!..—
Что-то грудь мнѣ сдавило желѣзнымъ кольцомъ...
— Ахъ!..—и сбросилъ я тягостный гнетъ.
То былъ сонъ!..
Но отъ боли я вновь застоналъ:

На яву тотъ же ужасъ гнететъ!
Безъ рѣшетокъ тюрьма и безъ каменныхъ стѣнъ,
Но безмолвіе то же вокругъ...
Лишь порой заглушенный призывъ долетитъ:
«Братъ, ты слышишь? Откликнись! Тукъ-тукъ!»

(Сборн. «Въ защиту слова». Стихотв. П. Якубовича 1903 г.)

Русская революція, которую по общепринятому мнѣнію «дѣлала интеллигенція»—прошла, наоборотъ, мимо нея, ибо застала ее неподготовленной, дряблой, растлѣнной и нигилистичной. Вотъ почему и на интеллигентской литературѣ народное движеніе никакъ не отразилось.

НАШИ „МОРАЛИСТЫ“.

III.

Наши «моралисты».

Вполнѣ понятно, что нынѣ мы встревожены. Какъ-то сразу, то тамъ, то здѣсь начали раздаваться безпокойные голоса и тревожные крики: «Куда мы пришли?» Никакъ иначе нельзя назвать то поспѣшное, всеобщее стремленіе къ морализаціи, которое какъ будто приходитъ на смѣну нигилизма—какъ *переполохъ*. Все зашевелилось, загудѣло, зашумѣло и, когда пришелъ «Санинъ» (правда, немного поздно!), завопило:

— Распни его! Распни!..

Въ противовѣсъ культу тѣла и женской красоты выдвинулся даже антифеминизмъ. Книги Отто Вейнингера и Стринберга покупались на расхватъ. Около имени перваго создалась цѣлая литература. Некуда дѣваться стало отъ лекцій, съ одной стороны, о Санинѣ, съ другой о Вейнингерѣ. Стоило поставить въ афишѣ эти два имени, чтобы двери ломились отъ напора толпы. Лекторы могли бы создать на этомъ цѣлую аферу, нажить состоянія! Появился усиленнѣйшій спросъ на моральную литературу и этику и витрины книжныхъ магазиновъ — это зеркало души нашего интеллигента—запестрѣли литературой англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ моралистовъ. Откапывались произведенія русской соціологической школы этическаго соціализма Карѣева, Михайловскаго, съ одной стороны, и философія морали Вл. Соловьева—съ другой. Забродили и заметались марксисты **«въ поискахъ соціалистической морали»** и проч. и проч.

Лозунгъ сезона 1908—1909 г.: «этика», «антифеминизмъ» и «походъ на интеллигенцію».

«Несомнѣнно», пишетъ въ предисловіи къ своимъ «Этюдамъ по современной этикѣ» профессоръ В. М. Хвостовъ— «несомнѣнно, что въ послѣдніе годы и въ русскомъ, и въ западно-европейскомъ обществѣ оживился интересъ къ этико-философскимъ проблемамъ. На книжномъ рынкѣ постоянно появляются новые труды по этикѣ, а старые предлагаются въ новыхъ изданіяхъ и переводахъ. Это движеніе мысли можно только привѣтствовать. Очевидно, культурное человѣчество ощущаетъ въ себѣ потребность подвергнуть пересмотру основы своего этическаго міровоззрѣнія, чтобы подвести подъ него болѣе прочные устои. Послѣ долговременнаго господства позитивизма и матеріализма настала эпоха оживленія идеалистическихъ началъ. Стали интересоваться такими вопросами, которые одно время казались навсегда сданными въ архивъ. Вновь воскресаетъ въ умахъ вѣчная истина, что не о хлѣбѣ единомъ живъ человѣкъ».

Экономическій матеріализмъ на западѣ смѣняется неокантіанствомъ. (См. объ этомъ: К. Форлендеръ. Кантъ и соціализмъ», обзоръ новѣйшихъ теоретическихъ теченій въ марксизмѣ. Изд. «Пульсъ Жизни». М. 1906. 80 стр. ц. 40 к. Авторъ разсматриваетъ взгляды выдающихся представителей нео-кантіанства и приходитъ къ общему выводу о возможности принципіальнаго соглашенія Канта и ученія историческаго матеріализма въ смыслѣ этическаго обоснованія послѣдняго на почвѣ критической философіи. Его же. «Неокантіанское движеніе въ соціализмѣ», Изд. «Пульсъ Жизни». М. 1907. Ц. 30 к. Представляя собой самостоятельное цѣлое, этотъ очеркъ тѣсно примыкаетъ къ вышеуказанной работѣ автора. Авторъ анализируетъ современную литературу нео-кантіанцевъ, пытающихся сблизить ученіе марксизма съ критической философіей. Особый отдѣлъ посвященъ русской литературѣ (Лавровъ, Струве, Бердяевъ и др.). Очеркъ доведенъ

до 1902 г. Его же. «Современный соціализмъ и философская этика». Ц. 18 к. Изд. «Пульсъ Жизни». Представляетъ изъ себя новѣйшую работу Форлендера, заканчивающую обзоръ нео-кантіанской литературы въ соціализмѣ за періодъ 1902—1906 г.г. Авторъ отмѣчаетъ все усиливающійся интересъ къ кантовской философіи со стороны представителей марксизма, стоящій во внутренней связи съ запросами современной научно-философской мысли).

Въ Россіи разложеніе экономическаго матеріализма началось также нео-кантіанствомъ и привело къ «проблезмамъ идеализма». Въ 1901 г. въ марксистскомъ «Мірѣ Божіемъ» была напечатана статья Н. Бердяева «Борьба за идеализмъ». Въ томъ же году вышла его книга «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи»—критическій этюдъ о. Н. К. Михайловскомъ съ предисловіемъ П. Струве. Черезъ два года Булгаковъ выпустилъ книгу «Отъ марксизма къ идеализму». Въ 1903 г. вышла знаменитая книга коллективнаго творчества: «Проблемы идеализма». Наряду съ русскимъ бернштейніанствомъ и съ критикой со стороны «русской соціологической школы». этическаго соціализма Лаврова, Михайловскаго, Карѣева и ихъ новѣйшихъ продолжателей во главѣ съ В. Черновымъ—все это въ конецъ подорвало наивную ортодоксію добраго стараго времени. Распаденіе пошло по всей линіи. Тѣмъ не менѣе «Проблемы идеализма» сами по себѣ интересны только какъ одна изъ ступеней въ ходѣ оппозиціонной экономическому матеріализму общественной мысли разлагавшейся интеллигенціи.

Въ качествѣ теоретика, говоритъ Булгаковъ, «я стремился вѣрой и правдой служить марксизму, старался, насколько хватало моего умѣнья, отражать нападенія на него и укрѣплять незащищенныя мѣста, и этой задачѣ посвящены были—прямо или косвенно—рѣшительно всѣ мои работы. Но совершенно помимо моей воли, и даже вопреки ей выходило такъ, что, стараясь оправдать и

утвердить свою вѣру, я непрерывно ее подрывалъ и послѣ каждой подобной попытки чувствовалъ себя не укрѣпившимся въ своемъ марксизмѣ, а только еще болѣе пошатнувшимся. Такимъ-то образомъ, стремясь быть защитникомъ ортодоксальнаго марксизма, я становился его критикомъ. Экономическая доктрина Маркса не покрываетъ исторической дѣйствительности, которая, по своей сложности, не укладывается въ какую-либо простую схему».

Разложеніе началось въ нѣдрахъ ортодоксіи, на почвѣ столкновенія индивидуализма и экономическаго матеріализма, съ одинаковымъ стараніемъ проводившихся ею въ жизнь. Насколько эта эволюція «отъ марксизма къ идеализму» пришлась по вкусу русской читающей публикѣ, можно увидѣть изъ слѣдующаго факта, приводимаго Бациновскимъ:

«На сцену извлекаются Владиміръ Соловьевъ, Достоевскій, начинаетъ вѣрнѣе истолковываться Ницше. Идеализмъ, за который такъ одиноко и къ сожалѣнію нѣсколько своеобразно въ свое время ратовалъ А. Волынскій въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», теперь становится чуть ли не господствующимъ ученіемъ. Сборникъ «Проблемы идеализма», составленный изъ спеціальныхъ, написанныхъ подчасъ довольно труднымъ языкомъ статей, въ теченіе года расходится безъ остатка.

Недавно, напримѣръ (разсказъ относится къ 1903 г.), мнѣ случилось провести около часа въ одномъ нашемъ окраинномъ книжномъ магазинѣ. Входитъ студентъ, гражданскій архитекторъ, и тутъ разыгрывается слѣдующій діалогъ.

— Дайте мнѣ «Проблемы идеализма».

— Эта книга,—отвѣчаетъ приказчикъ,—распродана.

— Да вѣдь она вышла всего мѣсяца три-четыре тому назадъ?

— Что подѣлаете—распродана.

— Въ такомъ случаѣ будьте добры, хоть подержанную, а достаньте,—почти молитъ студентъ.

Вотъ вамъ фактъ. Студентъ, по спеціальности архитекторъ, разыскиваетъ «Проблемы идеализма» и, какъ сообщилъ мнѣ завѣдывающій магазиномъ, онъ далеко не единственный искатель этой книги. Заходили за ней и технологи и путейцы... Въ сущности, спеціально философская, написанная тяжелымъ языкомъ книга, однако, представляется той «безпокойной книгой», которой ищутъ, въ которой хотятъ что-то найти такъ же, какъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ искали откровеній въ не менѣе тяжелыхъ трудахъ Маркса. Я особенно подчеркиваю этотъ интересъ къ старому (?) идеализму у молодежи потому, что онъ представляется мнѣ фактомъ весьма важнымъ именно для характеристики новѣйшихъ нашихъ исканій и настроеній».

Дѣйствительно, какъ-то вышло такъ, что молодежь, воспитывавшаяся на книжкахъ Н. Карѣева («Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи», продолженіе ихъ «Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія», «Мысли о сущности общественной дѣятельности», «Мысли объ основахъ нравственности»), Вл. Соловьева («Нравственная философія», «Оправданіе добра») и Л. Толстого—какъ-то сразу набросилась на «Проблемы идеализма».

Посмотримъ, однако, чѣмъ была философія идеалистовъ, въ чемъ заключалась ихъ этика и мораль — и тогда мы, быть можетъ, увидимъ, что никакого скачка отъ этики нигилизма не было сдѣлано, и что моралисты «Проблемъ идеализма» не шли въ разрѣзъ съ существовавшимъ уже въ обществѣ настроеніемъ, а только формулировали его и подвели ему итогъ. Появись «Проблемы идеализма» раньше, онѣ не обратили бы на себя никакого вниманія, ибо не заключали въ себѣ ничего интереснаго въ научномъ отношеніи, не отличались ни оригинальностью постановки вопросовъ и выдвиганія проблемъ, ни самостоятельностью мысли.

Въ политическомъ смыслѣ это былъ умѣренный, робкій и скромный либерализмъ съ привкусомъ благочестія,

ложно-религіознаго пафоса и безусловнаго деизма, не задѣвающій ни ума, ни сердца, не трогающій, не волнующій. Это о нихъ сказалъ Ницше: вы—ни холодны, ни горячи.

Въ моральномъ смыслѣ идеалисты были вполнѣ дѣтьми своего вѣка, впитавшими въ себя соль модернизма. Безусловные идеалисты и моралисты, они дѣйствительно выступаютъ на защиту идеала и нравственности. Слова: духовно-нравственная личность, самоусовершенствованіе, идеалъ, нравственность, идеализмъ—не сходятъ со страницъ книги. Центральное мѣсто въ «Проблемахъ идеализма» занимаютъ основы этики. По мнѣнію авторовъ, отъ постановки и рѣшенія принциповъ нравственности должны зависѣть взгляды на прогрессъ, построеніе соціальной науки и философія права.

Остановимся на взглядахъ главныхъ теоретиковъ идеалистической морали, — Бердяева, Булгакова, Франка и Новгородцева.

«Цѣль моей статьи, говоритъ Бердяевъ,—сдѣлать опытъ постановки этической проблемы на почвѣ философскаго идеализма». Этику же онъ опредѣляетъ такъ: «Этика не есть соціологическая и психологическая наука, отыскивающая законы сущаго, это—философская дисциплина, устанавливающая нормы должнаго. Въ практической философіи дѣло идетъ не объ основаніяхъ того, что происходитъ, а о законахъ того, что должно происходить, хотя бы это никогда не происходило. Этика начинается противоположеніемъ сущаго и должнаго, только вслѣдствіе этого она и возможна». Однако изъ этого Кантовскаго принципа Бердяевъ не желаетъ выводить необходимости активнаго воздѣйствія на дѣйствительность:

«Я говорю не о мелочной практической морали, которую врядъ ли возможно философски дедуцировать и которая кладетъ роковую печать пошлости на работу философа». Мораль его поэтому носитъ лишь слегка замаскированный сверхчеловѣческій характеръ, что бросается въ глаза, хотя онъ и говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «нравственность есть без-

условное признаніе въ каждомъ человѣкѣ его духовнаго «я» и безусловное уваженіе къ его правамъ. Это есть то, что на обыкновенномъ языкѣ называется гуманностью: быть гуманнымъ значитъ признавать и уважать въ каждомъ человѣкѣ брата по духу, считать его природу такой же самоцѣлью, какъ и свою собственную, и способствовать ея развитію на почвѣ человѣческой духовной культуры». Для Бердяева нравственная проблема, прежде всего проблема индивидуалистическая—попытка приложенія къ жизни теоретическихъ построеній индивидуализма, стремленіе примирить и согласовать аппетиты индивида-самоцѣли и общества. Для него нравственно цѣнное въ человѣкѣ опредѣляется не одобреніемъ или осужденіемъ другихъ людей, не пользой общества, а согласіемъ съ собственной внутренней нравственной природой, отношеніемъ къ собственному «Богу». Нужды нѣтъ, что этотъ критерій нравственнаго растяжимъ до nec plus ultra, что идея нравственнаго распыляется между милліардами живущихъ и жившихъ когда-либо индивидовъ и превращается въ простое служеніе прихоти, и подобная этика нисколько не регулируетъ отношеній людей другъ къ другу. Давно уже пора, по его мнѣнію, уничтожить этическую фикцію «ты», «другихъ», которая только мѣшаетъ «правильной» постановкѣ и рѣшенію этической проблемы, и провозгласить суверенность «я». Ясно, что эта этика ничѣмъ существенно не разнится отъ этики Ницше, Горькаго, Пшибышевскаго, Уайльда и т. п.

Вольтманъ глубоко правъ, говоритъ Бердяевъ въ статьѣ противъ Михайловскаго, — когда кладетъ въ основаніе этики будущаго Кантовскую идею о человѣкѣ, какъ самоцѣли. «Содержаніе нравственности въ высшей степени текуче». Это уже марксизмъ.

Булгаковъ изложенію своей этической системы предпосылаетъ критику марксизма: «вполнѣ буржуазнымъ характеромъ, и потому гедоническимъ характеромъ отличается одно современное ученіе, исходящее изъ лагеря

тѣхъ, кто считаетъ себя наибольшими и при томъ принципіальными врагами буржуазіи. Мы разумѣемъ знаменитое ученіе о классовыхъ интересахъ». По мнѣнію Булгакова, невозможно найти единицу для измѣренія радостей и горя, ибо мы въ каждомъ изъ этихъ состояній имѣемъ нѣчто индивидуальное, опредѣленное не количественно, а качественно, такъ что масштабъ измѣренія временемъ или числомъ непримѣнимъ.

Далѣе Булгаковъ выступаетъ противъ альтруистической теоріи нравственности во имя той же якобы «гуманности»: эвдемонистическій идеалъ прогресса, какъ масштабъ при оцѣнкѣ историческаго развитія, приводитъ къ прямо противоположнымъ выводамъ. Ибо, съ этой точки зрѣнія, страданія однихъ являются моментомъ къ счастью другихъ. Наши потомки представляются вампирами, питающимися нашей кровью. Строить свое счастье на несчастьи другихъ во всякомъ случаѣ безнравственно, и воззрѣніе, оправдывающее такой образъ дѣйствія, хотя бы и касательно будущаго поколѣнія, тоже безнравственно». Какъ отдѣльная личность, такъ и цѣлое поколѣніе, слѣдовательно, должны заботиться только о себѣ и отстаивать только свои эгоистическіе интересы: послѣ насъ хоть потопъ! Жертвовать собой въ пользу не только личности, или общества, но и цѣлаго народа—безнравственно, потому что такая жертва ставитъ личность, общество, народъ, которые ею пользуются, въ безнравственное положеніе. Словомъ, точь въ точь, какъ говоритъ декадентъ О. Уайльдъ, осужденный за безнравственную жизнь: «Самопожертвованіе должно быть запрещено закономъ. Оно развращаетъ тѣхъ, для кого жертвуютъ собою».

Да и зачѣмъ избавлять народъ отъ страданій, зачѣмъ бороться за лучшее будущее? «Страданіе нравственно необходимо для человѣка», ученіе соціализма «совершенно неспособно оцѣнить необходимости всевозвышающаго значенія страданія», оно грѣшитъ противъ этики. Соціалисты часто защищаютъ альтруизмъ и говорятъ, что сча-

стье другого человѣка нужно ставить выше своего собственнаго, даже жертвовать своимъ счастьемъ во имя чужого. Все это разсужденіе лишено какого бы то ни было этическаго смысла. Всякое «я» имѣетъ такое же право на счастье, какъ и «ты». И такъ, долой любовь и состраданіе къ ближнему, къ меньшему брату, да здравствуютъ собственныя побужденія и чувства, или, какъ формулировалъ Бодлэръ:

И любовью и сердца влеченьемъ,
И виномъ и волшебными снами,
Опьяняйтесь, боясь пробужденья!

Такъ поняли идеалисты «категорическій императивъ» Канта!

Окончательно подаетъ руку ницшеанству третій идеалистъ-моралистъ, г. Франкъ. Въ его рукахъ «категорическій императивъ» освобождается отъ аскетическаго элемента уже совершенно и авторъ бросается очертя голову «въ пучину наслажденья».

«Нравственный законъ прежде всего требуетъ, чтобы человѣкъ никогда не былъ рабомъ, хотя бы это было рабство у чужого страданія и слабости и собственной къ ней жалости, чтобы человѣкъ не угашалъ своего духа, не отказывался отъ своихъ правъ на безпредѣльное развитіе и усовершенствованіе, хотя бы это былъ отказъ во имя благополучія другихъ людей и всего общества». Личность обладаетъ «безпредѣльными» правами и не знаетъ никакихъ обязанностей.

— Что такое долгъ? — спрашиваетъ послѣдній человѣкъ и моргаетъ при этомъ глазами: — «Противоположеніе долга и «я» съ этической точки зрѣнія — абсурдъ, такъ какъ долгъ есть законодательство «я». Личность, освобожденная совершенно отъ всякаго нравственнаго долга по отношенію къ другимъ, должна признать то самое «діонисовское начало», которое формулировалъ еще Бердяевъ: «Человѣческое «я» развивается путемъ повышенія жизни, и потому старый призывъ «жизнь во

всю» никогда не теряетъ своего значенія. Въ человѣкѣ есть безумная жажда жизни, интенсивной и яркой, жизни сильной и могучей, хотя бы своимъ зломъ, если не добромъ. Это необычайно цѣнная жажда, и пусть лучше она опьяняетъ (см. выше Бодлэра), чѣмъ отсутствуетъ совсѣмъ. Это богъ Діонисъ даетъ о себѣ знать» (id.).

Веселый народъ г.г. идеалисты! Разгульные ребята! «Живи во всю», «опьяняйся»—а тамъ «хоть трава не расти!»

Ну, какъ не провозгласить послѣ этого вмѣстѣ съ Бердяевымъ хвалу либерализму и анаѳему соціализму! «Либерализмъ по своей идеальной сущности ставитъ цѣли: развитіе личности, осуществленіе естественнаго (?) права, свободы и равенства; соціализмъ же открываетъ только новые способы для болѣе послѣдовательнаго проведенія этихъ принциповъ».

Долой соціализмъ, да здравствуетъ либерализмъ и богъ Діонисъ!

Вопросами «осуществленія естественнаго права» занялся Новгородцевъ. Возрожденіе естественнаго права, по его мнѣнію, возвращаетъ насъ все къ той же вѣрѣ въ свободное творчество личности.

Но это же самое «естественное право» лучше разработано у Бердяева. И откровеннѣе;

«Самое естественное право личности, говоритъ онъ, не поддается уже никакой расцѣнкѣ съ точки зрѣнія общественной пользы, общественнаго благополучія, общественнаго приспособленія и т. д. Оно является абсолютной цѣнностью. Почему мы «отрицаемъ этико-правовой принципъ народнаго суверенитета», провозглашая суверенитетъ индивида.

Надо отдать справедливость нашимъ моралистамъ-идеалистамъ—они сами поставили крестъ надъ своей этикой, доведя ее до геркулесовыхъ столбовъ эгоизма, гедонизма и эпикурейства, ополчившись на альтруизмъ и обществен-

ные идеалы солидарности человѣчества. Даже то положительное, что можно узрѣть въ ученіи Бердяева и К°, сводится на нѣтъ ихъ предпосылкой о томъ, что настоящая этика и истинные идеалы не реализуются на землѣ, а это одно и то же, что вполнѣ и окончательно опровергнуть мораль и пойти на встрѣчу нигилизму.

Съ какой точки зрѣнія ни подойти къ декадентски-индивидуалистической морали «Проблемъ идеализма», нельзя не убѣдиться въ полнѣйшемъ ея нигилизмѣ. Выступилъ подъ флагомъ морали и этическихъ запросовъ все тотъ же смѣющійся и наглый босякъ и банкротъ, какъ это замѣчательно вѣрно изобразилъ Вересаевъ въ повѣсти «На поворотѣ». Поворотъ «отъ марксизма къ идеализму» произошелъ, экономическій матеріализмъ былъ ликвидированъ въ его же лагерѣ, но это ничего не прибавило. Ничего не измѣнило.

Подъ флагомъ морали, какъ я уже сказалъ и какъ мы видѣли изъ ряда сопоставленій, пришелъ все тотъ же нигилизмъ.

И теперь намъ ясно, почему студенты архитектора, путейцы и технологи набросились на «Проблемы идеализма». Совсѣмъ для нихъ эта книга. Неясно только, почему же все это такъ умилило г. Боцяновскаго? И почему журнальная и газетная критика того времени такъ снисходительно отнеслась къ явно реакціонной и антинародной проповѣди аморальной морали идеалистовъ? Неужели разложеніе уже и тогда пустило такіе глубокіе корни и такъ развилось пространственно?

Характерно, что на этомъ мы такъ и покончили въ дѣлѣ общественнаго морализованія. Такъ, съ тѣхъ поръ и до революціи 1905 г, и не слѣзли со сверхчеловѣчества, ницшеанства и индивидуалистическаго идеализма. Ни одна изъ соціалистическихъ партій, не въ обиду имъ будь сказано, не сдѣлала и попытки предложить что-либо вниманію широкой публики въ области морали въ противовѣсъ индивидуалистическимъ тенденціямъ. А когда пришла ре-

волюція, а за ней снова реакція, мы дали по этикѣ только переводную литературу тѣхъ же Менгеровъ или Каутскихъ, то-есть снова матеріализмъ, теорію надстроекъ и тому подобныя благоглупости, приспособленныя для «пролетарскаго» пониманія марксистовъ. Такъ изъ этого положенія бѣлки въ колесѣ не вышли и до сихъ поръ.

П. Карѣевъ въ приложеніи къ книжкѣ «Мысли объ основаніяхъ нравственности» даетъ «указатель сочиненій по этикѣ», доведенный до 1895 г. *). Изъ всего списка только Кавелинъ, Вл. Соловьевъ и П. К. Михайловскій да два—три имени изъ старыхъ—представляютъ всю россійскую этику. И мнѣ кажется, Карѣеву можно было бы опредѣленнѣе высказаться по этому вопросу, чѣмъ онъ это дѣлаетъ: «Къ сожалѣнію, говоритъ онъ, русская литература (оригинальная и переводная) по этикѣ **не особенно** богата». А если принять въ соображеніе, что до сихъ поръ не систематизирована и не приведена въ порядокъ разбросанная по всѣмъ сочиненіямъ этика П. К. Михайловскаго, то мы станемъ ужъ совсѣмъ «не особенно богаты».

Съ тѣхъ поръ рынокъ нашъ «обогатился» переводной литературой. Собственной же... вотъ вамъ для примѣра списокъ книгъ, вышедшихъ съ 1905 г. по 1909-ый: онъ не великъ, не пугайтесь!

Герценъ. Наука и нравственность. ц. 8 к. **Авксентьевъ.** Сверхчеловѣкъ. Культурно-этическіе идеалы Ницше. 1 р. **Карѣевъ.** Мысли объ основахъ нравственности. 3 изд. 1905 г. **Проф. Позднышевъ.** Задачи общественной науки въ связи съ основами этики. 165 стр. 908. **Проф. Хвостовъ.** Этюды по современной этикѣ. 1 р. 908. **Л. Шестовъ.** Добро въ ученіи Толстого и Ницше. 1 р.

Еще нѣсколько брошюръ, вызванныхъ исключительно «санинской полосой». Вотъ и все.

И это за пять лѣтъ! Больше! за 25, за 50 лѣтъ! Въ Россіи нѣтъ ни Смайльсовъ, ни Леббоковъ, ни Гюйо. На-

*) Есть изданіе 1903 г.

шей подростающей молодежи нечего давать читать для воспитанія въ ней человѣка и соціальности. Мы всѣ воспитываемся на беллетристикѣ, на романѣ, часто только развращающихъ дѣтское воображеніе и стоящихъ далеко не на высотѣ призванія. Не учимся ни подвигу, ни жертвѣ, ни долгу. Воспитаніе поставлено анархически, на кустарную ногу. Какъ дѣтей, такъ и взрослыхъ. Какъ интеллигенціи, такъ и народа. Художественная литература наша давно, со временъ Тургенева, Щедрина, Успенскаго, Гоголя, отказалась отъ задачъ «учительныхъ». Школа не отвѣчаетъ запросамъ времени и ничему не учитъ—семья разлагается. Публицисты и критики не направляютъ и не исправляютъ литературы, а, какъ выразился одинъ изъ современныхъ критиковъ, «бѣгутъ, догоняютъ и влюбляются». Воспитательная же и моральная литература болѣе чѣмъ въ плачевномъ состояніи. Смотрите, какихъ трудовъ стоитъ нашимъ учителямъ-добровольцамъ, взявшимъ на себя не легкое дѣло воспитанія молодежи, подбирать книги для развитія тѣхъ или иныхъ добрыхъ зачатковъ, той или иной стороны характера юноши. Только послѣдніе годы стали появляться каталоги съ подборомъ книгъ для воспитательныхъ цѣлей по рубрикамъ и отдѣльнымъ вопросамъ. А какъ они мало удовлетворяютъ назрѣвшей потребности! Но просмотрите внимательно эти каталоги и то, что рекомендуется ими для дѣтей или взрослыхъ на первыхъ порахъ и позднѣе. Только тогда вы наглядно увидите, что мы—всѣ въ прошломъ! До сихъ поръ питаемся Тургеневыми, Григоровичами, Достоевскими, и т. д. и т. д. Почти ничего не рекомендуется изъ новѣйшей литературы послѣдней четверти вѣка! Развѣ это не знаменательно? И развѣ это не иллюстрируетъ такъ ярко и красочно наши выводы относительно слишкомъ затянувшагося «кризиса» и не осуждаетъ наше настоящее со всей безпощадностью? Ни новое время, ни новые люди не выдвинули ничего цѣннаго соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ общественной жизни—«ничего, иль очень мало».

Развѣ это не застой?

Наши соціалистическія партіи, на которыя до самаго послѣдняго времени было возложено дѣло воспитанія въ человѣкѣ общественныхъ и соціальныхъ инстинктовъ — воспитаніе его какъ соціальной единицы, какъ гражданина — мы знаемъ въ какое положеніе они были поставлены нашими драконовскими цензурными условіями. То, что во всѣхъ культурныхъ странахъ стало чуть ли не предметомъ офиціальнаго просвѣщенія, санкціонированнымъ и нормированнымъ существующими законами, у насъ до самаго послѣдняго времени носило страшное названіе «пропаганды». Нечего говорить о томъ, что при такихъ условіяхъ соціальные инстинкты, чувства общественной солидарности и самоопредѣленія отдѣльной личности какъ «гражданина» — атрофировались. Развивались исключительно эгоистическія и индивидуалистическія тенденціи. Обострялась и принимала уродливыя формы звѣрская борьба за существованіе, сводившаяся къ перегрызанію горла своему сосѣду. Русской націи совершенно не знакомо то чувство солидарности, взаимопомощи и поддержки, которое мы наблюдаемъ, чтобы не ходить далеко — хотя бы у евреевъ! Мы совершенно не соціальны, мы отъ верховъ до низовъ глубоко эгоистичны и индивидуалистичны. Даже наша «община», которой такъ излишне умиляется К. Р. Кочаровскій, какъ единственной ячейкой коллективизма — она глубоко индивидуалистична, ограничена въ своихъ интересахъ и внѣ сферы своего географическаго положенія чужда идеѣ солидарности. Немудрено, что даже въ сферѣ экономической жизни Россія, какъ національная единица, совершенно затерта въ предѣлахъ своей собственной территоріи. Немудрено, что почти всѣ крупныя торговыя и промышленныя предпріятія захвачены иными національностями. Немудрено, что мирное завоеваніе Россіи Европой давно совершено...

Какъ въ экономикѣ и политикѣ, такъ въ искусствѣ и литературѣ.

Возможно, что, какъ единая, сплоченная нація, мы уже давно не существуемъ. И намъ«только кажется, что мы существуемъ». И мы только по недоразумѣнію говоримъ о какомъ-то патріотизмѣ, «любви къ отечеству и народной гордости».

Мы, какъ говорилъ Ибсенъ въ «Дикой уткѣ»: «акклиматизировались», вѣрнѣе ассимилировались. И поглощены.

Но вернемся къ нашимъ моралистамъ. Мы видимъ теперь достаточно ясно, что мораль наша должна быть прежде всего соціальной. И таковой была мораль одного изъ первыхъ нашихъ соціалъ-моралистовъ — П. Л. Лаврова, автора нашумѣвшихъ когда-то «Историческихъ писемъ». «Его мораль, замѣчаетъ Ш. Раппопортъ *), гедонистична, такъ какъ точкой своего отправленія она имѣетъ удовольствіе, наслажденіе и счастье, которыя индивидуумъ находитъ въ своемъ прогрессивномъ развитіи. Въ то же время его мораль—идеалистическая, такъ какъ она понимаетъ удовольствіе не въ духѣ киренаикійской школы Аристиппа. Она подчиняетъ удовольствіе матеріальное, т. е. грубое, высшимъ наслажденіямъ—борьбою за идеалъ. Мораль Лаврова индивидуалистична, поскольку за точку своего отправленія она беретъ индивидуума, его потребности и его стремленія; но она соціальна по средствамъ своего осуществленія и особенно потому, что Лавровъ принимаетъ во вниманіе только индивида, живущаго и дѣйствующаго въ обществѣ, при помощи общества и въ своихъ же собственныхъ интересахъ для общества. Мораль Петра Лаврова глубоко и открыто революціонна. Это по двумъ причинамъ: во-первыхъ она не довольствуется тѣмъ, чтобы именемъ своихъ принциповъ судить только индивида, но она судитъ и само общество. Она анализируетъ существующій соціальный строй, признаетъ его имморальнымъ потому, что онъ не соотвѣтствуетъ нашему идеалу, ставшему долженствованіемъ, идеалу прогрессивнаго и

*) Раппопортъ. Соціальная философія Петра Лаврова. Изд. Яковенко. 1908 г. Спб. Ц. 35 к.

универсальнаго развитія, и дѣлаетъ своей обязанностью борьбу съ нимъ. Она требуетъ радикальнаго измѣненія существующей соціальной системы, не удовлетворяясь частичными реформами, что характеризуетъ всякую революціонную систему. Она революціонна также и потому, что она проповѣдуетъ, въ случаѣ надобности, бороться съ соціальной несправедливостью силою. Эта мораль гуманитарна потому, что она имѣетъ только одну цѣль, а именно положить конецъ безчисленнымъ страданіямъ живущаго человѣчества».

Таковой же была мораль и Н. К. Михайловскаго, столько лѣтъ стоявшаго на славномъ сторожевомъ посту русской общественной мысли и посвятившаго всю свою жизнь борьбѣ «за такую общественную форму, которая гарантировала бы полный возможный расцвѣтъ личности». Такъ разрѣшалъ онъ индивидуалистическую задачу, замѣняя ее общественной, соціальной.

Только въ такомъ видѣ и нужна намъ мораль, только съ этой точки зрѣнія мы и можемъ разсматривать каждое предлагаемое намъ въ области морали ученіе и высказывать о ней то или иное сужденіе.

Таковой же была мораль и Н. Карѣева и другихъ представителей «русской соціологической школы» научнаго соціализма. Такой же осталась мораль и новѣйшихъ послѣдователей «русскаго соціализма», — В. М. Чернова, съ одной стороны, Ю. Делевскаго и А. Комова—съ другой. (См. В. Черновъ, Философскіе и соціологическіе этюды; Л. Шишко, Очерки по исторіи и соціологіи; А. Комовъ, Къ вопросу о теоретическихъ основахъ соціалистической программы).

Какъ мы уже выше отмѣтили, наше творчество въ области соціальной морали было и незначительно само по себѣ и ограничено независящими обстоятельствами въ сферѣ примѣненія. То, что должно было распространяться, не распространялось, и наоборотъ, такіе перлы антиобщественнаго и антиморальнаго индивидуализма, какъ пресло-

вутыя «Проблемы идеализма»—выпускались, читались, распространялись и раскупались нарасхватъ. Въ такой порядокъ вещей, какъ мы уже замѣтили, не успѣла внести существеннаго измѣненія и сама революція. Прошла революція—мы снова взялись за индивидуализмъ, модернизмъ и нигилизмъ. Не осталось и слѣда отъ литературы морально-просвѣтительнаго и воспитательнаго характера и еще съ большей наглостью вошли въ жизнь и воцарились въ ней распущенность, хулиганство, босячество.

Весной прошлаго 1908 года, подводя итоги сезона, я писалъ объ этой молодой, послѣреволюціонной полосѣ литературы. Весь этотъ сезонъ 1907—8 г. вообще совершенно исключительное явленіе въ нашей литературной жизни, и мнѣ хочется напомнить мою небольшую замѣтку, еще не утратившую, въ силу этого, своего интереса:

Прошелъ ровно годъ съ момента, такъ-называемаго, «литературнаго подъема» съ одной стороны, «литературнаго распада»—съ другой.

Два полюса, два діаметрально противоположныхъ взгляда на одинъ и тотъ-же моментъ литературной жизни, и ни съ однимъ изъ нихъ нельзя согласиться. Многое, что «распалось» въ этотъ чреватый событіями годъ, не было литературой, и не было литературой то, что «родилось».

А родилось—многое. И распалось—многое.

Мы долго ждали, какою будетъ литература послѣреволюціоннаго періода. Что скажетъ она теперь, послѣ историческихъ дней, пережитыхъ страной,—дней, въ близкое наступленіе которыхъ она никогда не вѣрила, и которые вотъ уже настали. И вотъ уже прошли...

О, навѣрное, теперь-то она ободрится, повѣритъ въ лучшее будущее великаго, но несчастнаго народа, теперь-то она заговоритъ инымъ языкомъ. Иныя пѣсни зазвучатъ.

И мы ждали.

Съ тревожнымъ чувствомъ, почти съ благоговѣніемъ, раскрывали страницы первыхъ въ это «новое» время произведеній нашихъ любимыхъ авторовъ, съ которыми

мы такъ сроднились въ «годы скорби», въ тяжелые, мрачные годы душнаго безвременья,—длинные годы, тянувшіеся какъ десятилѣтія...

И все искали «новыхъ словъ», бальзама для разбитой мечты и грубо смятыхъ, растоптанныхъ алыхъ цвѣтовъ. Искали солнца... И не находили.

Уныло, съ нудной покорностью литература тянула старую, знакомую ноту, безумно похожую на протяжный, стонущій вопль, на чье-то глухое, сдавленное, придушенное рыданіе.

И это было еще лучшее, что дала литература этого сезона.

Ибо именно въ этотъ сезонъ особенно крикливо и развязно вошли въ жизнь декадентство, порнографія, проблема пола, смѣющался радость жизни, мѣщански довольная и тупо ограниченная.

Мы хотѣли смѣлыхъ словъ, бодрыхъ призывовъ, и вотъ они пришли и стали передъ нами, подбоченясь, нахальные и обнаженные.

Мы хотѣли литературы, и вотъ она пришла обильная, пухлая, пряная, литература альманаха и порнографическаго журнала. Литература «Дневника дамскихъ панталонъ», литература мужеложства, лесбоса, садизма, некроманіи—заборная литература Кузмина, Аннибалъ, Каменскаго, Ценскаго, Арцыбашева и даже—Куприна.

Мы хотѣли литературы, и вотъ рынокъ наводненъ моремъ переводной и оригинальной литературной разнузданности, полки ломятся подъ тяжестью макулатуры, библіотеки не успѣваютъ пріобрѣтать ее, критика не успѣваетъ отмахиваться. Тысячи книгъ, тысячи авторовъ — стада литературной воблы, спѣшащей выметнуть икру на берегъ.

Даже наши лучшіе авторы, дававшіе прежде въ годъ одно-два крупныхъ произведенія,—стали метать ихъ ежемѣсячно, еженедѣльно. Пропали глубокія, продуманныя, прочувствованныя, выстраданныя произведенія,—стали вы-

швыриваться какіе-то наброски, черновики, въ родѣ «Тьмы», «Царь-голода» и т. п.,—вышвыриваться ежемѣсячно, еженедѣльно, ежедневно.

Пропало добросовѣстное отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ, къ самой литературѣ, къ читающей публикѣ. Пропало самое уваженіе къ русскому читателю.

Родилась литература не кабинета для чтенія, не библіотеки, а литература отдѣльнаго кабинета, литература ресторана, казармы, лабаза.

И теперь, въ дни годовщины ея возникновенія, намъ нечего сказать о ней, нечего сказать объ этой «литературѣ», нечѣмъ измѣрить ничтожество удѣльнаго вѣса всего этого кошмарнаго обилія книгъ и авторовъ—цѣлаго года, небывало-богатаго «литературой».

Не поддаются учету удѣльный вѣсъ, моральная и культурная цѣнность ея въ цѣломъ и въ отдѣльности любого изъ «литераторовъ», не создавшихъ за этотъ періодъ въ этомъ вихрѣ почти ничего, что могло бы перейти въ исторію, стать достояніемъ будущаго.

Многое, что родилось въ этотъ чреватый событіями годъ, не было литературой, какъ не было литературой и то, что распалось.

А распалось—почти все.

«Чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа»,—какъ писалъ въ «Поединкѣ» Купринъ.

Насиліе надъ русской литературой было громадно. И кровавая была расправа.

Этотъ годъ, годъ рожденія всей этой «литературщины», былъ годомъ великаго разрушенія, великой кровавой расправы надо всѣмъ, чему поклонились.

И вотъ теперь умерло все, что имѣло успѣхъ въ этотъ же годъ.

Изжила себя порнографія, убиты декадентство, проблема пола, убита литературная анархія, убитъ и умираетъ альманахъ, — словомъ все, что имѣло успѣхъ въ этотъ печальной памяти годъ.

И тѣ, кто защищалъ все это, попрятались, умолкли. Стушевались Пильскіе, Чуковскіе, Арскіе...

И вотъ теперь мы стоимъ «передъ разбитымъ корытомъ», безъ литературы, почти безъ одного нужнаго беллетриста, поэта... Не за кого ухватиться, не на кого надѣяться. «Молодые» не оправдали надеждъ, дискредитировали себя «старики»,—и вотъ мы присутствуемъ при небываломъ явленіи—призывѣ назадъ по всему фронту, возвращеніи къ прошлому, къ достоевщинѣ, къ народничеству, къ быту, къ чеховщинѣ,—куда угодно, только назадъ, назадъ!

И въ этомъ — великая культурная цѣнность истекшаго сезона. Литература русская въ одинъ годъ переварила всю нечисть, которая пришла съ пресловутымъ возрожденіемъ,—переварила и выбросила съ мучительной судорогой.

Новаго, правда, еще нѣтъ, да и откуда быть ему — нѣтъ новой жизни, нѣтъ новыхъ словъ, новыхъ людей, но зато и нѣтъ того «новаго», что пришло контрабандой въ тяжелую минуту русской жизни. Пришло и застало врасплохъ.

Великая грозная пустыня, безъ перспективъ, безъ просвѣта.

Но эта пустыня лучше того кабака, который только что былъ до нея въ литературѣ русской.

И почемъ знать — быть можетъ, и по этой пустынѣ пробѣгутъ скоро ручьи, откроются и забьютъ родники, зазеленѣютъ оазисы и зацвѣтетъ пустыня...

Вѣдь мы еще не устали надѣяться.

(«Раннее Утро» 22 апр. 1908 г. и въ перепеч. «Окр.» отъ 28 апр.).

Но вотъ прошелъ еще годъ и мы уже совершенно устали надѣяться, «Разбитое корыто» не даетъ ничего, не «бѣгутъ ручейки», не «цвѣтетъ пустыня». Попрежнему грозное, молчащее Nihil.—Ничто. И вотъ почему для теперешняго сезона 1908—1909 г. характерны уже

другія явленія, пришедшія яко бы на «смѣну» нигилизма—повальное морализованіе и антифеминизмъ съ одной стороны и походъ на интеллигенцію—съ другой.

Нѣтъ силъ терпѣть дольше! И вотъ мы готовы броситься въ объятія аскетизма, антифеминизма, махаевщины—чего угодно,—только бы не оставаться долѣе въ этой грозной молчащей пустынѣ! Мы бросились воспитывать нашихъ дѣтей, лихорадочно стремясь ихъ спасти отъ все растлѣвающаго и разлагающаго вліянія нигилизма и порнографіи; бросились «перевоспитывать» нашихъ женщинъ въ надеждѣ спасти разлагающуюся семью.

Словомъ—грянулъ громъ!

Народилась цѣлая громадная литература по «женскому вопросу», по «вопросамъ воспитанія», по «этикѣ брака и половой жизни», стала серьезно трактоваться «проблема пола, брака, плодовитости» и т. д. и т. д. и т. д.

Разбираться во всей этой многочисленной моральной литературѣ оригинальнаго и переводнаго содержанія не имѣетъ смысла, но отмѣтить наиболѣе существенное, что появилось въ русской моральной философіи и публицистикѣ—насущно необходимо. И на этомъ мы остановимся.

Русская моральная философія и публицистика попрежнему необильна и исчерпывается незначительнымъ количествомъ брошюръ, направленныхъ преимущественно противъ нигилизма Санина и вызванныхъ почти исключительно санинской полосой. Но и среди нихъ много и хламу, и просто незначительныхъ вещей. Болѣе или менѣе выдѣлились слѣдующія брошюры: Д-ръ А. П. Омельченко «Герой нездороваго творчества» («Санинъ» романъ Арцыбашева). Его же, «Свободная любовь и семья» («Санинъ» какъ вопросъ нашего времени). Его же. Въ поискахъ соціалистической морали: I. Семья и проституція; II. Желаніе и долгъ. Проф. Т. В. Локоть «Вопросы половой этики и любви». Проф. В. М. Хвостовъ «Этюды по современной этикѣ». И, наконецъ, М. К. Менскій. «Н. К. Михайловскій о половомъ и семейномъ вопросахъ».

Эти брошюры безусловно стоятъ вниманія, и знакомство съ ними необходимо.

Вся наша новѣйшая соціальная этика возникла отъ противнаго—ex adverso—изъ оппозиціи нигилистическимъ тенденціямъ экономическаго матеріализма съ одной стороны, и ницшеанства—съ другой. На оба эти фронта приходилось вести борьбу уже съ начала 90-хъ годовъ Н. К. Михайловскому (см. «Литературныя воспоминанія и современная смута» т. II, статьи: «Объ экономическомъ матеріализмѣ», «Изъ писемъ марксистовъ», «О системахъ морали», «О Максѣ Штирнерѣ и Фридрихѣ Ницше», «О г. Струве и его критическихъ замѣткахъ», «Еще о Фридрихѣ Ницше», «И еще о Ницше», въ томъ же томѣ статьи: «Максъ Нордау о вырожденіи», «Декаденты, символисты, маги и проч.», «Русское отраженіе французскаго символизма», «Еще о декадентахъ, символистахъ и магахъ»). Выступилъ противъ экономическаго матеріализма и Н. Карѣевъ («Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ», «Историко-философскіе и соціологическіе этюды»). Борьбу съ той и другой разновидностью нигилизма Михайловскій велъ до конца жизни—до 1904 г. Къ сожалѣнію, изъ ряда статей за эти 10 лѣтъ до сихъ поръ не сдѣлано удовлетворительной сводки этическихъ взглядовъ покойнаго публициста.

Немудрено, если и послѣ Михайловскаго нашимъ моралистамъ въ первую голову пришлось бороться съ тѣми же тенденціями въ общественномъ настроеніи. Ибо и «въ наши дни—дни квіетизма—только и осталось мыслимо бездушное механическое міропониманіе, а въ сферѣ экономической—марксизмъ» (Энгельгардтъ),—съ одной стороны, и декадентство, ницшеанство, штирнеріанство, ультраиндивидуализмъ—съ другой.

Но они уже дали свои плоды и съ ними приходилось считаться.

Ни одно ученіе за послѣднюю четверть вѣка не нало-

жило на всеобщую—нѣмецкую, французскую, англійскую, норвежскую, польскую, русскую литературы такой неизгладимой печати, какъ ницшеанство. Въ какія-нибудь 5—10 лѣтъ оно произвело полную революцію въ литературномъ мірѣ. Прослѣдить его растлѣвающее и разлагающее вліяніе на новѣйшую европейскую литературу—задача благодарная, но очевидно слишкомъ непосильная, ибо до сего времени только въ нѣмецкой литературѣ мы имѣемъ кое-что удовлетворительное на эту тему. Интересующемуся русскому читателю можно рекомендовать книгу: Лео Бергъ «Сверхчеловѣкъ въ современной литературѣ», имѣющуюся въ русскомъ переводѣ. Кое-что объ этомъ можно найти и у Нордау въ «Вырожденіи».

Всеобщій «массовый психозъ», одержимость, какой-то гипнозъ овладѣлъ европейской литературой конца вѣка, а въ результатѣ полное вырожденіе не только самой идеи «сверхчеловѣка», но и самого ницшеанства, ибсенизма и штирнеріанства. Ставъ достояніемъ улицы и бульварной прессы, ученіе, въ которомъ прежде въ его чистомъ видѣ можно было узрѣть хоть зерно красоты, добра, истины, нынѣ ассимилировалось съ аморализмомъ, анолитизмомъ, анти-общественностью и, съ одной стороны, перевоплотилось въ «Чернаго змѣя» Поля Адана и сверхъ-женщинъ Дюма и Зола, съ другой—выродилось въ нео-макіавелизмъ, проповѣдь тиранін, эксплоатаціи народныхъ массъ, антигуманизма, воскрешенные Маріо Мориссо сначала въ Италіи и тотчасъ же перенесенные въ Англію и Германію. Что такая же эволюція отъ первыхъ эпигоновъ ницшеанства—босяковъ М. Горькаго до Санинныхъ Арцыбашева, Ледъ и Виноградовыхъ Каменскаго—произошла и у насъ, мы это достаточно уже ясно видѣли. Наша литература эпохи нигилизма—съ 90-хъ годовъ—вся сплошь идетъ подъ знаменемъ ультра-индивидуализма, анти-общественности и модернизма самаго дурного тона. Къ настоящему времени, какъ я уже говорилъ, нигилизмъ поглощаетъ и единственное оправданіе новѣйшей русской литературы—ея трагическое начало.

И если мы исключимъ дѣятельность Н. К. Михайловскаго на поприщѣ борьбы съ растущимъ нигилизмомъ—тоже, кстати сказать, оставлявшую желать большаго—мы должны будемъ признать, что для борьбы со все надвигавшимся дракономъ нигилизма у насъ послѣ Михайловскаго ничего не сдѣлано, ничего иль очень мало! Мы были поразительно слѣпы, инертны и нечувствительны къ подкрадывавшемуся бѣдствію—именно бѣдствію, ибо никакъ иначе нельзя назвать переживаемую полосу русской литературной и общественной жизни.

Мы раскрывали свои объятія ницшеанству, анти-общественности, индивидуализму, матеріализму, цинизму, открывали имъ страницы своихъ журналовъ—и пожали Виноградовыхъ, Санинныхъ, Ледъ,—не какъ фантазіи досужихъ авторовъ, нѣтъ, а какъ реальные, жизненные общественные типы, табунами бродящіе по Россіи. Мы пожали огарковъ, ex-революціонеровъ, лиги свободной любви, «лови моментъ» и проч. и проч. прелести, такъ поздно приведшія своей распространенностью въ ужасъ публициста А. В. Пѣшехонова (см. его книгу «Въ темную ночь», статья «Санинцы и Санинъ»).

И вотъ теперь—эти три-четыре жалкія брошюрки, тонущія въ морѣ переводной этической литературы!

Но... отнесемся бережно къ этому національному богатству, къ этой національной артиллеріи, выдвинутой русскими моралистами противъ дракона нигилизма! Разсмотримъ внимательно наше достояніе.

Прежде всего—«Этюды по современной этикѣ», проф. В. М. Хвостова. Авторъ, что называется, «беретъ быка за рога»: двѣ первыя главы посвящены разбору и критикѣ этики Ницше и Штирнера *); двѣ слѣдующія—«морали» экономическаго матеріализма А. Мелгера и К. Каутскаго; одна глава посвящена этикѣ-модернъ Л. Андреева по

*) Въ книжку еще не вошелъ рефератъ автора «О нравственномъ міровоззрѣніи Ибсена», прочитанный въ началѣ 1909 г.

поводу «Жизни человѣка». Сразу на три фронта. Не захвачена лишь «Санинская полоса», но этому назначенію всецѣло отвѣчаютъ книжки проф. Локотя и Омельченко, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

В. М. Хвостовъ обнаруживаетъ въ этикѣ Ницше прежде всего безчисленныя внутреннія противорѣчія даже въ предѣлахъ одного и того же періода его умственной жизни, на страницахъ одной и той же книги. Даже въ его генеалогіи морали онъ безъ труда обнаруживаетъ крайнюю натянутость и малую убѣдительность филологическихъ аргументовъ. «Имморализмъ философа не есть отрицаніе всякой рѣшительно морали, Ницше въ сущности создаетъ новую мораль, въ которой находитъ себѣ мѣсто даже столь несимпатичное ему понятіе долга».

Его утвержденія, что состраданіе вредно, такъ какъ парализуетъ благодѣтельное дѣйствіе отбора, не относятся къ самому чувству состраданія, а могутъ быть правильны лишь по отношенію къ нѣкоторымъ неудачно поставленнымъ формамъ общественной благотворительности. Его заявленіе, что состраданіе ослабляетъ жизненныя силы самого сострадающаго, также по меньшей мѣрѣ преувеличено. Напротивъ, обыкновенно величіе и мощь человѣка съ полной силой проявляются именно на почвѣ сочувствія и состраданія. На первый взглядъ кажется, что въ основѣ его моральнаго ученія лежитъ стремленіе къ освобожденію личности, къ торжеству ничѣмъ не стѣсненной человѣческой воли. Но болѣе внимательное знакомство съ доктриной показываетъ, что все сводится къ господству однихъ надъ другими, къ установленію полнаго произвола для однихъ и полнаго рабства для другихъ.

Ницше—сторонникъ торжества силы, господства сильныхъ надъ слабыми. Но и здѣсь возникаетъ все тотъ же вопросъ. О какой именно силѣ идетъ рѣчь? «Эта теорія права наиболѣе сильныхъ, цитируетъ В. М. Хвостовъ Фулье, покоится на неясной идеѣ силы, которая въ научномъ отношеніи не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ

она можетъ обозначать силу физическую, силу мозговую, силу воли, силу знанія, даже силу любви,— ибо любовь есть также сила! Кто же наконецъ эти сильные, въ жертву которымъ слѣдуетъ принести человѣчество? Простые ли это ярмарочные геркулесы, или геркулесы мысли, или геркулесы сердца? Эти послѣдніе не примутъ такой жертвы; они скорѣе себя принесутъ въ жертву другимъ. Будетъ ли сила, слѣдовательно, измѣряться просто успѣхомъ и побѣдой?» На всѣ эти вопросы Ницше опредѣленнаго отвѣта не даетъ. Онъ то преклоняется передъ Наполеономъ и Цезаремъ Борджіа, то говоритъ о великой любви...

Ницше проповѣдуетъ власть для власти и не влагаетъ въ это понятіе никакого положительнаго содержанія. Ясно только, что должны быть отброшены всякія стѣсненія и ограниченія для сильныхъ натуръ. А затѣмъ остается чистѣйшій произволъ, игра слѣпой, неразумной воли. Все сводится къ проповѣди какой-то грубой силы, самаго разнузданнаго эгоизма. Важно господство, какъ господство, независимо отъ его цѣли и содержанія. Едва ли можно отрицать, что Гартманъ имѣлъ право назвать все это ученіе «систематизаціей маніи величія».

Да, замѣчаетъ проф. Хвостовъ, если всмотрѣться поближе въ частности ученія Ницше, то не трудно убѣдиться, что онъ является нерѣдко совершеннымъ реакціонеромъ и, дѣйствительно, проповѣдуетъ движеніе не впередъ, а назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, отрицая современную демократію, какъ величайшее зло, Ницше въ сущности совѣтуетъ намъ вернуться къ античному рабству. Развѣ его разсужденія о двоякаго рода человѣческихъ натурахъ и о двоякой морали*), соотвѣтствующей этому различію людей, не напоминаютъ разсужденій античныхъ философовъ, оправдывающихъ рабство?

Едва ли поэтому можно согласиться съ тѣми, кто старается видѣть въ Ницше «революціонера и демократа

*) Ср. разговоры марксистовъ о «буржуазной» морали и «пролетарской».

высокаго полета, освободителя несчастныхъ массъ» (де-Роберти). Доктрина Ницше является чисто аристократической и находить въ ней демократическія идеи можно только съ большими натяжками, развивая нѣкоторыя изъ его мыслей не такъ, какъ это дѣлалъ самъ Ницше.

И конечные выводы Ницше не могутъ удовлетворить. Они поражаютъ своей скудостью: новая мораль, столь торжественно возвѣщенная, оказывается, въ сущности, не имѣющей никакого опредѣленнаго содержанія.

Вѣдь мораль предполагаетъ идеалы и вѣру въ нихъ. Строить идеалы можно только въ предположеніи извѣстной разумной конечной цѣли всего, что во имя ихъ совершается. Если же такой цѣли нѣтъ, то не можетъ быть и идеаловъ, слѣдовательно, не можетъ быть и опредѣленныхъ руководящихъ правилъ жизни, то-есть морали. Съ точки зрѣнія Ницше, отрицающей смыслъ въ мірѣ и въ міровыхъ процессахъ, нельзя не только обосновать какихъ-либо положительныхъ идеаловъ, но нельзя даже дать утвердительный вопросъ, стоитъ ли вообще жить? Какой смыслъ можетъ имѣть человѣческое существованіе въ мірѣ, лишенномъ смысла? А если ученіе не даетъ отвѣта даже на этотъ основной вопросъ, то оно не можетъ послужить базисомъ для этической теоріи, которая бы насъ вполнѣ удовлетворяла.

Такая точка зрѣнія неизбѣжно приводитъ къ полному фатализму, при которомъ о творчествѣ чего-либо новаго въ сущности и рѣчи быть не можетъ. Вотъ почему историческое прошлое для Ницше не имѣетъ никакой цѣны.

Активная дѣятельность, развиваемая существомъ, хотящимъ жить, вовсе не есть необходимо дѣятельность агрессивная противъ другихъ людей. Въ составъ этой дѣятельности входитъ и борьба со страстями, и помощь въ такой борьбѣ другимъ людямъ. Да иначе и быть не можетъ: вѣдь нельзя опровергнуть старой истины, что человѣкъ есть животное соціальное; а разъ это такъ, то и дѣятельность его не можетъ исчерпываться однимъ угнетеніемъ и эксплоатаціей другихъ людей: при такихъ

условіяхъ общежитіе было бы невозможно, наступила бы война всѣхъ противъ всѣхъ. Ницше вообще слишкомъ мало значенія придаетъ соціальному моменту, и это новый и весьма существенный недостатокъ его предпосылокъ.

По его мнѣнію, сильный индивидъ не нуждается въ обществѣ; оно нужно только для слабыхъ. Разсуждая такимъ образомъ, Ницше очень многое упускаетъ изъ виду. Онъ забываетъ прежде всего, что само личное самосознаніе есть продуктъ общественнаго развитія во всемъ его длительномъ процессѣ.

Если развивать мечтанія Ницше о сверхчеловѣкѣ на почвѣ правильныхъ соціологическихъ предпосылокъ, то можно послѣдовательно притти къ совершенно демократическимъ идеаламъ поднятія культурнаго уровня массъ, ибо только тогда возможно появленіе лучшихъ особей. Бѣда лишь въ томъ, что самъ Ницше не отправлялся отъ такихъ предпосылокъ, а потому тѣ, кто старается его самого изобразить, какъ демократа, ошибаются и рисуютъ намъ не настоящаго Ницше.

Великіе люди вовсе не такъ всесильны въ исторіи и не столь независимы отъ массъ, какъ это думаетъ Ницше. Даже ограничиваясь настоящими великими по своимъ личнымъ свойствамъ людьми, мы должны констатировать, что они ни въ своемъ генезисѣ, ни въ своихъ дѣйствіяхъ не остаются независимыми отъ того общества, къ которому они принадлежатъ, отъ своего «стада», по терминологіи Ницше. Самое существо этихъ натуръ опредѣляется прежде всего наслѣдственностью, которая даетъ здѣсь новыя и неожиданныя сочетанія, но матеріалъ для нихъ получаетъ все же отъ предшествующихъ поколѣній. Далѣе, воспитаніе свое эти люди получаютъ опять-таки въ средѣ того общества, къ которому они принадлежатъ. Подъ вліяніемъ окружающей среды складывается все ихъ міровоззрѣніе, воспитываются ихъ идеалы. Отъ общества получаютъ они и запасъ тѣхъ знаній, съ которымъ затѣмъ приступаютъ къ дѣйствіямъ. Вѣдь наука есть соціальный

продуктъ, результатъ совмѣстной работы массы людей, и ни одинъ великій человѣкъ не обязанъ исключительно самому себѣ тѣми знаніями, которыми онъ пользуется для своихъ великихъ дѣяній. Исторія вовсе не въ такой степени вообще является дѣломъ великихъ людей, чтобы можно было переоцѣнивать ихъ значеніе. Конечно, появленіе великаго человѣка иногда бываетъ весьма желательнымъ. Онъ помогаетъ найти рѣзкое и рельефное выраженіе тѣмъ идеямъ, которыя не вполнѣ ясно носятся въ массахъ; онъ является тѣмъ естественнымъ центромъ, вокругъ котораго объединяются общественныя силы и организуются. А такое объединеніе необходимо, чтобы доставить торжество идеѣ. Но было бы ошибочно думать, что для всѣхъ этихъ процессовъ великіе люди безусловно необходимы. Если они во-время являются, то общественные процессы ускоряются. Но они не всегда являются, когда въ нихъ ощущается нужда; не всегда война родитъ героевъ. Въ такомъ случаѣ историческій процессъ получаетъ иной темпъ, иной характеръ, но онъ не долженъ необходимо останавливаться. То, что было бы выполнено быстрѣе и энергичнѣе при участіи великаго человѣка, выполняется медленнѣе и не въ столь блестящемъ видѣ усиліями обыкновенныхъ людей. Назрѣвшіе общественные процессы находятъ себѣ исходъ и въ томъ случаѣ, если по ходу вещей навстрѣчу имъ не явилось великихъ людей. Въ такомъ великомъ событіи, какъ «великая» французская революція, мы не встрѣчаемся съ особенно великими людьми. Этотъ процессъ выполненъ былъ силами среднихъ людей и народныхъ массъ.

Таковы возраженія проф. В. М. Хвостова на основныя положенія этики Ницше. Имъ нельзя отказать въ справедливости. Все это глубоко вѣрно, точка зрѣнія автора симпатична и правильна. Но... черезъ нѣсколько страницъ въ заключеніе своей статьи онъ всѣ свои разсужденія пускаетъ на смарку, останавливаясь на «положительныхъ» сторонахъ философіи и этики Ницше—изъ чего

можно вывести, что точка зрѣнія автора не выдержана и слишкомъ легко поддается обаянію «положительныхъ» сторонъ. Кромѣ внѣшнихъ красотъ, В. М. Хвостова до того плѣнила критика Ницше современной морали, что онъ готовъ даже присоединиться къ ней. «Есть доля истины въ нападеніяхъ Ницше. Мы въ настоящее время слишкомъ увлекаемся соціальной стороной морали, слишкомъ заботимся о необходимой для общежитія нивеллировкѣ людей и мало придаемъ значенія личной силѣ и развитію личныхъ особенностей. Соціальныя проблемы въ морали берутъ перевѣсъ надъ вопросами личнаго самоусовершенствованія» (стр. 94).

Это—то, что называется «благодарю, не ожидалъ!» Велась, велась рѣчь съ точки зрѣнія соціальной морали и соціальности, даже демократіи, какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, эта самая точка зрѣнія осуждается самимъ же авторомъ. Получается что-то вродѣ самосѣченія. Авторъ уже понимаетъ, почему Ницше «произноситъ свои филиппики противъ современной демократіи и ея доктрины равенства всѣхъ людей; онъ боится, что за этимъ равенствомъ исчезнетъ необходимое уваженіе и вниманіе къ индивидуальнымъ особенностямъ и наступитъ новое порабощеніе личности».

Но если соціальная мораль не заслуживаетъ такого вниманія, какое ей только что оказалъ авторъ, то что же его заслуживаетъ? Оказывается, что критеріемъ нравственнаго можетъ служить... эстетика! Что красиво—то нравственно! Вотъ какъ это звучитъ у проф. Хвостова: «несомнѣнную заслугу Ницше составляетъ то, что онъ подчеркнулъ значеніе, которое въ области этики имѣетъ эстетическій элементъ, чувство прекраснаго. Дѣйствительно нельзя строить этическихъ ученій, нельзя создавать идеаловъ, не зная смысла жизни. А такъ какъ **познать** этотъ смыслъ невозможно одними только средствами положительной науки—наше знаніе ограничено,—то приходится прибѣгать для уразумѣнія міровой загадки и ко

всѣмъ о с т а л ь н ы м ъ способностямъ (развѣ положительная наука—способность? Ю. А.), въ томъ числѣ къ чувству (? для познанія—къ чувству? Ю. А.) прекраснаго; оно играетъ далеко непослѣднюю роль въ подобныхъ попыткахъ разрѣшить основныя проблемы бытія (???!) Чувство прекраснаго имѣетъ значеніе и въ области практической морали» (стр. 97, 98).

Получается что-то вродѣ эстетической этики или этической эстетики. Насколько эстетика помогаетъ разбираться въ этическихъ нормахъ жизни, видно изъ того, что до сихъ поръ мы не имѣемъ въ эстетической литературѣ общепризнаннаго понятія красоты, единаго, исчерпывающаго, всѣми равно пріемлемаго отвѣта на вопросъ: «что такое красота?» До сихъ поръ всѣ сужденія о соотвѣтствіи принципу прекраснаго до-нельзя расплывчаты, субъективны, безконечно разнообразны (ср. Мюльталеръ «Что такое красота». Изд. О. Н. Поповой). Въ области прекраснаго мы до такой степени ходимъ ощупью, что привносить идею красоты въ этику и сужденія о нравственности того или иного дѣянія, значитъ по меньшей мѣрѣ запутывать и безъ того сложный вопросъ. Мы знаемъ много «прекрасныхъ жестовъ», но въ то же время безнравственныхъ. Красивымъ жестомъ можетъ быть и пощечина, и дуэль, и убійство, и охота для забавы, и жизнь Донъ-Жуана, и лесбійская любовь, послужившая темой для многихъ «прекрасныхъ» произведеній и т. д., и т. д., и т. д. Но кто назоветъ все это нравственнымъ? Сплошь и рядомъ мы видимъ безнравственную красоту, красивую безнравственность и безнравственность красоты. То-есть діаметрально противоположное предположеніямъ проф. В. М. Хвостова.

Впрочемъ, авторъ на этой же страницѣ (98) снова сѣчетъ себя и переноситъ этическую проблему въ сторону гармоніи, дополняя формулу: что г а р м о н и ч н о, то прекрасно, то и нравственно. Этимъ еще болѣе затемняется вопросъ, ибо далеко не все прекрасно, что гармонично, и мы имѣемъ даже такую формулу искусства: «только ас-

симметрія производитъ впечатлѣніе красоты». Слѣдовательно, не при чемъ здѣсь красота; вопросъ переносится совсѣмъ въ другую плоскость—въ сферу гармоніи, прекрасна ли она или непрекрасна.

Вотъ какъ это звучитъ у проф. Хвостова: «Человѣкъ, выработавшій себѣ извѣстныя этическія убѣжденія, долженъ примѣнять ихъ къ жизни, руководиться ими въ своихъ поступкахъ. Но это не значитъ, что такой человѣкъ на каждомъ шагу будетъ производить логическій анализъ всѣхъ своихъ мотивовъ, прежде чѣмъ принять рѣшеніе, которое стояло бы въ соотвѣтствіи съ его общими этическими убѣжденіями. Для такого анализа жизнь обыкновенно и не оставляетъ достаточно времени. Тутъ помогаетъ особое этическое чувство, которое стоитъ очень близко къ эстетическому.

Человѣкъ вырабатываетъ себѣ особый «стиль жизни» и стремится сохранить этотъ стиль въ своихъ отдѣльныхъ поступкахъ. При этомъ условіи внутренняя жизнь человѣка дѣлается подобной художественному произведенію, въ которомъ всѣ части приведены въ гармоническое согласованіе между собою. «Только когда все единичное, цитируетъ авторъ Корнеліуса: въ нашей жизни содѣйствуетъ красотѣ яснаго и единаго, лишеннаго противорѣчій общаго образа, можетъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ царить спокойствіе и удовлетвореніе; только тогда мы продолжаемъ преобразовывать нашъ внутренній міръ въ направленіи этого высшаго совершенствованія, мы даемъ и внѣшнему міру высшую цѣнность, которую онъ можетъ пріобрѣсти. И альтруистическимъ требованіямъ мы можемъ удовлетворить въ высшемъ смыслѣ только такимъ стремленіемъ. Только тотъ можетъ дать наибольшее своимъ ближнимъ, кто довелъ свое внутреннее существо до высшаго совершенства. Развить нашу жизнь въ такое гармоничное цѣлое, создать стиль жизни, который въ каждомъ нашемъ словѣ и въ каждомъ движеніи свидѣтельствовалъ бы о единствѣ нашего внутренняго міра,

вотъ наша этическая задача; задача эта различна для каждаго, такъ какъ наши цѣнности и цѣли нашего развитія зависятъ отъ индивидуальныхъ задатковъ и условій развитія, въ особенности отъ отношеній къ окружающимъ насъ людямъ, къ нашему положенію внутри государственнаго общежитія; задача эта никогда не кончается, такъ какъ нашъ опытъ никогда не перестаетъ доставлять намъ новый матеріалъ, который мы должны включать въ нашу постройку. Работа надъ этой задачей сама въ себѣ заключаетъ свою цѣну и свою награду» *).

Все это прекрасно и совершенно вѣрно. Дѣйствительно, цѣльная нравственная индивидуальность гармонична и красива какъ художественное произведеніе. Но это не значитъ, что все красивое—нравственно, все гармоничное—нравственно. Можетъ быть очень красивый индивидъ отмѣннымъ негодяемъ, и гармоничная личность—цѣльнымъ мерзавцемъ. Отнюдь нельзя дѣлать изъ этого положенія: нравственное красиво и гармонично,—обратнаго заключенія. А между тѣмъ, именно, на это обратное заключеніе и полагается болѣе всего проф. Хвостовъ, заявляя, что «эстетическій элементъ и чувство прекраснаго имѣютъ значеніе въ области этики».

Эстетическій элементъ является въ этикѣ отнюдь не творческимъ и симптоматическимъ элементомъ и не предпосылкой ея, а слѣдствіемъ, конечнымъ результатомъ, послѣднимъ штрихомъ, выводомъ. Съ него не начинаютъ, а кончаютъ имъ, получаютъ его въ результатѣ длительной этической работы надъ своей личностью, и помогать онъ не можетъ ни при началѣ этой работы, ни тѣмъ болѣе послѣ нея—ибо помогаетъ именно чувство цѣлостности, гармонія единства, а не эстетизмъ, который ни нравственъ, ни безнравственъ, ни гармоничъ, ни дисгармоничъ или и то и другое вмѣстѣ и порознь, большей же частью внѣ той и другой категоріи.

*) Cornelius. «Einleitung in die Philosophie», стр. 357 сл.

Въ очеркѣ о Ницше проф. Хвостову удалась первая часть, излагающая сущность ученія, вторая часть, отрицательно критическая, и совершенно не удалась третья, выясняющая сущность этическаго міровоззрѣнія автора—часть положительно созидающая. Она глубоко противорѣчитъ первымъ двумъ и знаменуетъ только расплывчатость этики автора.

Еще менѣе удовлетворяетъ очеркъ о Штирнерѣ, книга котораго представляется проф. Хвостову незамѣнимымъ матеріаломъ для провѣрки основъ индивидуализма и имморализма. Штирнеръ, по его мнѣнію, можетъ быть названъ имморалистомъ въ еще большей степени, чѣмъ Ницше, хотя самое слово это было изобрѣтено послѣднимъ. Оцѣнивая его ученіе, проф. Хвостовъ находитъ, что оно представляется еще менѣе примѣнимымъ на практикѣ и еще болѣе безсодержательнымъ въ смыслѣ идеала человѣческаго поведенія, чѣмъ ученіе Ницше.

Осуществленіе схемы Штирнера на практикѣ неизбѣжно приведетъ насъ именно къ тому, отъ чего Штирнеръ насъ хочетъ избавить—къ государственному порядку, основанному на юридической принудительности. Штирнеръ разрушаетъ идеалы. Но спрашиваемъ мы, замѣчаетъ авторъ, что соблазнительнаго (новый критерій нравственнаго! Ю. А.) представляетъ такое существованіе, когда у человѣка нѣтъ рѣшительно никакихъ руководящихъ принциповъ, никакихъ идеаловъ, и когда онъ сегодня сжигаетъ то, чему поклонялся вчера, съ тѣмъ, чтобы завтра приняться за ту же работу безъ всякаго плана и безъ всякой опредѣленной цѣли въ будущемъ? Неужели это и есть та внутренняя свобода, которая соотвѣтствуетъ разумной и дѣятельной, творческой природѣ человѣка?

Касаясь индивидуализма Штирнера, проф. Хвостовъ замѣчаетъ: нельзя разсуждать о поведеніи людей, исходя изъ представленія объ изолированной человѣческой личности, отвергая реальность общества и не признавая никакой истины и добра.

И, только что сказавъ это, проф. Хвостовъ на той же страницѣ становится на сторону индивидуалистическаго анархизма. Представляетъ ли индивидуалистическій анархизмъ собою сплошное заблужденіе, спрашиваетъ онъ: и не содержитъ въ себѣ развѣ никакой правильной идеи? Этого я не думаю. Напротивъ, я полагаю, что писатели, вродѣ Штирнера, вполнѣ правы, когда они отправляются на поиски человѣческой личности, освобожденной отъ всякаго соціальнаго гнета. И мнѣ конечнымъ идеаломъ человѣческаго развитія представляется личность, которая живетъ въ обществѣ себѣ подобныхъ и въ то же время является совершенно свободной, не знаетъ надъ собой никакого внѣшняго принужденія.

Намъ кажется, что личность проф. Хвостова и нынѣ уже болѣе или менѣе свободна отъ такихъ принужденій, ибо она совершенно свободна въ сферѣ этики и не подчиняется никакой этической дисциплинѣ, строго выработанной и опредѣленной. Его этика все время балансируетъ между этикой индивидуальной и соціальной и не ставится опредѣленно ни на ту, ни на другую сторону. Она находится всецѣло во власти побужденій чисто эмоціональнаго характера и никакъ не можетъ освободиться отъ личныхъ вкусовъ и привязанностей («нравится», «соблазнительно», «красиво») во имя цѣльности этической дисциплины во всей ея чистотѣ и строгости.

Покончивъ такъ или иначе съ одной головой гидры нигилизма, проф. В. М. Хвостовъ переходитъ къ другой— «Этикѣ» экономическаго матеріализма. Тамъ онъ болѣе въ своей сферѣ, хотя конфликтъ индивидуальной и соціальной этики выступаетъ еще рѣзче.

Нельзя безъ улыбки читать эти вступительныя строки: «Какъ? Этика соціализма? Развѣ есть такая этика?»

Это напоминаетъ мнѣ классическій вопросъ Л. Андреева, обошедшій въ прошломъ году всѣ газеты. Услышавъ о юбилеѣ Златовратскаго, онъ воскликнулъ: «Какъ? Златовратскій? Развѣ такой писатель есть? Я не зналъ...».

«Правомѣрнымъ признается, возмущается проф. Хвостовъ, не только особая соціалистическая этика, но и цѣлая система философіи съ соціалистической точки зрѣнія, со включеніемъ даже теоріи познанія. Мысль эта во всякомъ случаѣ не лишена смѣлости и оригинальности. До сихъ поръ, по общему мнѣнію, философія и наука должны были стоять внѣ партій и классовъ».

Отбросивъ юмористическую сторону этой цитаты, приходится констатировать, что проф. Хвостовъ дѣлаетъ ту ошибку, что, принимая часть за цѣлое—экономическій матеріализмъ за весь соціализмъ и забывая о существованіи соціалистическихъ системъ, основанныхъ не на «экономическомъ базисѣ», а на этикѣ, какъ тотъ же этическій соціализмъ «русской соціологической школы» Лаврова и Михайловскаго, дѣлаетъ легкомысленное заключеніе о всемъ соціализмѣ.

Вопросъ можно было ставить только въ такой формѣ: Какъ? этика экономическаго матеріализма? Развѣ есть такая этика?

И тогда это не было бы похоже на Андреевскій вопросъ, ибо, дѣйствительно, «этика» и «экономическій матеріализмъ» — категоріи взаимно исключающія другъ друга. Но... я боюсь, проф. Хвостовъ воскликнетъ на это: Лавровъ? Михайловскій? Развѣ такіе писатели есть?

На это мы можемъ ему отвѣтить не только, что есть, но что и на Западѣ есть системы соціализма, основанныя на этикѣ—таковы по преимуществу ревизіонистское и нео-кантіанское теченіе (см. выше).

Противъ этики экономическаго матеріализма проф. Хвостовъ высказываетъ слѣдующія соображенія:

Основными проблемами философской этики являются вопросы о содержаніи и обоснованіи высшаго этическаго идеала и о понятіи долга. Этими проблемами, тѣсно связанными между собою, въ сущности исчерпывается содержаніе общей этики. Ученіе объ отдѣльныхъ порокахъ и добродѣтеляхъ конструируется на основаніи тѣхъ отвѣ-

товъ, которые мыслитель даетъ на эти общіе вопросы. Просматривая книгу Менгера «Новое ученіе о нравственности», авторъ убѣждается, что именно на этихъ коренныхъ проблемахъ этики Менгеръ совершенно не останавливается. Мало того, для Менгера не существуетъ повидимому автономной морали; онъ все время говоритъ о морали, навязываемой индивиду окружающей средой. Не удовлетворяетъ автора и демократизмъ этики Менгера.

Въ книгѣ Каутскаго «Этика и экономическій матеріализмъ» проф. Хвостовъ находитъ ту же поверхностность. По его мнѣнію, Каутскій, подобно Менгеру, оставляетъ безъ всякаго вниманія самыя основныя и трудныя проблемы философской этики. Каутскій повидимому полагаетъ, что если онъ объяснилъ съ помощью дарвинизма генезисъ моральнаго чувства и дальнѣйшее его превращеніе въ моральный идеалъ, то онъ разъяснилъ намъ все, что возбуждаетъ наши недоразумѣнія и сомнѣнія въ этической области. На самомъ же дѣлѣ, онъ въ своихъ объясненіяхъ только дошелъ до философской проблемы, но даже и не приступалъ къ ея рѣшенію. Намъ интересно знать не только то, откуда появилось моральное чувство и какъ возникаютъ моральные идеалы; недостаточно удовлетворяетъ насъ и общій выводъ изъ исторіи, что эти идеалы всегда сводились по существу къ требованію свободы, равенства и братства. Настоящая этическая проблема состоитъ въ томъ, чтобы получить отвѣтъ на вопросъ, почему же эти понятія свободы, равенства и братства такъ дороги людямъ, на чемъ основано наше убѣжденіе, что мы должны содѣйствовать каждый по мѣрѣ силъ своихъ ихъ осуществленію и что каждый, кто этому противодѣйствуетъ или даже кто обнаруживаетъ равнодушіе къ этимъ идеаламъ, заслуживаетъ осужденія? Въ чемъ вообще состоитъ смыслъ всего человѣческаго существованія и постоянной, иногда очень ожесточенной, но до сихъ поръ, по мнѣнію Каутскаго, и довольно безплодной борьбы за осуществленіе этихъ неизмѣнныхъ идеаловъ человѣчества? Вотъ тѣ во-

просы, на которые философія (какъ кажется проф. Хвостову, Ю. А.) не дала до сихъ поръ (?!) вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта. Не даетъ его и Каутскій, который вообще и не ставитъ такихъ вопросовъ. Въ остальномъ же, замѣчаетъ проф. Хвостовъ, съ его изложеніемъ я, по крайней мѣрѣ, могу почти вполнѣ согласиться, поскольку оно исчерпывается вышеприведенными мыслями. Прибавлю только, что во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго: мы находимъ здѣсь самыя обычныя идеи, которыя лежатъ въ основѣ эволюціонной этики.

Но, спросите вы, гдѣ же здѣсь специфически соціалъ-демократическая этика и какимъ образомъ возможно, чтобы этика, о которой самъ авторъ заявляетъ, что она есть классовая этика пролетаріата, совпала до такой степени съ самой обыкновенной научной этикой, какъ она выработана учеными, несомнѣнно принадлежащими къ буржуазному классу и не причисляющими себя къ пролетаріату, надѣленному классовымъ самосознаніемъ.

Вопросъ рѣшается проф. Хвостовымъ просто: специфически соціалъ-демократическія доктрины составляютъ въ ней, выражаясь любимымъ словомъ соціалъ-демократовъ, только «надстройку» надъ зданіемъ, сооруженнымъ, по существу, изъ матеріаловъ совсѣмъ не соціалъ-демократическаго характера. На автора притомъ эта надстройка производитъ совсѣмъ неблагопріятное впечатлѣніе, ибо она вовсе не вяжется съ тѣмъ общенаучнымъ фундаментомъ, на которомъ она воздвигнута.

Надстройка эта, по мнѣнію проф. Хвостова, состоитъ изъ двухъ элементовъ. Во-первыхъ, авторъ утверждаетъ, что тѣми элементами соціальныхъ условій, съ которыми необходимо считаться при осуществленіи нравственныхъ идеаловъ, если мы хотимъ, чтобы насъ не постигло разочарованіе, являются **экономическія отношенія**; что «нравственный идеалъ лишается своего творческаго значенія. Не онъ, а опредѣленныя **матеріальныя условія** указываютъ путь, по которому совершается

въ дѣйствительности общественная эволюція». Во-вторыхъ, авторъ увѣряетъ, что въ современной жизни дѣленіе общества на экономическіе классы совпадаетъ съ дѣленіемъ его на, такъ сказать, нравственные разряды: буржуазія является тѣмъ классомъ, который стоитъ за сохраненіе существующей морали, подчасъ лицемѣрно нарушая неудобныя ея требованія и скрывая эти нарушенія; пролетаріатъ есть тотъ классъ, который смѣло поднимаетъ голосъ въ защиту свободы, равенства и братства. Соціалъ-демократія нашла и научное средство осуществить, наконецъ, этотъ идеалъ; средство это состоитъ въ обобществленіи орудій производства и уничтоженіи этимъ путемъ экономическихъ классовъ и общественной розни (стр. 89).

Конечно, справедливо возражаетъ проф. Хвостовъ, если вся жизнь общества опредѣляется въ послѣднемъ итогѣ матеріальными условіями и экономическими интересами, то и борьба за моральный идеалъ можетъ быть разсматриваема въ качествѣ борьбы чисто-экономическихъ классовъ, а радикальнымъ средствомъ для переустройства общества во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ моральномъ, можетъ оказаться обобществленіе средствъ производства. Однако именно эта основная посылка—историческій матеріализмъ,—у Каутскаго является не болѣе обоснованной, чѣмъ и у всѣхъ иныхъ послѣдователей этой крайне односторонней теоріи.

Въ этой критикѣ «этики» экономическаго матеріализма проф. Хвостовъ во многомъ сходится съ замѣчаніями о ней проф. Е. Трубецкого:

Что могутъ значить, говоритъ проф. Трубецкой, для человѣка здороваго и сильнаго эти посулы всеобщаго матеріальнаго довольства въ отдаленномъ будущемъ? Соціалъ-демократія стоитъ на чисто матеріалистической точкѣ зрѣнія; она видитъ сущность жизни въ удовлетвореніи исключительно матеріальныхъ, слѣдовательно, животныхъ потребностей; съ ея точки зрѣнія всѣ человѣческія идеи,

въ томъ числѣ и наши представленія о правдѣ и справедливости — не болѣе какъ отраженія, рефлексы экономическихъ отношеній въ человѣческихъ головахъ.

Но если такъ, то на всѣ призывы къ самопожертвованію индивидъ въ правѣ отвѣтить словами Санина: «гдѣ тутъ мое счастье? моя жизнь,—это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго». Въ сущности, это старый, высказанный еще Ницше, протестъ противъ «зеленаго пастбища всеобщаго счастья». Въ этомъ идеалѣ нѣтъ рѣшительно ничего, что бы могло воодушевлять человѣка на подвигъ и оправдать безкорыстіе! Если жизнь только матеріальна, — почему мнѣ не использовать для себя самого отведенный мнѣ короткій срокъ существованія; почему мнѣ не присвоить себѣ все пастбище? Чѣмъ мой индивидуальный эгоизмъ хуже коллективнаго и столь же животнаго эгоизма пролетаріата и какое мнѣ до него дѣло?

На всѣ эти вопросы, замѣчаетъ проф. Трубецкой, соціалъ-демократія остается безъ отвѣта; въ этомъ и кроется источникъ ея неизбѣжнаго разложенія. Въ области матеріальныхъ интересовъ нельзя достигнуть объединенія душъ; въ этой сферѣ всякій хочетъ использовать для себя одного всю полноту матеріальныхъ благъ; а потому здѣсь человѣкъ человѣку волкъ. Единство «классоваго сознанія» прикрываетъ собою раздоръ противоположныхъ индивидуальныхъ интересовъ; когда онъ выступаетъ наружу,— соціалъ-демократическое движеніе распыляется на атомы.

Этотъ процессъ распыленія начинается на нашихъ глазахъ. Соціалъ-демократія прививала людямъ культъ матеріальнаго благополучія, какъ единственной и безусловной цѣнности; теперь изъ ея нѣдръ явилась немезида: родился новый общественный типъ, который объявилъ, что великія идеи — пустяки и во имя собственнаго благополучія возсталъ противъ самой соціалъ-демократіи. И этотъ врагъ, который подтачиваетъ изнутри, — безконечно опаснѣе тѣхъ, которые поражаютъ извнѣ.

Чтобы любить свободу, заключаетъ авторъ, и воодушевляться ею, нужно вѣрить въ достоинство человѣка, въ его коренное отличіе отъ низшей твари; чтобы любить ближняго, надо вѣрить въ непреходящій смыслъ его и нашего существованія, нужно признавать въ немъ неумирающую форму жизни; чтобы совершать великіе подвиги, надо вѣрить, что имп могутъ быть созданы вѣчныя, непреходящія цѣнности; чтобы служить добру, нужно вѣрить въ добро, въ его всемогущество, въ его окончательную побѣду; чтобы жертвовать собой для блага универсальнаго, всеобщаго, надо вѣрить, что это благо для каждаго изъ насъ является источникомъ вѣчной жизни и вѣчной радости... Кто выдернулъ корень, тотъ не долженъ удивляться, что растеніе завяло. («Моск. Еженед.» 1908 г., № 17, стр. 13—15).

Безусловный интересъ въ книжкѣ проф. Хвостова представляетъ очеркъ о «Жизни Человѣка» Л. Андреева. Въ немъ авторъ, съ точки зрѣнія соціальной морали, анализируетъ внѣ-общественную, индивидуалистическую философію пьесы. Статья объ ученіи проф. Петражицкаго о правѣ и нравственности не имѣетъ интереса за совершенной нераспространенностью этого «ученія».

Такова критика самыхъ основъ и фундамента современнаго нигилизма - модернъ, двухъ главныхъ столповъ его — ницшеанскаго индивидуализма и экономическаго матеріализма. Разумѣется, для насъ она интересна нынѣ только какъ характеристика самихъ критиковъ, ихъ моральнаго уровня и этическаго міровоззрѣнія. Если насъ удовлетворяетъ она въ смыслѣ содержанія, то въ смыслѣ выполненія мы могли бы ждать большаго, опираясь на всю серьезность переживаемаго русскимъ обществомъ непомѣрно затянувшагося моральнаго кризиса. Острота вопроса обязываетъ къ болѣе категорическому и яркому его освѣщенію, чего мы у проф. Хвостова не находимъ. Въ этомъ смыслѣ гораздо воспріимчивѣе и отзывчивѣе критика проф. Трубецкого, у котораго больше и живости, и энтузіазма, и категоричности.

Слишкомъ мертвое отношеніе къ вопросу безусловно не утѣшаетъ, но горевать о томъ особенно не приходится, ибо блестящую критику тѣхъ же двухъ началъ мы можемъ найти у представителей русской соціологической школы «этическаго соціализма» въ указанныхъ выше трудахъ Н. К. Михайловскаго, Карѣева, Чернова и др.

Дальнѣйшая стадія нигилизма, развившаяся на началахъ экономическаго матеріализма и ницшеанскаго индивидуализма, получила общее наименованіе «санинской полосы», принесшей съ собой и пресловутую «проблему пола» и порнографію и огарческія «лиги свободной любви» какъ увѣнчаніе всего зданія.

Эта полоса породила громадную литературу по половымъ вопросамъ, индивидуализму, огарчеству и нигилизму. Какъ уже было указано выше, мы остановимся на книгахъ проф. Т. В. Локотя—«Вопросы половой этики и любви» и д-ра А. П. Омельченко, выпустившаго двѣ брошюры о Санинѣ и санинствѣ въ вопросахъ свободной любви и семьи, и одну—«Въ поискахъ соціалистической морали», гдѣ разсматриваетъ взаимоотношенія между семьей и проституціей, желаніемъ и долгомъ.

Болѣе общую, какъ бы вступительную, картину мы находимъ у проф. Локотя.

Мнѣ уже приходилось въ первомъ томѣ этой книги останавливаться на общихъ формахъ этой полосы, соціальныхъ условіяхъ ея возникновенія и причинахъ. Почему я нахожу возможнымъ прямо приступить къ разсмотрѣнію критической литературы о ней, не вдаваясь въ излишнія подробности историческаго характера.

НАШИ МОРАЛИСТЫ.

(*продолженіе*).

IV.

Наши моралисты.

(*Продолженіе*).

Проф. Т. В. Локоть очень серьезно смотритъ на вопросъ, его онъ сильно затрагиваетъ и безпокоитъ. Картина, имъ нарисованная, мрачна и безотрадна. Его приводитъ въ ужасъ то, что «патологическій» модернизмъ «можетъ развиваться и въ нѣдрахъ тѣхъ теченій, которыя непримиримо противоположны реакціи, которыя имѣютъ своей основной задачей борьбу съ реакціей,—даже въ нѣдрахъ соціалистическихъ теченій!» (стр. 105.).

«Культъ личности, культъ индивидуализма—неизбѣжное психологическое слѣдствіе тѣхъ условій общественной жизни интеллигенціи, въ какихъ находилась и — въ значительной степени—находится до сихъ поръ русская интеллигенція, не исключая даже и той ея части, которая поставила своей жизненной задачей—служеніе сплоченному экономическими интересами рабочему классу, т.-е. не исключая и соціалъ-демократической части русской интеллигенціи,» (стр. 173).

Неужели же, съ горечью восклицаетъ проф. Локоть, и «въ освободительной» полосѣ, переживаемой Россіей, имѣются тѣ же черты и свойства, какія мы видимъ въ Санинѣ: индивидуалистическая оторванность отъ глубинъ и нѣдръ подлинной народной жизни, безсиліе, развинченность, недисциплинированность, невыдержанность и претенціозность, безполезная растрата силъ, элементы нетрудоспособности и паразитизма?. (стр. 180).

Если мы признаемъ, замѣчаетъ авторъ въ предисловіи,—хоть до нѣкоторой степени вѣрнымъ то изображеніе, какое даетъ Арцыбашевъ въ своемъ «Санинѣ», то передъ нами съ логической неизбѣжностью возникаетъ вопросъ и о томъ, не является ли это изображеніе культурно-психологическихъ свойствъ и чертъ извѣстной части русской интеллигенціи — въ то же время косвеннымъ изображеніемъ такихъ же свойствъ и чертъ такъ называемаго «освободительнаго движенія», въ той его части, которая тѣсно связана съ активной дѣятельностью этой интеллигенціи?

Вопросъ поставленъ широко и смѣло. Вызовъ, что называется, брошенъ и не изъ вражескаго стана, а изъ дружескаго. И характерно, что этотъ, одинъ и тотъ же вопросъ ставятъ русской соціалъ-демократической интеллигенціи не только проф. Трубецкіе, Локоти, Хвостовы, Гредескулы и т. п., но и сами ея представители— Ст. Ивановичи, Омельченки. Съ тѣми и другими сходятся въ бросаемомъ упрекѣ и авторы статей о русской интеллигенціи въ сборникѣ «Вѣхи» — Бердяевы, Булгаковы, Франки, Струве, Изгоевы, Гершензоны, и проч. и проч.

А смотрите, какой разбродъ, нигилистическая безпринципность и попустительство—въ журналахъ, причастныхъ къ Арцыбашеву и Санину! Не знаютъ, преклониться имъ или высѣчь себя! Послѣдовать этикѣ Санина, или нѣтъ? И это въ печати, руководящей партійной молодежью и для нея существующей!

«Современный міръ», окончившій печатаніе «Санина» въ сентябрѣ, замѣчаетъ Омельченко, черезъ мѣсяцъ, въ ноябрѣ, перомъ Вл. Кранихфельда опредѣленно и рѣшительно заявивъ, что «Санинъ—выдумка», счелъ необходимымъ прибавить: «когда-то Чеховъ даже Лоевскаго («Дуэль») считалъ опаснымъ для общежитія человѣкомъ. Если дать имъ волю—разсуждалъ зоологъ фонъ-Коренъ,— то «господа Лоевскіе показали бы намъ, гдѣ раки зимуютъ и человѣчество выродилось бы въ два года». А, вѣдь

Лоевскій—мальчишка, невинный младенецъ по сравненію съ тѣми свобододѣйствующими молодцами, которыхъ рекомендуетъ намъ современная, занятая проблемой пола, литература».

Это ли не безпринципное, нигилистическое отношеніе къ дѣлу? И если такая безалаберщина царитъ въ редакціяхъ претендующихъ на руководительство молодежью журналовъ, что же дѣлается тамъ, внизу, не на верхахъ?

«Образованіе», продолжаетъ Омельченко, гдѣ редакторомъ рядомъ съ Арцыбашевымъ состоитъ и Луначарскій, еще не знаетъ, какую ему по отношенію къ роману занять позицію. То здѣсь просятъ въ статьѣ Дмитріева не смѣшивать именъ «Каменскаго, Кузьмина, Зиновьевой—Аннибалъ и имъ подобныхъ съ именемъ Арцыбашева», не обобщать явленій, по существу не имѣющихъ ничего общаго». («Образов.» № 11); то безъ всякой пощады смѣшиваютъ эти не имѣющія «ничего общаго имена» и находятъ между ними такое нѣчто общее, что заслуживаетъ одной и той же суровой оцѣнки. И когда Колтоновская вяло убѣждаетъ читателей, что «Санинъ» и его рѣзкая критика нездороваго уклада жизни—явленіе прогрессивное и полезное», Львовъ, тоже одинъ изъ редакторовъ «Образованія», страстнымъ тономъ заявляетъ, что Санинъ «человѣкъ—птица», «сатиръ», «художникъ жизни» и «откровенный мерзавецъ».

Тѣмъ не менѣе у Санина находятся не только читатели, но и апологеты его. Когда романъ печатался на страницахъ «Современнаго міра», у него былъ свой опредѣленный читатель—**демократическая молодежь**, заинтересованная героемъ изъ бывшихъ революціонеровъ со свободной, какъ казалось, душой, и среди этой молодежи, по мнѣнію Омельченко, были люди, серьезно «относившіеся» къ такому литературному явленію, какъ Санинъ, **«искренно увлекающіеся Саниным и высоко, на пьедесталъ ставящіе этого «героя»**, (стр. 9 «Своб. любовь и семья»).

Есть отъ чего прійти въ ужасъ!

Вѣдь, типиченъ, замѣчаетъ проф. Локоть, не Санинъ, атипиченъ тотъ общественный моментъ, литературнымъ отраженіемъ котораго явился Арцыбашевскій Санинъ. Родители, чуткіе къ общественному злу, съ ужасомъ за будущее своихъ дѣтей, должны были читать газетныя сообщенія объ образовавшейся въ Минскѣ «Лигѣ свободной любви». Съ такимъ же ужасомъ раньше читали они объ «огаркахъ», впервые появившихся въ Орлѣ. Но не въ одномъ Минскѣ, несомнѣнно, возникаютъ среди самой зеленой молодежи, среди подростковъ, почти дѣтей—эти лиги свободной любви, какъ не въ одномъ Орлѣ возникли «Огарки», описаніе которыхъ въ свое время встрѣчалось даже въ заграничной печати (подробныя свѣдѣнія объ этомъ явленіи можно найти въ книгѣ Пѣшехонова: «Въ темную ночь»—глава о «Санницахъ и Санинѣ»).

Одичавшее подъ гнойнымъ дыханіемъ реакціи полукультурное общество, — замѣчаетъ проф. Локоть, — а за нимъ и растерянно, безпомощно мечущееся въ тискахъ безмыслія и безыдейности молодое поколѣніе — бросились на принципъ свободы любви — подъ моднымъ соусомъ пикантности и распущенности. Модному духу времени необыкновенно свойственно самомнѣніе и тотъ своеобразный, индивидуалистическій нигилизмъ, который, по существу, сводится къ весьма простому, примитивному и глубоко антикультурному принципу: «для меня, какъ для свободной личности—все позволено!». Это полукультурное общество и эта молодежь, не связанная въ своей духовной жизни съ традиціями, съ идеалами и съ умственными завоеваніями прошлаго, уклоняющіяся отъ этой преемственной связи, въ силу своей некультурности и умственной лѣни, это общество и эта молодежь хватаются даже за современную модную этику и философію, такъ какъ безъ всякой этики, безъ всякой философіи духовная жизнь общества и духовное развитіе молодежи немыслимы.

Проф. Локоть находитъ вполнѣ естественнымъ, что въ

періоды особенно рѣзкаго попранія правъ личности ан поверхности даже міровой мысли всплываютъ идеи и ученія, близкія къ признанію абсолютнаго индивидуализма. И обратно—въ періоды пробужденія, роста общества и государства, въ періодъ, когда каждый индивидуумъ стихійно стремится внести хотя бы частицу своего личнаго труда на созданіе и ростъ общества, государства, въ эти періоды берутъ верхъ идеи и ученія прямо противоположныя принципамъ абсолютнаго индивидуализма.

Съ этой простой и «естественной» точки зрѣнія, кстати сказать, довольно примитивной для объясненія затянувшагося, какъ мы видѣли, на двадцать пять лѣтъ періода нигилизма и индивидуализма, авторъ «легко» объясняетъ появленіе и даже нѣкоторое, «обычно не долговременное (?!) господство или популярность анти-общественныхъ, а слѣдовательно и анти-культурныхъ идей и теченій въ періодъ общественной и политической реакціи».

Всѣ наши новѣйшіе моралисты дѣлаютъ въ своей критикѣ современнаго нигилизма ту непростительную ошибку, что считаютъ его чрезвычайно молодымъ, родившимся два-три года назадъ. Изъ сдѣланнаго нами подробнаго анализа литературы за послѣднюю четверть вѣка, мы видѣли уже, насколько такой взглядъ ошибоченъ. Вотъ почему такъ просто все и понятно для нашихъ критиковъ, не желающихъ заглянуть дальше и глубже въ переживаемый кризисъ. Ясно, что и ихъ мѣры борьбы съ надвинувшимся зломъ такъ очевидны и просты—вѣдь только какіе-то два-три года реакціи! Пройдетъ реакція, и русское общество воспрянетъ! Мы уже видѣли, легко ли оно «воспрядаетъ» послѣ четверть-вѣковой полосы нигилизма, въ теченіе 25 лѣтъ вытравлявшаго изъ русскаго сознанія священныя «традиціи прошлаго», въѣдавшагося въ плоть и кровь прежняго поколѣнія и выраставшаго въ лонѣ своемъ новое, которое уже совершенно не понимаетъ ни «аннибаловыхъ клятвъ» своихъ «отцовъ»,· ни завѣтовъ семидесятниковъ...

Вѣдь, въ концѣ-концовъ, глубоко правъ Изгоевъ, помѣстившій въ «Вѣхахъ» статью «Объ интеллигентной молодежи», гдѣ онъ устанавливаетъ одинъ, почти всеобщій для русской интеллигенціи фактъ: родители не имѣютъ вліянія на своихъ дѣтей. Заботятся ли они о «развитіи» своихъ дѣтей или нѣтъ, предоставляя ихъ прислугѣ или школѣ, знакомятъ ли они дѣтей со своимъ міровоззрѣніемъ или скрываютъ его, обращаются ли съ дѣтьми начальственно или «по-товарищески», прибѣгаютъ ли къ авторитету и окрику или изводятъ дѣтишекъ длинными, нудными, научными объясненіями,—результатъ получается одинъ и тотъ же. Настоящей, истинной связи между родителями и дѣтьми не устанавливается и даже очень часто наблюдается болѣе или менѣе скрытная враждебность: душа ребенка развивается «отъ противнаго», отталкиваясь отъ души своихъ родителей. Русская интеллигенція безсильна создать свою семейную традицію, она не въ состояніи построить свою семью.

Жалобы на отсутствіе «идеальной преемственности», замѣчаетъ Изгоевъ, сдѣлались у насъ общимъ мѣстомъ именно въ устахъ радикальныхъ публицистовъ. Шелгуновъ и публицисты «Дѣла» дулись на «семидесятниковъ», пренебрегавшихъ завѣтами «шестидесятниковъ». Н. К. Михайловскій не мало горькихъ словъ насказалъ по адресу восьмидесятниковъ и послѣдующихъ поколѣній, «отказавшихся отъ наслѣдства отцовъ своихъ». Но и этимъ отказавшимся отъ наслѣдства дѣтямъ въ свою очередь пришлось негодовать на своихъ дѣтей, не желающихъ признавать идейной преемственности.

Въ этихъ горькихъ жалобахъ, по мнѣнію Изгоева, радикальные публицисты никогда не могли добраться до корня, до семьи, отсутствія семейныхъ традицій, отсутствія у нашей интеллигентной семьи всякой воспитательной силы... У русской интеллигенціи—семьи нѣтъ. Наши дѣти воспитательнаго вліянія семьи не знаютъ, въ крѣпкихъ семейныхъ традиціяхъ не почерпаютъ той огромной

силы, которая выковываетъ, напримѣръ, идейныхъ вождей англійскаго народа. Переберите въ памяти наиболѣе извѣстныхъ нашихъ прогрессивныхъ, общественныхъ, литературныхъ и научныхъ дѣятелей, особенно изъ разночинцевъ, и поставьте вопросъ, много ли среди нихъ найдется такихъ, которые бы создали крѣпкія прогрессивными традиціями семьи, гдѣ бы дѣти продолжали дѣло своихъ отцовъ. Мнѣ кажется, что на этотъ вопросъ возможенъ лишь одинъ отвѣтъ: такихъ семей, за рѣдчайшими даже исключеніями (которыхъ я припомнить не могу), нѣтъ. Я не принадлежу къ поклонникамъ ни славянофиловъ, ни русскаго дворянства, роль котораго кончена и которое обречено на быструю гибель, но нельзя же скрывать, что крѣпкія идейныя семьи (напримѣръ, Аксаковы, Хомяковы, Самарины) въ Россіи были пока только среди славянофильскаго дворянства. Тамъ, очевидно, были традиціи, было то единственное, что воспитываетъ, существовали положительныя цѣнности, тогда какъ въ прогрессивныхъ семьяхъ этого не было, и дѣти талантливѣйшихъ нашихъ прогрессивныхъ писателей, сатириковъ, публицистовъ начинали съ того, что отвертывались отъ своихъ отцовъ. («Вѣхи», стр. 184—185).

А для проф. Локотя все «понятно» съ точки зрѣнія только реакціи послѣ 1905 г.!

«Понятно для насъ и наше русское модернистское умопомѣшательство (какъ будто мы «помѣшаны» уже не 25 л.! Ю. А.), какъ въ литературѣ, такъ—до извѣстной степени—и въ жизни части нашего полукультурнаго общества. Понятенъ для насъ своеобразный расцвѣтъ нашего — россійскаго — «индивидуализма» въ **послѣдніе два-три года** (великолѣпно! Ю. А.). Понятно и возникновеніе, **какъ логическаго вывода изъ «индивидуалистической» этики и философіи, и полового психоза, выродившагося въ минскія лиги свободной любви и равноцѣнные имъ орловскіе «огарки».**

Все понятно!

И только по вопросу «свободной любви» проф. Локоть становится на историческую точку зрѣнія:

«Модернистское новое теченіе, говоритъ онъ, выступаетъ съ проповѣдью «свободной любви», какъ съ какимъ-то новымъ откровеніемъ. Эта замашка—считать новымъ то, что старо, какъ самъ культурный міръ, характерна для всѣхъ поверхностныхъ, скоропреходящихъ теченій. Какъ будто самымъ «старымъ» культурнымъ теченіямъ, скажемъ—хотя бы христіанской религіи, а тѣмъ болѣе эпохѣ просвѣщенія, эпохамъ революціонныхъ движеній девятнадцатаго столѣтія и теченіямъ не только соціализма, но и буржуазнаго либерализма не свойственно признаніе правъ свободной человѣческой личности, правъ женщины, какъ такой же свободной человѣческой личности, и, наконецъ, правъ свободной любви, даже болѣе того—признаніе, что любовь должна быть свободна?.. Какъ будто вся классическая литература человѣчества не проникнута идеей свободы личности и—тѣмъ самымъ—свободы любви, какъ основного фактора семейнаго союза, а—косвенно—слѣдовательно, и союза общественнаго?

Проф. Локоть идетъ даже дальше: «Несвободной любви быть не можетъ. Можетъ быть несвободное, даже насильственное сближеніе мужчины съ женщиной, но не свободной, а тѣмъ болѣе насильственной любви—быть не можетъ. Но чтобы изъ этой элементарной для всякаго культурнаго человѣка мысли вытекала необходимость основанія «огарковъ» и «лигъ свободной любви», это можетъ допускать только слабый, больной, расшатанный мозгъ современнаго модничающаго полукультурнаго общества и такой же современной молодежи,—поскольку современная молодежь дѣйствительно и серьезно заражена модернистскимъ модничаньемъ!

Почему, восклицаетъ авторъ, если любовь свободна—а мы свято должны чтить принципъ свободы любви—мужчина и женщина чуть не въ одинъ и тотъ же вечеръ должны переходить изъ рукъ въ руки, по образу и по-

добію хуже, чѣмъ звѣрипому? Болѣе того, какъ могутъ они это дѣлать, сознательно и искренно оставаясь вѣрными принципу свободной любви? Какъ могутъ они актъ глубокой жизненной связи, проникающій все существо— и физическое и духовное — сближающихся людей, низводить на степень онанизматической растраты живыхъ, животворящихъ соковъ организма на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ дѣлается это въ публичныхъ домахъ — этихъ самыхъ злыхъ и самыхъ отвратительныхъ продуктахъ того общественнаго строя, который весь проникнутъ отрицаніемъ индивидуальной и соціальной свободы личности, индивидуальнаго и соціальнаго равенства? Зачѣмъ—умышленно или неумышленно—смѣшивать глубокое и сложное явленіе и понятіе любви съ простымъ явленіемъ и понятіемъ физіологическаго соитія? Почему, если любовь свободна, мы должны отрицать принципъ семейственности, семейнаго союза, семейныхъ обязанностей, прежде всего— по отношенію къ дѣтямъ, а также—во взаимныхъ отношеніяхъ мужа къ женѣ, мужчины къ женщинѣ, связываемыхъ любовью не только лично, но и соціально? Неужели мы смѣемъ теперь, при данномъ соціальномъ строѣ, прикрываться ссылками на строй будущій, строй соціалистическій, когда — если этотъ строй наступитъ—очень многія соціальныя отношенія, въ томъ числѣ и семейныя, примутъ, конечно, значительно иной видъ, чѣмъ при настоящемъ, капиталистическомъ строѣ?

Неужели мы, даже исходя изъ идеаловъ соціалистическаго строя, смѣемъ утверждать, что воспитаніе дѣтей когда бы то ни было перестанетъ быть ближайшей задачей и обязанностью все же тѣхъ, кто ихъ родилъ, а не тѣхъ, кто только ихъ окружаетъ или кто—по порученію государства — будетъ брать на себя ремесло воспитанія, какъ трудъ, за который они будутъ получать извѣстное вознагражденіе?.

Къ чему же можетъ сводиться это модернистское отрицаніе семейныхъ, родительскихъ обязанностей, это без-

различное или даже враждебное отношеніе къ дѣторожденію, какъ къ неизбѣжному послѣдствію сближенія мужчины съ женщиной? Только къ трусливому и отвратительно-подленькому, а совсѣмъ не «возвышенному», закрыванію глазъ на естественныя послѣдствія собственныхъ нашихъ дѣйствій!..

Эта этика и философія, по мнѣнію автора, есть этика и философія мелкихъ, некультурныхъ, невѣжественныхъ и воровскихъ натуръ, желающихъ срывать неосмысленныя удовольствія за счетъ страданій не только другихъ, но и ихъ собственныхъ—только впослѣдствіи, когда наступитъ неизбѣжный моментъ расплаты за грѣхи мысли, за грѣхи духа, за грѣхи тѣла!..

Этотъ уродливый «нигилизмъ», отрицающій все во имя удовлетворенія стремленій личности только въ данный моментъ, безъ соображенія ближайшихъ и отдаленныхъ послѣдствій этого удовлетворенія, можетъ казаться чѣмъ-то высокимъ и красивымъ только для безнадежно маленькой, недоразвитой, темной мысли, и мы никогда, никогда ни въ одномъ изъ періодовъ господства подобныхъ уродливостей мысли и духа не встрѣчали сколько-нибудь крупныхъ представителей такого безвременья и безмыслія!.. (стр. 99—103).

Вся эта горячая, фанатическая тирада слишкомъ рубитъ съ плеча, воображая, что дѣло въ «крупныхъ представителяхъ»! Забывая, что важны не пастыри новаго теченія, а ихъ паства, не герои его, но толпа, которая внимательно слѣдуетъ новымъ теченіямъ и творитъ жизнь по новымъ идеаламъ, кто бы ихъ ни давалъ.

И вотъ въ чемъ глубокое знаменіе момента: мы идемъ не за великими, а за кѣмъ угодно, лишь бы они проповѣдовали то, что намъ и нашему нигилизму надо. Мы ищемъ и создаемъ сами своихъ пророковъ. Вотъ чѣмъ подчеркивается весь ужасъ и вся безвыходность положенія. Наши «пророки» лишь отвѣчаютъ спросу и идутъ въ хвостѣ общественныхъ настроеній, вкусовъ, запросовъ. Вы пом-

ните это время—1907 и 1908 г.—когда книжники жаловались, что хорошая книга не идетъ—идетъ одна порнографія? Когда уныло стояло на полкахъ и выцвѣтало на витринахъ все, что шло «противъ теченія»?

Это было время полнаго, своеобразнаго молчаливаго бойкота «направленской» и «лучшей» литературы. И въ этой органичности разложенія — повторяю — весь ужасъ. Здѣсь не поможетъ осужденіемъ того или иного «пророка», здѣсь нужна громадная работа надъ цѣлымъ обществомъ, надъ перевоспитаніемъ поколѣнія въ корнѣ, надъ выработкой снова, сызнова его вкусовъ, потребностей, идеаловъ. Надо признать, наконецъ, что мы прожили послѣднюю четверть вѣка «въ пустую» и, что называется, имѣть мужество начать жизнь сначала. Надо сознаться въ своей ошибкѣ, въ своемъ неумѣньи даже «учиться» у Европы, и всю систему заимствованій и рабскаго подражанія возможно скорѣе ликвидировать. Только тогда, изъ подъ обломковъ, мы извлечемъ нашу національную индивидуальность въ томъ видѣ, какъ забросили ее 25 лѣтъ назадъ и будемъ въ состояніи приступить къ дальнѣйшему развитію ея творческихъ задатковъ и способностей. Надо исходить не изъ нашего настоящаго—а изъ прошлаго, чтобы, перешагнувъ черезъ послѣднюю четверть вѣка, подать руку будущему.

Этого не хотятъ понять наши современные критики-моралисты.

Надо перестать, наконецъ, склонять слово «реакція», которое ничего никому не объясняетъ. Это уже не реакція, а разложеніе, агонія, почти предсмертная. Страшная гостья уже повѣяла крыломъ въ лицо русской интеллигенціи, а она лепечетъ жалкія слова: «реакція, реакція!»

«Реакція», говоритъ проф. Локоть, и указаннаго сорта «модернизмъ» — явленія одного и того же порядка, хотя и весьма неодинаковаго происхожденія: патологическій «модернизмъ» можетъ развиваться и въ нѣдрахъ тѣхъ теченій, которыя непримиримо противоположны реакціи,

которыя имѣютъ своей основной задачей борьбу съ реакціей,— даже въ нѣдрахъ соціалистическихъ теченій!» Здѣсь проф. Локоть какъ-будто договаривается до истины, сближаясь въ своихъ словахъ съ анализомъ проф. Трубецкого той «Немезиды, которая возстанетъ изъ нѣдръ соціалъ-демократіи», но тутъ же снова сбивается на реакцію, какъ главный элементъ въ современномъ нигилизмѣ: «Эта связь говоритъ только о томъ, замѣчаетъ онъ, что соціалистическія теченія не свободны (!) отъ явленій и отъ вліяній реакціи. Во всякомъ случаѣ, утѣшается авторъ, мы можемъ сказать, что въ нормальные періоды общественной жизни соціализмъ никогда не договаривался до минскихъ «лигъ свободной любви» и до орловскихъ «огарковъ»...

Хорошъ однако тотъ «соціализмъ», который только въ «нормальные» періоды бываетъ «на славномъ посту»!

Проф. Локоть здѣсь дѣлаетъ ту же ошибку, что и Хвостовъ, принимая часть (экономическій матеріализмъ)— за цѣлое (соціализмъ). Если «экономическій матеріализмъ» «договаривается» (и это не диво!) до лигъ свободной любви, изъ этого не слѣдуетъ, что то же можно сказать про «соціализмъ». Мы знаемъ въ Россіи соціалистическую школу «этическаго соціализма», которая не договаривалась ни до чего подобнаго, ни при П. Лавровѣ, ни при Михайловскомъ и Карѣевѣ, ни при позднѣйшихъ ея представителяхъ. Если мы имѣемъ въ нашей современной журналистикѣ «Современные міры» и «Образованія»—мы имѣемъ и «Русское Богатство», которое даже и въ не- «нормальные періоды общественной жизни» не покидало своей позиціи.

Половая этика проф. Локотя въ общихъ чертахъ такова: Для любимой женщины любящій ее мужчина не только не можетъ причинять непосредственныхъ физическихъ и духовныхъ страданій, но долженъ совмѣстно съ нею трудиться и надъ созданіемъ нормальной, здоровой обстановки ихъ общихъ будущихъ дѣтей, т.-е. выполнять

и извѣстную соціальную задачу, такъ тѣсно связанную съ чувствомъ любви. Личное, индивидуальное въ чувствѣ любви такъ тѣсно связано съ соціальнымъ, общественнымъ; физіологическое такъ тѣсно связано съ психическимъ, духовнымъ, что отождествленіе любви съ физіологическимъ актомъ и отрицаніе вытекающихъ изъ этого чувства и обусловливаемыхъ имъ взаимныхъ отношеній—обязанностей личнаго и общественнаго порядка—равносильно, именно, «звѣрству», но никакъ не возвѣщенію «новой» морали! «Случайныя паденія» могутъ переживать только слабыя волей и сознаніемъ дѣвушки и женщины. «Случайные успѣхи» у женщинъ и дѣвушекъ могутъ имѣть только нетребовательные въ духовномъ отношеніи, малокультурные мужчины, даже и слабые волей, лишь бы у нихъ былъ достаточно живой, легко возбудимый и обычно распущенный половой инстинктъ. Ничтожество и грязь «случайной любви», т.-е. простого акта физіологическаго соединенія, должны бы быть аксіомой и основной предпосылкой и для «новой» морали такъ же, какъ давно онѣ являются таковыми для «старой!» И это, конечно, не въ силу «аскетизма», а въ силу искренняго, правдиваго, глубокаго отрицанія «звѣрства!» Это въ силу поднятія любви на степень высокаго, истинно-человѣческаго, святого чувства, которому суждено до конца искоренить въ человѣкѣ то «звѣрство», которое упорно подсказываетъ мужчинѣ стремленіе—подъ всевозможными предлогами—эксплоатировать, воровать, расхищать силы женщины, пользуясь своими преимуществами самца, болѣе сильнаго животнаго, звѣря! Женщина во имя равенства, во имя своей свободы, во имя интересовъ того общества, физическимъ производителемъ котораго она является, должна всѣми силами своей души протестовать, бороться противъ звѣринаго эгоизма мужчины, нашептывающаго ей о прелестяхъ случайныхъ паденій, случайныхъ моментовъ физіологическаго возбужденія!.. Женщина всѣми силами своей души должна стоять за пони-

маніе любви, какъ сложнаго, глубокаго, разносторонняго и прочнаго чувства, имѣющаго не только личную, физіологическую основу, но и основу общественную, соціальную. Она должна поэтому стоять за прочный семейный союзъ на основѣ свободной, искренней и глубокой взаимной любви мужчины и женщины. Она должна ясно и твердо стоять на томъ, что воздержаніе отъ «случайной любви» еще не есть «аскетизмъ», а «свободная» любовь—не есть звѣриная любовь «не долго думая», при первомъ подвернувшемся случаѣ!..

Пусть женщина, восклицаетъ проф. Локоть, стойко борется за право на свободную любовь, но именно — любовь, а не случайное физіологическое соединеніе! Пусть она требуетъ отъ любимаго и любящаго мужчины настоящей любви, непремѣнно связанной съ большой затратой физическихъ и духовныхъ силъ въ пользу любимой женщины и въ пользу общихъ дѣтей, — а не одной только затраты физіологической силы на взаимныя физіологическія удовольствія.

Односторонность, однобокость этики проф. Локотя бросается въ глаза. Она исходитъ прежде всего изъ двухъ ложныхъ предпосылокъ: 1) женщина всегда жертва «скота»-мужчины, а между тѣмъ она, очевидно, богаче мужчины духовнымъ міромъ, разъ проф. Локоть предоставляетъ ей такую громадную отвѣтственную роль, какъ исправленіе общественныхъ нравовъ. Всѣ эти слова «должны», «должна» и т. д. смѣшны для женщины-кокотки тѣхъ же Арцыбашева, Каменскаго и Вейнингера. Нельзя не сознаться, что въ ихъ описаніи современной женщины все же есть большая доза правды. Ихъ женщина реальна. Женщина же Локотя — фантастична и пока еще только въ перспективѣ; 2) женщина проф. Локотя не товарищъ, а содержанка, которая «должна требовать» того-то, того-то и того-то. Ни въ процессѣ созиданія, ни въ процессѣ накопленія она не принимаетъ никакого участія — словомъ она не сотрудница его въ борьбѣ за существованіе. Она

не созидаетъ, не одаряетъ, только—потребляетъ. Ихъ положеніе съ мужчиной не равно экономически. Онъ созидаетъ, она потребляетъ. Разумѣется, «требованія» такой женщины—женщины содержанки, потребительницы и въ крайнемъ случаѣ производительницы потомства—ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть уважены «скотомъ»-мужчиной. Какъ бы низко онъ ни стоялъ, женщина проф. Локотя еще ниже его. Именно она-то и будетъ сѣять зло и порокъ, хотя бы просто отъ бездѣлья.

Этика проф. Локотя слишкомъ привилегирована, она ничего не знаетъ ни объ экономическихъ условіяхъ, ни о борьбѣ за существованіе, ни о всѣхъ вытекающихъ отсюда послѣдствіяхъ.

Смотрите, какъ ничтожны требованія мужчины Локотя отъ женщины:

Пусть, въ свою очередь, и мужчина требуетъ отъ любимой женщины не одного «тѣла», а и тѣхъ сложныхъ, глубокихъ, сильныхъ психологическихъ переживаній и влеченій, которыя такъ поднимаютъ и укрѣпляютъ духовныя силы тѣхъ, кто любитъ и кто любимъ!

И только?

Нѣтъ, вотъ еще «обязанности» ихъ обоихъ: пусть ни мужчина, ни женщина не смотрятъ на любовь только какъ на пріятное удовольствіе и легкое развлеченіе; пусть не растрачиваютъ ни физическихъ, ни духовныхъ силъ зря, безъ глубокаго, сильнаго удовлетворенія (?!); пусть не опошляютъ ни себя, ни своего чувства легкимъ, безвольнымъ или грубо животнымъ, звѣринымъ отношеніемъ къ этому чувству!.. И пусть они знаютъ, что несеніе обязанностей, подчиненіе долгу еще не есть лишеніе свободы, не есть рабство, а есть только проявленіе и доказательство истинной силы человѣка — и надъ собой, и надъ окружающими условіями. съ которыми ему приходится бороться въ своемъ поступательномъ, прогрессивномъ, культурномъ развитіи!.. Чуткость женщины, какъ стороны, болѣе страдающей отъ ошибокъ и ненормаль-

ностей любви, подсказываетъ ей именно такое направленіе мысли и чувства по отношенію къ любви.

По мнѣнію проф. Локотя, Арцыбашевъ художественно отмѣтилъ эту чуткость женщины у... Карсавиной.

Карсавина, инстинктивно чуя и въ себѣ, и въ Санинѣ приближеніе физіологическаго возбужденія и порыва,— «неожиданно» спросила Санина:

— Скажите, а любовь... она налагаетъ обязанности?..

Основной, кардинальный вопросъ, патетически восклицаетъ Локоть, въ отношеніяхъ мужчины и женщины! Глубоко вѣрно схваченное движеніе мысли и чувства нормальной, здоровой, сознательной дѣвушки, уже побаивающейся физическаго и духовнаго «звѣрства» со стороны «сильнаго» Санина.

Авторъ возмущается отвѣтомъ Санина этой «нормальной, здоровой, сознательной дѣвушкѣ», совершенно забывая, что ея «сознательность» проснулась только, увы, чуть не въ моментъ совокупленія. И Санинъ просто глупъ, когда отвѣчаетъ ей какой-то длинной философской тирадой о наслажденіи любовью безъ запрета, безъ ограниченія.

Такой женщинѣ отвѣтъ можетъ быть одинъ, гораздо болѣе краткій, стереотипный, и художественная правда требовала бы, чтобы Санинъ его именно и далъ: «чья бы корова мычала, твоя бы молчала!» Ибо: ни женщина Каменскаго, ни женщина Арцыбашева, ни женщина Вейнингера (а такихъ, увы, 90%!) просто не смѣетъ задавать такіе вопросы другимъ, такъ какъ никогда ихъ не задаетъ себѣ.

И, мнѣ кажется, нашъ современный мужчина, обремененный все обостряющейся борьбой за существованіе, глубоко правъ, когда для отправленія своихъ физіологическихъ потребностей поступаетъ, по выраженію проф. Локотя, какъ «воръ», который «жалокъ», «безсиленъ»,

«лжетъ», «изворачивается». Я не хочу говорить въ защиту этого жалкаго, безсильнаго, лживаго и изворотливаго вора, но справедливость требуетъ объективности.

Станемъ на экономическую почву. Еще Л. Толстой въ Крейцеровой сонатѣ отмѣтилъ. что вся наша культура, роскошь и блескъ существуютъ для женщинъ и держатся ими. Потребительницей роскоши преимущественно, почти исключительно является наша женщина. Законный бракъ является только узаконенной формой проституціи. 90% законныхъ женъ живутъ «на содержаніи» жалкихъ, безсильныхъ, лживыхъ и изворотливыхъ «воровъ». Какія-то единицы женщинъ принимаютъ активное участіе въ борьбѣ за существованіе и живутъ самостоятельнымъ заработкомъ. *) Остальныя не имѣютъ о ней ни малѣйшаго представленія, подготовляя себя исключительно къ брачной карьерѣ. Брачная карьера для женщины пріобрѣтеніе, часто начало «жизни», для мужчины потеря, часто конецъ «жизни», ибо въ женщинѣ онъ не находитъ сотрудника, товарища, компаньона въ слишкомъ тяжеломъ и невыгодномъ предпріятіи, именуемомъ жизнью. Онъ находитъ въ ней нѣчто, что требуетъ, потребляетъ, проситъ, расточаетъ и т. д. и т. д., и все это въ неимовѣрной дозѣ за неимовѣрно ничтожное благо, приносимое ею мужчинѣ и выражающееся въ ея тѣлѣ и въ такъ называемой душѣ, проникнуть въ которую иногда не удается и до конца жизни. Понятно, что такой любовный союзъ, такая сдѣлка не выгодна, убыточна, погибельна, и понятно, почему мужчина, по словамъ Локотя, «воръ». Значитъ есть что воровать, значитъ есть у кого воровать, значитъ онъ дѣйствительно нищъ и нагъ. Не такъ много онъ пріобрѣтаетъ, чтобы расплачиваться такъ дорого.

Иначе обстоитъ дѣло, если экономическія условія равны, если мужчина, созидая блага, не находится въ

*) Г-жа Коллонтай въ книгѣ «Соціальныя основы женскаго вопроса» въ таблицѣ о числѣ лицъ живущихъ своимъ трудомъ въ Петербургѣ насчитываетъ среди «лицъ занятыхъ казенной и частной службой и въ либеральныхъ профессіяхъ»—85% мужчинъ и 15% женщинъ. (Стр. 10).

экономическомъ рабствѣ у женщины (не наоборотъ!), если женщина сама созидаетъ и не подчиняетъ мужчину экономически. Тогда можетъ быть рѣчь о равенствѣ, о солидарности, о сотрудничествѣ, о морали и т. д. и т. д.

Но и при существующихъ условіяхъ возможна нѣкоторая уравнительность: женщина, понимая положеніе мужчины, одаритъ его «монополіей обладанія» ею. Именно эту «монополію обладанія» и имѣетъ въ виду каждый мужчина, вступая въ невыгодную при существующихъ условіяхъ брачную сдѣлку. Именно отчасти онъ и требуетъ моногаміи.

Да простится мнѣ это маленькое отвлеченіе. Мнѣ хочется привести примѣрный типъ женщины, къ которой могъ бы обращаться со своей рѣчью проф. Локоть, но это было бы, конечно, излишне. Къ сожалѣнію, въ русской новѣйшей литературѣ я не нашелъ такого типа— онъ ей незнакомъ, и мнѣ пришлось обратиться къ итальянской.

Въ одномъ изъ томиковъ разсказовъ Матильды Серао есть новелла «Повѣсть любви». Передавать все ея содержаніе я не стану, ибо это не нужно, и начну съ эпилога, близко касающагося нашей темы. «Онъ», «третій», добился, наконецъ, чтобы «она» пришла къ нему, послѣ этого вечера. Онъ будетъ ждать ее на балконѣ ихъ дома, послѣ того какъ гости разойдутся...

— Что хотѣли вы сказать мнѣ, другъ мой?

— Что я васъ люблю.

— Вы мнѣ уже сказали это. Ничего болѣе?

И она повернулась, чтобы итти.

— Я васъ люблю, люблю, люблю!

— Другъ мой, мужъ спитъ рядомъ съ нами. Если комаръ затянетъ свою пѣсню, если скрипнетъ мебель, если вашъ голосъ или мой слегка возвысится, онъ проснется, придетъ сюда, и мы умремъ.

— Я этого-то и добиваюсь!—мрачно прошепталъ онъ.

— Я умерла бы за васъ, если бы васъ любила, но я васъ не люблю... Я не могу васъ любить.

— Но вы должны. Я имѣю право быть любимымъ. Вамъ кажется, что человѣческая жизнь ничего не значитъ? Вы полагаете, что позволительно пройти около человѣка и отнять у него все? Вы думаете, что бросать его то въ жаръ, то въ холодъ, повергать его въ лихорадку, никогда ни утихающую,—ничто? Вы воображаете, что женщина имѣетъ право безнаказанно глядѣть, улыбаться, говорить нѣжно, какъ глядите, улыбаетесь, говорите вы? О, проклятая нѣжность!

Несмотря на то, что онъ стоялъ очень близко къ ней и почти читалъ выраженіе ея лица, онъ не замѣтилъ слезъ, навертывавшихся на ея глазахъ.

— Я былъ счастливъ, наслаждался молодостью, солнечнымъ свѣтомъ, веселымъ обществомъ друзей, красотой своей родины. Я былъ одаренъ невозмутимѣйшимъ равнодушіемъ, величайшимъ изъ людскихъ благъ; я былъ эгоистъ, но спокоенъ; я позволялъ, чтобы меня любили, и не искалъ любви. Ну, словомъ, я обладалъ юпитерской ясностью духа!

— Господь поможетъ вамъ возвратить ее,—ласково произнесла Паола.

— Господь?... Я ему не молюсь.

— А я постоянно молю его дать вамъ миръ.

— О, притворщица! Не глумитесь же надъ Богомъ, какъ вы глумитесь надо мной! Слушайте. Вы обязаны меня любить. Я слишкомъ сильно люблю васъ для того, чтобы не быть любимымъ. Это было бы страшной несправедливостью; такихъ несправедливостей не бываетъ на свѣтѣ: въ немъ все уравновѣшено, правильно установлено. Страсть моя слишкомъ горяча, чтобъ не воспламенить и васъ. Вы должны привязаться ко мнѣ. Вы покинете мужа, мать, домъ, слугъ, все что любите, что вамъ дорого, и послѣдуете за мною. Мы уѣдемъ далеко, будемъ счастливы, такъ счастливы... вотъ увидите. У насъ будутъ, конечно, и свои страданія. но это не бѣда: такова человѣческая жизнь. Страсть сильнѣе насъ. Я васъ обожаю, Паола. Убѣжимте!

— Вы съ ума сошли, другъ мой! — сказала она, опираясь локтемъ о перила и глядя внизъ на море.

— Нѣтъ, я не сошелъ съ ума, но, если вы хотите, считайте меня безумнымъ. Это не важно. Важно то, что я не могу жить безъ васъ, что вы мнѣ нужны, необходимы. Никому не нужны вы такъ, какъ мнѣ, а передъ сильной волей ничто не можетъ устоять: она способна расплавить алмазъ, раздробить желѣзо. Вы — женщина; у васъ нѣжное сердце; вы умѣете чувствовать, любить, ненавидѣть. Должны же вы были замѣтить, какъ рвется моя душа къ вамъ. Вы принадлежите вашему мужу, но вы ему не нужны; это настоящее животное, я его ненавижу! Мнѣ хотѣлось убить его сегодня вечеромъ; я убью его завтра, если вы не послѣдуете за мною. Но вы послѣдуете; вы уже пришли сюда на террасу, вы убѣжите со мною. Идемте же.

И онъ крѣпко взялъ ее за руку, увлекая ее за собой.

— Нѣтъ,—сказала она.

— Идемте!

— Нѣтъ!

— Почему же?

— Потому что я васъ не люблю.

— О Паола, Паола! Не говорите же этого!—жалобно прервалъ Фульвіо.

— Какъ же хотите вы, чтобы я говорила?

— Лучше молчите. Звукъ вашего голоса, такой нѣжный и холодный, приводитъ меня въ отчаяніе. Молчите, умоляю васъ!

Она замолкла. Фульвіо припалъ къ перилamъ и склонилъ голову на руки, стараясь заглушить рыданія. Паола глядѣла внизъ, глубоко задумавшись. По дорогѣ въ Позилиппо промчался экипажъ; рѣзкій смѣхъ донесся до балкона. Паола подняла голову.

— Вы плачете, Фульвіо?

— Я не плачу,—отчаянно отвѣтилъ онъ.

— Будьте тверды.

— Я достаточно твердъ.

— Выслушайте же, что скажу вамъ я, вашъ другъ. Вы скоро исцѣлитесь.

— Нѣтъ, никогда.

— Исцѣлитесь. Вы честный человѣкъ?

— Да, я честенъ.

— Ну, такъ вы исцѣлитесь. Страсть — вещь безчестная. У меня, вѣдь, мужъ, понимаете ли? Этотъ отвѣтъ кажется вамъ банальнымъ, но въ сущности онъ только честенъ. Когда мы еще въ дѣвушкахъ, матери говорятъ намъ: вы должны любить того, за кого выйдете; если вы не можете любить, вы обязаны по крайней мѣрѣ уважать его, слушаться, быть ему вѣрными, принадлежать ему и тѣломъ и душой, хотя бы пришлось умереть отъ этого. И мать не только говоритъ такъ, но ежедневно подтверждаетъ это своимъ примѣромъ. Эта честность, эта традиціонная вѣрность и наслѣдственная добродѣтель передаются вмѣстѣ съ кровью отъ матери къ дочери. Въ этомъ нѣтъ ничего величественнаго; это простой долгъ, который исполняется...

— И отъ котораго умираютъ, Паола.

— Не умираютъ. Страсть, вѣчно слѣпая, оскорбляетъ добраго мужа, который спокойно, довѣрчиво, безъ малѣйшаго подозрѣнія спитъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Въ этомъ-то и заключается великая несправедливость. Вѣдь въ сущности человѣкъ, за котораго мы выходимъ, хотя бы даже если онъ женился изъ честолюбія или расчета, приноситъ важную жертву. Онъ довѣряетъ намъ свое имя, сердце, свою свободу, клянется въ вѣрности, связываетъ себя неразрывными узами, смиренно трудится для насъ и для нашихъ дѣтей. Мы — его утѣшеніе и гордость; въ насъ заключаются его самыя дорогія и прочныя радости; весь день проходитъ въ желаніи вернуться къ намъ, увидать насъ; счастливѣйшіе часы тѣ, которые онъ проводитъ дома, въ объятіяхъ жены. Любовь

мужа—это цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ жертвъ. Этого всего вы знать не хотите. Страсти нѣтъ дѣла ни до чего; она сама себя не понимаетъ.

— Мужья измѣняютъ женамъ, — пробормоталъ онъ точно во снѣ.

— Измѣняютъ, но все-таки любятъ. Ничто не въ силахъ побѣдить этой крѣпкой связи, созданной изъ словъ, слезъ, поцѣлуевъ, вздоховъ; ничто не можетъ порвать узъ, глубоко коренящихся въ сердцѣ. И вдругъ является страсть и хочетъ уничтожить эти священныя узы. Кто вы такой? Юноша, мужчина, частица необъятнаго человѣчества. Вы попали на мою дорогу или, быть можетъ, я забрела на вашу, и внезапно вы меня полюбили. Что сдѣлали вы для меня? Ничего. Что можете вы сдѣлать? Тоже ничего или, вѣрнѣе, очень многое. У меня есть имя, и вы хотите лишить меня его; есть честь—вы желаете, чтобы я ее бросила, точно ненужную вещь; меня уважаютъ друзья, я должна этимъ пренебречь; я пользуюсь довѣріемъ мужа,—вы хотите, чтобы я его обманула; я наслаждаюсь спокойной совѣстью—и должна утратить ее навсегда. Зачѣмъ? Потому что вы меня любите. Но вѣдь и тотъ, что спокойно спитъ около насъ, тоже меня любитъ...

— Это неправда!

— Что знаете вы объ этомъ? Только мы однѣ, женщины, можемъ сказать, кто насъ любитъ. Вы говорите о своихъ правахъ! О, бѣдный человѣкъ, мирно спящій, ты полюбилъ женщину до того, что женился на ней; ты отдалъ ей лучшую часть своего существованія, возложилъ на нее всѣ свои надежды, былъ ей братомъ, отцомъ, мужемъ, любовникомъ, другомъ, совѣтникомъ, ухаживалъ за ней въ болѣзни, страдалъ за нее тѣломъ и душой. И вдругъ незнакомецъ, эгоистъ, преисполненный капризовъ, человѣкъ ровно ничего не сдѣлавшій для нея, предлагаетъ твоей женѣ безчестіе, хочетъ насильно лишить ее всего. И вы еще говорите о несправедливости!

Что дѣлаете вы тутъ? Зачѣмъ слушаю я васъ, защищаюсь, даю вамъ объясненія! Я васъ не знаю! Уйдите же съ моего пути! Прочь съ дороги!

— Вы не любите меня, Паола, вотъ и все!

— Это правда. Я васъ не люблю.

Въ эту минуту бѣглый свѣтъ, вырвавшійся изъ комнаты мужа, поразилъ ихъ обоихъ. Это былъ мимолетный лучъ; вслѣдъ затѣмъ снова водворился мракъ. Фульвіо и Паола переглянулись и поняли другъ друга. Спокойно, точно готовая сейчасъ умереть, она произнесла:

— Милосердая Мадонна, отдаю въ Твои руки свою душу.

Она молилась вполголоса; Фульвіо молчалъ и прислушивался. Никакого звука не доносилось болѣе, никакой лучъ не вспыхивалъ, никто не появлялся. Это былъ вѣрно обманъ. Такъ стояли они нѣкоторое время; онъ не смѣлъ нарушить молчанія, произнести послѣднее слово. Ему казалось, что все рухнуло вокругъ него во мракѣ ночи, и онъ не зналъ, куда итти среди развалинъ. Потомъ, поднявъ голову, онъ почувствовалъ, что глаза ея его вопрошаютъ, просятъ кончить.

— Что долженъ я сдѣлать?—холодно спросилъ онъ.

— Уйти! — съ невозмутимою кротостью отвѣтила Паола.

— Куда?

— Куда хотите, только не оставайтесь здѣсь.

— Далеко мнѣ уйти?

— Далеко.

— Могу я вернуться?

— Нѣтъ.

— Хоть черезъ нѣсколько лѣтъ?

— Нѣтъ, никогда.

— Что же будетъ съ вами?

— Пройдутъ годы; потомъ я умру.

— Итакъ я никогда не увижу васъ болѣе, Паола?

— Никогда.

— Вѣдь это для меня смерть.

Она развела руками, точно ей нечего было болѣе сказать.

— Такъ прощайте же.

— Прощайте.

Они не подали другъ другу даже руки. Онъ повернулся и вышелъ въ темную гостиную, двигаясь, какъ лунатикъ. Она напрягала слухъ, слѣдя за его удаляющимися шагами, блѣдная, неподвижная. Потомъ съ вышины террасы она увидала, какъ онъ шелъ одинъ по дорогѣ въ Позилиппо, какъ онъ затерялся наконецъ среди ночи и темноты, точно призракъ. Только тогда очнулась Паола. Голосъ за ея спиной спрашивалъ:

— Паола, ты любишь Фульвіо?

Она обернулась и отвѣтила мужу:

— Да...

Вотъ образъ женщины, почти совершенно незнакомый нашей новѣйшей литературѣ. Наши сѣверянки куда какъ далеко ушли отъ типа итальянской женщины по своей развращенности!

Но не ближе ушли и наши мужчины и юноши. Это отмѣтилъ между прочимъ А. С. Изгоевъ въ цитированной выше статьѣ въ «Вѣхахъ».

«Огромное большинство нашихъ дѣтей вступаютъ въ университетъ уже растлѣнными. Кто изъ насъ не знаетъ, что въ старшихъ классахъ гимназій уже рѣдко найдешь мальчика, не познакомившагося либо съ публичнымъ домомъ, либо съ горничной. Мы такъ привыкли къ этому факту, что перестаемъ даже сознавать весь ужасъ такого положенія, при которомъ дѣти не знаютъ дѣтства и не только истощаютъ свои силы, но и губятъ въ ранней молодости свою душу, отравляютъ воображеніе, искажаютъ разумъ. Не говорю объ Англіи и Германіи, гдѣ, по общимъ признаніямъ, половая жизнь дѣтей культурныхъ классовъ течетъ нормально и гдѣ развращеніе прислугой

дѣтей представляетъ не обычное, какъ у насъ, но исключительное явленіе. Даже во Франціи, съ именемъ которой у насъ соединилось представленіе о всякихъ половыхъ излишествахъ, даже тамъ, въ этой странѣ южнаго солнца и фривольной литературы, въ культурныхъ семьяхъ нѣтъ такого огромнаго количества половыхъ скороспѣлокъ, какъ въ сѣверной, холодной Россіи».

«Сѣверной холодной Россіи» незнакомы ни мужчина Англіи, Германіи, Франціи, ни женщина Италіи, ни дѣти всѣхъ этихъ странъ. Въ какія-нибудь 25 лѣтъ мы выродились совершенно, перегнавъ самыя зрѣлыя и даже дряхлыя страны!

Часто можно слышать такія рѣчи:

— Современная женщина поразительно сумѣла сохранить въ себѣ всѣ элементы первобытнаго дикарства посреди подавляющаго блеска прогресса, окруженная шумомъ культуры. Она дикарка и въ своей полигамности и въ своей любви къ мишурѣ, блесткамъ и побрякушкамъ культуры, по невоспріимчивости къ истиннымъ дарамъ ея и къ какимъ-либо нормамъ, регулирующимъ жизнь. Она отстала въ своемъ культурномъ уровнѣ не на какія-нибудь поколѣнія, а на тысячелѣтія, на сотни столѣтій! Чтобы изучить разговорный языкъ въ совершенно незнакомой странѣ, нужно нѣсколько мѣсяцевъ. Наша женщина жила среди насъ тысячелѣтія и до сихъ поръ у насъ нѣтъ общаго языка! До сихъ поръ Мопассаны и Андреевы вопятъ объ одиночествѣ, о непониманіи и о чуждости въ отношеніяхъ мужчинъ и женщинъ. Мы говоримъ о человѣчности отношеній, о душѣ и проч. и проч. и до сихъ поръ не замѣчаемъ, что мы въ отношеніяхъ къ женщинѣ по большей части только формально «естественно» отправляемъ свои потребности, морально же мы чуть не скотоложцы, ибо считаемъ ее за скота. И часто иначе и не смотримъ на женщину, какъ глазами Каменскихъ и Арцыбашевыхъ! Жирныя, безхвостыя, розовыя обезьяны, заявляемъ во всеуслышаніе, и даже зная и говоря это идемъ съ обезьянами отправлять физіологическія потребности!

Это ли не апоѳеозъ нигилизма даже въ нашей интимной половой жизни!

Мы давно растлились, разложились, прогнили насквозь, а гг. Локоти утѣшаютъ насъ своими призывами къ женщинѣ! Какъ будто женщина, какъ элементъ болѣе слабый, не въ большей еще степени подвержена разложенію! Какое жалкое, безпомощное цѣпляньe за соломинку!

Одно только вѣрно подмѣчено у проф. Локотя — это связь нашей современной половой этики съ индивидуализмомъ, такъ усиленно прививавшимся русской интеллигенціи послѣдніе годы.

Но, замѣчаетъ онъ, если бы мы вслѣдъ за «модернизмомъ» стали бы на точку зрѣнія того уродливаго, невѣжественнаго индивидуализма, который единственнымъ, все оправдывающимъ мотивомъ дѣйствій человѣческой личности признаетъ положеніе: «я такъ хочу!.. что я хочу, то законно... что доставляетъ мнѣ удовольствіе, то для меня и законно» и т. д.,—то мы въ области полового инстинкта, вслѣдъ за «модернизмомъ», должны бы были оправдывать, а можетъ быть и идеализировать, т.-е. превращать въ нѣчто обще-желательное, обще-руководящее; все, что хотите, особенно—что встрѣчается и въ дѣйствительности, хотя бы въ качествѣ патологическихъ, уголовныхъ исключеній: мнѣ доставляетъ «высокое» наслажденіе изнасиловать дѣвочку, и я насилую «не долго думая», мнѣ противны женщины, а нравятся наоборотъ мужчины, мальчики, — и я, мужчина, прибѣгаю къ удовлетворенію полового инстинкта на мужчинахъ, прибѣгаю къ педерастіи; мнѣ нравится удовлетворять свой инстинктъ съ сестрой, съ матерью, съ бабушкой, и я дѣлаю это, потому что это доставляетъ мнѣ «высокое» наслажденіе; наконецъ, мнѣ не нравится удовлетвореніе полового инстинкта иначе, какъ только на животныхъ: коровѣ, лошади, собакѣ...—и я отдаюсь скотоложству»...

«Какъ выбиться, восклицаетъ проф. Локоть, изъ отвратительно душныхъ тисковъ такого «индивидуализма»? И

нужно ли, желательно ли выбиваться? Можетъ быть, проще, естественнѣе, лучше именно не выбиваться, а наоборотъ — всецѣло подчиниться основному положенію такого индивидуализма, какъ это дѣлаютъ «модернисты»?

Гдѣ—для читателей, для людей вырабатывающихъ или провѣряющихъ свои соціально-этическіе взгляды и идеалы,— гдѣ руководящія нити, принципы, по которымъ они могли бы разобраться въ этомъ ненормально-похотливомъ кошмарѣ отъ картинъ, мыслей, фразъ и словъ модернистскаго романа — все изъ области половой жизни и половыхъ инстинктовъ человѣка? Гдѣ, въ чемъ найти критерій для о б ъ е к т и в н о й оцѣнки и правильнаго выхода изъ этого кошмара? (стр. 150).

Вѣдь съ самаго момента своего возникновенія, по мнѣнію Локотя, русская интеллигенція, какъ, можетъ быть, впрочемъ и интеллигенція всякой другой страны, уже была обречена во власть принципа индивидуализма: она была обособлена и отъ массъ и отъ сродныхъ ей элементовъ имущаго, командующаго общества, она очутилась въ положеніи общественнаго одиночества, она въ самой себѣ должна была находить источникъ обособленной и спеціализировавшейся—въ духовной области—жизни и дѣятельности, какъ и источникъ внутренняго удовлетворенія. Она состояла изъ единицъ, еще не связанныхъ общностью классовыхъ или групповыхъ интересовъ. Она уже по одному этому неизбѣжно должна была культивировать принципъ индивидуализма, въ качествѣ руководящаго принципа своего личнаго духовнаго развитія и своихъ общественныхъ взглядовъ и идеаловъ. Культъ личности, культъ индивидуализма — неизбѣжное психологическое слѣдствіе тѣхъ условій общественной жизни интеллигенціи, въ какихъ находилась и, въ значительной степени, находится до сихъ поръ русская интеллигенція, не исключая даже и той ея части, которая поставила своей жизненной задачей — служеніе сплоченному экономическими интересами рабочему классу, т.-е. не исключая и соціалъ-демократи-

ческой части русской интеллигенціи. Даже и она не срослась съ рабочимъ классомъ органически, чтобы чувствовать дѣйствительную, прочную связь съ глубинами народной жизни, хотя бы и въ исключительныхъ — классовыхъ рамкахъ.

Въ неменѣе трудномъ положеніи,—по мнѣнію проф. Локотя,—въ смыслѣ наличности связи съ глубинами народной жизни—находится та часть интеллигенціи, которая своимъ общественнымъ идеаломъ ставитъ служеніе «крестьянству»—въ его неопредѣленномъ цѣломъ. Здѣсь оторванность интеллигенціи отъ тѣхъ народныхъ слоевъ, которымъ она хотѣла бы служить въ качествѣ не только рабочей, но и руководящей духовной силы,—чувствуется еще рѣзче, еще сильнѣе (172—173 стр.).

Эти слова проф. Локотя буквально сходятся съ приведеннымъ выше отзывомъ о русской партійной интеллигенціи Ст. Ивановича: «случилось такъ,—и иначе оно и быть не могло,—что отряды интеллигенціи, «приписанные» къ «пролетаріату» и къ «трудовому крестьянству», стали мало-по-малу, въ силу классоваго развитія этихъ соціальныхъ группъ, отчисляться отъ должности». «Новыя времена, новыя пѣсни», сб. «Вершины»).

Наконецъ, полная оторванность отъ народной жизни, продолжаетъ проф. Локоть, характеризуетъ общественное положеніе всей остальной массы интеллигенціи—разночинной, разношерстной. болѣе или менѣе неопредѣленной или и совсѣмъ безпринципной въ своихъ общественныхъ идеалахъ... Разрозненные, оторванные отъ крупныхъ, опредѣленныхъ по своему жизненному укладу, слоевъ народнаго организма, общественные элементы всегда будутъ чувствовать склонность къ индивидуализму. Это—роковой удѣлъ и русской интеллигенціи, до тѣхъ поръ пока она не станетъ органической составной частью тѣхъ или другихъ, но широкихъ самостоятельныхъ въ жизненномъ смыслѣ слоевъ, группъ, классовъ народа или общества. Только тогда и психологическое содержаніе жизни интел-

лигенціи заполнится опредѣленнымъ и прочнымъ матеріаломъ; только тогда интеллигенція станетъ, дѣйствительно, народной,—конечно въ смыслѣ соотвѣтствія этого психологическаго содержанія таковому же содержанію опредѣленныхъ крупныхъ группъ, слоевъ и классовъ народа. Только тогда интеллигенція потеряетъ и свой типичный—индивидуалистическій и въ то же время космополитическій характеръ, дѣлающій ее безсильной, малозначащей въ общественномъ отношеніи. (Интересенъ взглядъ, діаметрально противоположный этому и высказанный авторами «Вѣхъ»—группой «Проблемы идеализма». Но о нихъ рѣчь впереди).

Этотъ процессъ сліянія интеллигенціи съ «народомъ» уже давно и настойчиво подчеркивался лучшими представителями сознательной части интеллигенціи. Но процессъ этотъ (становится наконецъ авторъ на правильную точку зрѣнія), какъ всякій органическій процессъ, можетъ совершаться только медленно, постепенно... (175).

Въ этомъ-то органическомъ, медленномъ процессѣ громадную роль нужно отвести и воспитанію дѣтей и поднятію культурнаго уровня женщины какъ матери, воспитательницы и гражданки. Послѣдняя, по мнѣнію проф. Локотя, стоитъ, какъ мы видѣли, «высоко», такъ что ея воспитаніемъ авторъ не интересуется, но дѣтскому — посвящаетъ первыя двѣ главы, т.-е. половину своей книжки. Онѣ не лишены интереса, но такъ же мало выясняютъ принципіальную сторону этики проф. Локотя, какъ и разобранная нами глава о Санинской полосѣ.

Гораздо болѣе интересна этика д-ра Омельченко, который стоитъ на выдержанной демократической точкѣ зрѣнія и не витаетъ надъ землей въ сферѣ фантазій, а исходитъ изъ фактовъ, какъ бы они ни были неприглядны. Его этика тѣмъ болѣе интересна, что исходитъ изъ основъ соціалистическаго міровоззрѣнія и, послѣ Н. К. Михайловскаго, является первой попыткой обосновать соціалистическую мораль. «А эта мораль, замѣчаетъ авторъ, ба-

зпрупсь на изученіи эмпирической дѣйствительности, должна при свѣтѣ идеаловъ научнаго соціализма выработать правила поведенія каждаго изъ насъ къ самому себѣ, къ семьѣ и дѣтямъ, къ партіи и обществу". («Въ поискахъ соціалистической морали», стр. 11).

Моральные взгляды и идеалы авторъ рисуетъ попутно на канвѣ критическаго разбора литературныхъ произведеній, имѣющихъ отношеніе къ этикѣ. Двѣ книжки: «Герой нездороваго творчества» и «Свободная любовь и семья» посвящены анализу Санина съ точки зрѣнія этическихъ идеаловъ автора, а третья — «Въ поискахъ соціалистической морали», посвящена такому же анализу пьесъ молодого малороссійскаго писателя В. Винниченко, который въ цѣломъ рядѣ произведеній ставитъ циклъ моральныхъ проблемъ, возникающихъ въ средѣ партійной соціалистической интеллигенціи.

Рефератъ, носящій громкое названіе «Свободная любовь и семья», замѣчаетъ авторъ—скромная попытка противопоставить широко распространенной въ наше время пропагандѣ полигамическихъ идей идеалъ свободной семьи, какъ высшей формы свободной половой любви. «Санинъ» на этотъ вопросъ даетъ опредѣленный и недвусмысленный отвѣтъ въ духѣ торжества полигамныхъ принциповъ половой жизни. Отвѣтъ этотъ, съ перваго взгляда, настолько заманчивъ для молодежи, что онъ не можетъ не вызвать съ ея стороны большихъ къ себѣ симпатій. И какъ бы этотъ отвѣтъ самъ по себѣ ни былъ грубымъ рѣшеніемъ трудной задачи, но благодаря тому, что онъ способенъ производить гипнотизирующее вліяніе на неустановившуюся психику молодежи, его необходимо подвергнуть соціально-психологическому анализу и противопоставить ему идеалъ здоровой личной и соціальной жизни—моногамію.

Формула моногамной свободной половой любви, какъ идеала, не можетъ, конечно, претендовать на разрѣшеніе всѣхъ конфликтовъ конкретной жизни, но съ ея помощью

всякая коллизія можетъ получить болѣе раціональное свое разрѣшеніе. Каждому изъ насъ важно имѣть опредѣленный идеалъ личной жизни, чтобы въ «трагическую» минуту съ меньшей тратой силъ найти правильную линію поведенія между тѣмъ, что должно и что можно при данныхъ конкретныхъ условіяхъ. Если не можетъ быть прямой линіи между хочу, долженъ и могу, то пусть эта линія будетъ менѣе извилистой, а это можетъ быть только тогда, когда устанавливаемый идеалъ равно будетъ далекимъ и отъ утопизма и отъ мистицизма, но будетъ послѣдовательно реалистиченъ и демократиченъ.

Свободная семья при капиталистическомъ строѣ, издѣвающемся надъ материнскимъ и отцовскимъ чувствами людей наемнаго труда, не щадящемъ въ своей эксплоатаціи человѣческой рабочей силы ни дѣтей, ни стариковъ! восклицаетъ авторъ. Моногамная любовь въ томъ обществѣ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, на десять женщинъ одна проститутка, а изъ десяти мужчинъ пять проституируютъ. Развѣ при такихъ условіяхъ пропаганда моногамной любви и свободной семьи не наивная утопія, не поэтическій гимнъ единобрачію, написанный малоискусной рукой, не дѣтская сказка? Да, для буржуазіи это — наивная сказка, для анархиста это — мѣщанская миѳологія, но для соціалиста это жизненный идеалъ, трудно осуществимый, но долженствующій быть осуществляемымъ, если пролетарская и разночинная интеллигенція не желаетъ итти въ хвостѣ буржуазной морали, погрязшей въ своекорыстной лжи и торжествующемъ развратѣ, а хочетъ быть господами своего собственнаго счастья и строить это свое счастье въ борьбѣ съ буржуазной моралью, а не въ приспособленіи къ ней.

Изложенію соціалистической морали въ области отношеній половъ авторъ предпосылаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній.

Если мы допускаемъ, замѣчаетъ онъ, что желаніе имѣть своего ребенка отъ любимой женщины — нормаль-

ное, расширяющее жизнь чувство, то какова психологія мужчины, жена котораго состоитъ въ нѣжной дружбѣ съ нѣсколькими мужчинами и въ концѣ концовъ нельзя установить, чья плоть и кровь переданы родившемуся ребенку.

Какъ это похоже на знаменитую сценку въ драмѣ А. Стринберга «Отецъ».

Лаура. Хочешь видѣть свою дочь, Адольфъ? Скажи...

Ротмистръ. Мою дочь? У мужчинъ не бываетъ дѣтей. Только женщины имѣютъ дѣтей, и оттого будущее принадлежитъ имъ, — мы умираемъ бездѣтными...

Только женщина можетъ знать, кому принадлежитъ ея ребенокъ и кто его отецъ!

Вотъ результаты нашей полигамности!

Омельченко надѣется выйти изъ такого положенія:

«Путемъ слова, убѣжденія и гипноза, путемъ реальнаго примѣра или примѣровъ, пропагандируемыхъ художественнымъ творчествомъ, чувства могутъ быть не только видоизмѣняемы, но и вновь конструированы. Для общества важно, въ какомъ направленіи идетъ въ данной соціальной средѣ, это соціально-педагогическое воспитаніе; важно насколько пропагандируемая форма половой любви соотвѣтствуетъ идеологіи массъ и насколько экономическія условія позволяютъ массамъ осуществить эту форму любви».

Половая этика д-ра Омельченко въ общихъ чертахъ такова:

Полигамію, какъ идеалъ, нельзя выдавать за обязательную спутницу соціалистическаго способа производства. При рѣшеніи вопроса о томъ, какая форма половой любви должна быть для насъ, нынѣ живущихъ, желаннымъ и достижимымъ идеаломъ, нельзя ссылкой на то, что моногамическій бракъ и обусловленная имъ семья объективнымъ ходомъ развитія обречены на вымираніе, пытаться развѣнчать моногамическія чувства съ тѣмъ, чтобы на ихъ мѣстѣ водрузить полигамическое чувство, какъ нормальное и

прогрессивное, что дѣлаетъ Богдановъ въ утопіи «Красная звѣзда». Эти чувства заслуживаютъ тѣмъ большаго съ нашей стороны вниманія, что только они одни и могутъ быть естественнымъ основаніемъ для свободной, половой любви. Если подъ свободною любовью разумѣть свободное чувство двухъ равноправныхъ и равноцѣнныхъ, но только разнополыхъ существъ, то неужели гармоничнымъ это чувство можно мыслить иначе, какъ только тогда, когда онъ и она всецѣло и исключительно любятъ другъ друга? Это проникающее все существо двухъ любящихъ людей чувство Омельченко и называетъ моногамической любовью, такимъ чувствомъ, когда для психологіи любящаго не можетъ быть никакихъ другихъ объектовъ его любви, кромѣ любимаго человѣка, чувствомъ, приводящимъ къ высшей формѣ свободной половой любви—къ парному браку. И если въ соціалистическомъ обществѣ встрѣтятся мужчина и женщина, способные «такъ» полюбить другъ друга, то что имъ помѣшаетъ любить другъ друга до гробовой доски? Экономическихъ препятствій нѣтъ, нѣтъ и интеллектуальныхъ. Не только какъ дѣтопроизводители, не только какъ друзья и товарищи, мужчина и женщина могутъ быть равноцѣнны, но и какъ специфически сексуальныя особи, какъ любовники, люди разъ полюбившіе другъ друга м о г у т ъ, я не говорю должны (?!), опасливо замѣчаетъ авторъ, до конца дней своихъ оставаться во взаимной власти своихъ чаръ, настолько сильныхъ, что ни старѣющему мужчинѣ, ни его половинѣ не придетъ въ голову искать болѣе молодыхъ объятій.

Конечно чувство любви, какъ и всякое другое чувство не можетъ уйти изъ подъ власти общаго психо-физіологическаго закона—закона привычки. Къ чему привыкаешь, на то не реагируешь. И всякій мужчина естественно долженъ перестать чувствовать данную женщину, какъ половую особь, если онъ все время смотрѣлъ на нее только съ одной сексуальной точки зрѣнія. Но если на любовь

смотрѣть, какъ на психо-физіологическій длительный процессъ, гдѣ элементы сексуальные, эстетическіе, товарищескіе, семейные отдѣлены во времени, чередуясь другъ съ другомъ; если имѣть въ виду людей умѣющихъ раціонально пользоваться дарами любви, тогда законъ привычки, не теряя своей власти надъ чувствомъ, нейтрализуется закономъ систематическаго расходованія психическихъ и физическихъ силъ организма. Истинная любовь не знаетъ однотонности въ своихъ проявленіяхъ, любовь, хотя и слѣпа, но она удивительный виртуозъ: юноша отъ предмета своей любви требуетъ и ждетъ иного, чѣмъ взрослый и пожилой человѣкъ, и необходимо для жизни чувства не то, чтобы партнеръ любви мѣнялся, а то, чтобы этотъ неизмѣнный партнеръ мѣнялся въ зависимости отъ требованій развивающагося чувства любви.

Совершенныхъ людей нѣтъ, и каждый изъ любящихъ непремѣнно въ любимомъ человѣкѣ видитъ и знаетъ тѣ или другіе недостатки, и всегда можетъ найтись человѣкъ богато одаренный именно тѣми качествами, какихъ не хватаетъ любимому существу, но въ этомъ одномъ фактѣ нѣтъ данныхъ для перемѣны партнера любви, такъ какъ у новаго объекта любви будутъ свои достоинства, но и свои недостатки. Идя такимъ путемъ, необходимо прійти къ пангаміи, такъ какъ всякаго мужчину всегда окружаютъ женщины, изъ которыхъ каждая чѣмъ-нибудь дополняетъ другую, и если строить любовь на чувствѣ новизны и контраста, то любовь должна быть постоянно измѣнчива, такъ какъ каждый слѣдующій моментъ есть фактически новый моментъ.

Любовь не моментъ, не «вѣтерокъ полей», а развертывающійся длительный процессъ, и пока этотъ процессъ не завершится, при свободной любви нѣтъ данныхъ для перемѣны объекта любви. И какова бы ни была эмпирически устанавливаемая продолжительность этого процесса, во всякомъ случаѣ у насъ сейчасъ нѣтъ права утверждать, что онъ не можетъ по своей продолжительности

быть равнымъ человѣческой жизни. Какъ можно неизмѣнно жить съ удовольствіемъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, спать съ одинаковымъ успѣхомъ на одной и той же кровати, читать съ пользой одну и ту же газету; какъ можно всю жизнь любить свою родину, отца и мать, восходъ солнца, такъ и любовь мужчины къ женщинѣ и обратно можетъ не знать конца. И если въ нашей жизни факты такой «вѣчной» любви рѣдки, объясненія этому надо искать не въ физіологической и психологической сущности любви, а въ соціальныхъ условіяхъ, мѣшающихъ свободному половому подбору.

Половая любовь и по физіологической, и по психологической сущности требуетъ какъ непремѣннаго условія взаимообладанія двухъ настолько полнаго, что здѣсь нѣтъ мѣста третьему лицу. Въ этомъ пунктѣ спорить нельзя: одновременно любить два существа нельзя, если понимать любовь въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ психофизіологическій процессъ, совершающійся въ данной соціальной средѣ. Споръ начинается съ опредѣленія термина «одновременно»: если нельзя въ каждый данный моментъ любить двухъ, то — развѣ нельзя въ каждый слѣдующій моментъ любить другого. Могутъ сказать, что въ человѣческомъ обществѣ люди въ этомъ смыслѣ построены разнотипно. Одни изъ насъ могутъ быть вѣрны своему свободному чувству всю жизнь, другіе періодически его теряютъ и вновь находятъ и, наконецъ, у третьихъ ихъ чувство не долговѣчнѣе жизни мотылька. Всѣ эти людскіе типы одинаково имѣютъ право на существованіе, они ищутъ объекта для своей любви и, когда находятъ, счастливы. Конечно, трагедія любви и имѣетъ своимъ источникомъ столкновеніе людей различныхъ типовъ любви; несчастіе моногамнаго человѣка въ томъ, что онъ встрѣтилъ на своемъ пути мотылька, но отъ этой встрѣчи не менѣе несчастенъ и мотылекъ.

Въ этомъ мѣстѣ этика Омельченко наиболѣе легко уязвима. Возможно, что право на существованіе имѣетъ все

родившееся на свѣтъ, хотя и это право подвергается оспариванію, но права на любовь люди-мотыльки не должны имѣть. Этого требуетъ категорическій императивъ всякой этики, задача которой облегчить, если не устранить нелѣпыя трагедіи и въ безъ того тяжелой жизни. Задача ея — именно своей императивностью приравнять типы любящихся людей къ наиболѣе разумному и справедливому, въ данномъ случаѣ—къ моногамному однолюбу и гарантировать ему безопасность отъ «мотыльковъ». Этимъ мѣстомъ Омельченко въ корнѣ отрицаетъ свою собственную этику, какъ императивъ и норму того или иного поведенія. Любовникъ-мотылекъ не имѣетъ права на любовь, ибо онъ не несетъ, да и не можетъ нести многочисленныя ея обязанности, для него умножающіяся количествомъ лицъ, которымъ онъ ежедневно и ежечасно будетъ обязываться.

Впрочемъ, далѣе Омельченко самъ себя побиваетъ. Всякій идеалъ, замѣчаетъ онъ, долженъ быть разсматриваемъ съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ тенденція объективнаго процесса и какъ реальная возможность использованія его массовымъ человѣкомъ. Идеалъ долженъ быть не только реалистиченъ, но и демократиченъ. Допустимъ, что мы утверждаемъ пангамію, какъ идеалъ, и тогда наивысшимъ типомъ человѣческаго счастья должна считаться жизнь Донъ-Жуана, побившаго рекордъ количествомъ своихъ любовныхъ связей. Пангамія, какъ идеалъ,—это принадлежность всѣхъ всѣмъ. Для нашего времени нельзя о подобнаго рода половомъ общеніи говорить иначе, какъ шутя. (У насъ, однако, совершенно не шутя издали недавно книгу о «Всебрачіи будущаго» Ю. А.). Если пангамія не является реальнымъ фактомъ, то того нельзя сказать относительно полигаміи, если подъ послѣдней разумѣть констатируемый въ тысячахъ случаевъ тотъ фактъ, что многіе женщины и мужчины въ теченіе своей жизни любятъ не одну особу, а нѣсколькихъ. Но если этотъ фактъ возвести въ принципъ, какъ идеалъ, тогда получится, что каждый изъ насъ, принявшій этотъ идеалъ, долженъ

стремиться къ его осуществленію. Это значитъ, что, начиная любить, мы уже стремимся перестать любить данное лицо, такъ какъ нашъ идеалъ полигамія. Нужно отличать должное отъ сущаго, идеалъ отъ факта. Изъ того обстоятельства, что полигамія можетъ быть фактомъ, не слѣдуетъ, что она должна быть нашимъ идеаломъ, не слѣдуетъ потому, что опытъ милліоновъ людей категорически говоритъ, что любящій всѣмъ своимъ существомъ жаждетъ одного:—любить только того, кого любитъ, и быть любимымъ тѣмъ, кого полюбилъ. Пусть у нѣкоторыхъ это чувство преходяще, но въ моментъ его наличности въ душѣ любящихъ нѣтъ иного идеала, какъ только-моногамія. И если затѣмъ у любящихъ это чувство начинаетъ тускнѣть, то, если бы полигамія была нашимъ идеаломъ, эту потерю чувства надо было бы привѣтствовать. На самомъ дѣлѣ жизнь ничего подобнаго не знаетъ: теряющій имѣющееся чувство любви не радуется, а печалится, печалится потому, что его идеалъ остается внѣ его жизни. Пусть потомъ разлюбившій снова полюбитъ другого — мораль свободной половой любви не знаетъ ограниченій въ количествѣ послѣдовательныхъ свободныхъ моногамныхъ половыхъ союзовъ, но эта новая любовь будетъ ничѣмъ инымъ, какъ новой попыткой осуществить моногамическій союзъ. Истинное чувство не можетъ само себѣ ставить временныхъ границъ; истинное чувство безсмертно, не въ мистическомъ смыслѣ, а въ реальномъ, и единственной формой этого чувства можетъ быть моногамія, какъ идеалъ; полигамія же является ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ столкновенія стремленій къ моногаміи съ конкретными общественно-психологическими условіями, стоящими на пути осуществленія этого стремленія.

Когда с.-д. товарищъ Леонидъ у Богданова въ «Красной Звѣздѣ» утверждаетъ, что «многобрачіе принципіально выше единобрачія, такъ какъ оно способно дать людямъ большее богатство личной жизни», я не буду возражать ему, замѣчаетъ авторъ, ссылкой на то, что подобная точка

зрѣнія ни что иное, какъ «попытка облечь въ идейную форму грубо чувственное отношеніе къ жизни». Для меня большее богатство личной жизни цѣль стремленій, какъ человѣчества, такъ и отдѣльнаго индивидуума, но я полагаю, что большее богатство нельзя разсматривать съ одной количественной стороны. Человѣкъ, любившій много разъ, тѣмъ самымъ не дѣлается еще счастливѣе любившаго одинъ только разъ. Много не значитъ хорошо; много разъ не значитъ много, и богатъ не тотъ, кто любилъ многихъ, а тотъ, кто любитъ, но любитъ такъ, что ему не нужно многихъ. «Одна» всегда исключаетъ «многихъ», но изъ многихъ каждая и каждый, по сущности любви, мыслитъ себя, какъ «одну и одного». Если допустить, что многобрачіе принципіально выше единобрачія, то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо допустить, что любящій, уже въ самый моментъ любви, долженъ томиться по высшей формѣ любви. Практически это недопустимый психологическій nonsens, и такъ не бываетъ, если рѣчь идетъ о свободной половой любви.

Вопреки убѣжденію аморалиста товарища Леонида, не только удостоившагося побывать на Марсѣ, но и въ русской жизни игравшаго роль идейнаго вождя, я полагаю, что единобрачіе, взятое въ его развернутой формѣ, въ формѣ свободной моногамной семьи, способно дать человѣку maximum доступнаго счастія, что единобрачіе принципіально выше многобрачія, и что соціалистическій строй не только не уничтожитъ старую формулу «мѣщанской» морали, но подчеркнетъ всю ея принципіальную глубину.

Д-ръ Омельченко увѣряетъ, что даже такъ называемая «бабушкина мораль» имѣетъ свою цѣнность и новая мораль сохранитъ ее; совѣтъ «бабушкиной морали» бережно хранить дѣвственность ничто иное, какъ практическая формула закона неповторяемости. Въ этомъ совѣтѣ отразился не пошлый опытъ—умъ глупцовъ, а опытъ умудренныхъ жизнію людей. Этотъ совѣтъ долженъ быть закономъ

поведенія не только для дѣвушекъ, но и для юношей. Потеря дѣвственности только съ точки зрѣнія грубыхъ людей простой физическій актъ; по существу, это событіе—очень важный моментъ въ жизни всѣхъ здоровыхъ дѣвушекъ и юношей, такъ какъ этотъ психофизическій процессъ начало реализаціи чувства любви.

И когда аморалистъ говоритъ: «лови моментъ и наслаждайся любовью безъ страха, запрета и безъ ограниченій»,—то появленіе на сценѣ бабушкиной морали не значитъ:—гони прочь моментъ и не наслаждайся! Эта мораль появляется съ другою цѣлью. Она говоритъ: бери моментъ свободной половой любви, но наслаждайся ея высшей формой—любовью моногамной, и помня, что тѣ прекрасныя и сильныя переживанія, которыя фигурально называются потерей дѣвственности или первой любовью, неповторяемы, желай отдать свое первое чувство первой любви полюбившему тебя.

Жизни, господа, восклицаетъ авторъ, не нужно бояться, но съ жизнью, съ ея законами, необходимо считаться, ибо жизнь за всякій нашъ нецѣлесообразный поступокъ всегда предъявляетъ намъ счетъ потомъ, заднимъ числомъ, иногда черезъ много лѣтъ и требуетъ уплаты то сокращеніемъ жизни, то уменьшеніемъ ея радостей. Въ словахъ бабушкиной морали: бойтесь израсходовать себя на случайныя половыя связи, чтобы въ моментъ настоящей любви, когда властно заговоритъ не только потребность любви, но и потребность имѣть свою семью, не оказаться банкротами, скрыта большая житейская правда...

Авторъ утверждаетъ не только то, что моногамія принципіально выше полигаміи, но и то, что въ Россіи, при данной экономической ситуаціи, въ настоящій моментъ моногамная семья является для весьма многихъ пролетаріевъ, не говоря уже объ интеллигенціи, не только теоретически желанной, но и практически долженствующей быть осуществляемой формой половой любви.

Развернутая формула этой любви—семья. Но семья

не является принудительнымъ институтомъ. Имѣть или не имѣть дѣтей свободное право каждаго изъ насъ. Въ большинствѣ случаевъ любовь ведетъ къ рожденію ребенка, но рожденіе ребенка есть актъ свободной воли обѣихъ сторонъ. Но разъ ребенокъ зачатъ, этимъ самимъ открывается опредѣленный кругъ обязанностей. При наличности дѣтей половой вопросъ перестаетъ быть дѣломъ двухъ, а координируется съ задачей воспитанія дѣтей, какъ одной изъ общественныхъ функцій, но пока нѣтъ дѣтей, ихъ можно не имѣть, не переставая ни любить, ни жить половою жизнью.

Не имѣть дѣтей—право, но гдѣ же практическое осуществленіе этого права? Санинъ совѣтуетъ дѣлать выкидыши. Но въ этомъ совѣтѣ ничего нѣтъ кромѣ себялюбія полигамнаго мужчины. Этому совѣту нѣтъ дѣла не только до женской души, но и до женскаго тѣла послѣ моментовъ остраго наслажденія. Этотъ совѣтъ, если его разсматривать съ точки зрѣнія массовой практики, ничто иное, какъ попытка полигамныхъ мужчинъ наложить на женскія плечи новую тяжесть. Вѣдь прохожій молодецъ уйдетъ искать новаго остраго момента, но она останется беременной. Кто же ей, если она пролетарка, будетъ дѣлать выкидышъ, не сложную, но опредѣленную акушерскую операцію, какой врачъ, на какія деньги, неужели ради «свѣтлыхъ немигающихъ глазъ Санина?» А если не врачъ, то ей остается прибѣгнуть къ первобытному способу съ рискомъ зараженія крови и смерти? Какое полигамному мужчинѣ до этого дѣла, вѣдь его идеалъ—многія, а женщины... «это—безхвостыя обезьяны»!.. Выкидышъ при нашихъ соціальныхъ условіяхъ—грубое, бездушное рѣшеніе трудной задачи.

Если женщина—товарищъ мужчины, то она должна имѣть всѣ тѣ же права, какъ и мужчина. Но она не только товарищъ, но и женщина, она носитъ и кормитъ ребенка, поэтому она и является хранительницей семейнаго очага. И въ дѣлѣ борьбы за женское равноправіе,

женщины не могутъ сдѣлать большей ошибки, какъ, стремясь къ половому равноправію, принимать за желанную цѣль современную половую распущенность мужчинъ. Такъ понимать свою идею, идею женскаго сословія, унизительно. Не принижаться до полигаміи мужчинъ, а поднять ихъ до своего моногамнаго идеала—такова задача женщины, освобожденной отъ буржуазныхъ предразсудковъ. Преклоняться передъ мужской полигаміей это значитъ приготовлять и для женщинъ мужскіе дома терпимости. Предоставьте эту миссію подонкамъ буржуазіи. Поднимать мужчинъ силой своей строгой любви до моногаміи—лучшее средство борьбы за эмансипацію женщинъ. Даже самый испорченный мужчина никого такъ не уважаетъ, какъ женщину-мать, и въ минуты просвѣтлѣнія ничего такъ не желаетъ, какъ того, чтобы его полюбила моногамная женщина, а полигамныхъ женщинъ, этихъ рабынь ихъ похоти, мужчины не уважаютъ и не любятъ, а только пользуются ихъ тѣлами и душами, какъ товаромъ.

Въ этихъ послѣднихъ замѣчаніяхъ д-ра Омельченко мы видимъ, что на женщину онъ имѣетъ тотъ же фантастически идеальный взглядъ, какъ и проф. Локоть. Мы уже видѣли, насколько надежно ввѣрять женщинѣ знамя исправленія общественныхъ нравовъ. Въ этой своей части этика автора такъ же утопична и нереальна, какъ и пр. Локотя. Разумѣется, все это только раздуваетъ половую фанаберію, свойственную наиболѣе ограниченнымъ и самомнительнымъ женщинамъ и содѣйствуетъ гипертрофіи полового антагонизма. Съ точки зрѣнія исправленія нравовъ нужно не разсыпаться въ комплиментахъ, а подчеркивать темныя стороны жизни того или иного пола со всей безпощадностью. Вотъ почему полезнѣе такихъ подобострастныхъ рефератовъ та же книга Вейнингера и даже литература Каменскихъ и Арцыбашевыхъ, воспитывающая общество по контрасту отъ «противнаго».

Важенъ діагнозъ точный и неумолимый, и только тогда, когда онъ поставленъ, возможно говорить о мѣрахъ леченія общественнаго организма.

Омельченко, къ сожалѣнію, діагноза тоже не ставитъ. Въ смыслѣ постановки діагноза и способа лѣченія изъ всей новѣйшей моральной литературы, вызванной назрѣвшимъ болѣзненнымъ процессомъ общественнаго организма, можно остановиться только и единственно на компилятивной работѣ М. К. Менскаго «Н. К. Михайловскій о половомъ и семейномъ вопросахъ» (ц. 60 к.).

Все наше новѣйшее творчество, вызванное даже кризисомъ, не можетъ итти въ сравненіе съ спокойными, объективными исчерпывающими вопросъ положеніями Н. К. Михайловскаго. И здѣсь, въ критикѣ, морали, этикѣ, мы тоже «всѣ въ прошломъ», какъ и въ литературѣ. Ни жгучая острота вопроса, ни чрезвычайность современнаго положенія вещей не способны оказались разбудить творческія силы заснувшаго на долго интеллекта русскаго литератора, моралиста и критика...

Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица

россійской литературы, публицистики, критики. И у всѣхъ

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная:

проснется ли? заговоритъ ли когда-нибудь?

Итакъ, изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора моралистовъ за періодъ нигилизма-модернъ, вызванныхъ исключительно его наличностью, мы убѣждаемся, что національное богатство наше по этой части ничтожно и жалко, чтобы не сказать больше. Мы до минимума ограничили свои требованія и интересовались исключительно тѣми моралистами, которые живутъ и работаютъ для массъ, и этика которыхъ хоть сколько-нибудь соціальна, демокра-

тична и реальна. Мы оставили совершенно безъ вниманія нашихъ кабинетныхъ моралистовъ, ибо сфера ихъ вліянія не выходитъ изъ предѣловъ ихъ кабинета, является достояніемъ тѣснаго кружка спеціалистовъ и въ силу чисто кружковой замкнутости и специфичности никогда не сдѣлается достояніемъ широкихъ массъ народа. Мы останавливались на самомъ выдающемся, что дала намъ русская національность за послѣднюю четверть вѣка, выбирали самое лучшее и популярное изъ нея и убѣдились, что удѣльный вѣсъ нашего созиданія въ области соціальной морали и въ области половой этики (если не говорить объ отошедшихъ) равенъ нулю.

Вы понимаете теперь, почему мы такъ плотно, такъ безнадежно завязли въ болотѣ того нигилизма, съ основными чертами котораго мы познакомились выше?

Мы говоримъ и подчеркиваемъ всю серьезность создавшагося положенія, твердимъ въ силу этого о необходимости немедленной, неустанной органической работы надъ поднятіемъ культурнаго и морально-этическаго уровня массъ и нашей интеллигенціи, органически слившейся и ассимилировавшейся съ нигилизмомъ-модернъ—и забываемъ, что у насъ нѣтъ работниковъ для работы на этомъ отвѣтственномъ поприщѣ радикальнѣйшаго перевоспитанія общества, въ теченіе 25 лѣтъ растлѣвавшагося неумѣлыми культургерами. Мы забываемъ, что наше поколѣніе все цѣликомъ заражено, отравлено и одряхлѣло:

Отцвѣло не успѣвши расцвѣсть!

Забываемъ, что пѣсня его уже спѣта и не мы ли подводимъ нынѣ итоги его существованію въ своемъ «походѣ на интеллигенцію», ставшемъ злобой дня переживаемаго момента? Не мы ли сводимъ всю его 25-лѣтнюю дѣятельность на поприщѣ служенія народу и идеѣ къ нулю? Не мы ли сводимъ на нѣтъ культурныя пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ за эту четверть вѣка? Не мы ли объявляемъ его банкротомъ и спѣшно ликвидируемъ его дѣятельность?

И въ этомъ спѣшномъ процессѣ ликвидаціи и разрушенія всего созданнаго имъ за эти годы на поприщѣ «европеизированія» мы совершенно забываемъ, что для созиданія новыхъ цѣнностей у насъ нѣтъ работниковъ, «нѣтъ людей»—какъ мы отъ вѣка до вѣка повторяемъ.

Въ нашемъ «походѣ на интеллигенцію», на которомъ мы уже останавливались и ниже остановимся, мы наложили суровое «veto» на современное поколѣніе, сказали ему грозное «нѣтъ!» Сами себѣ крикнули:

— Руки прочь!

Мы расчистили поле для будущаго. «Чѣмъ громаднѣе было насиліе, тѣмъ кровавѣе будетъ расправа». И вотъ, теперь, уже второй годъ стоимъ мы «передъ разбитымъ корытомъ» русской общественной жизни, русской литературы, русской публицистики и критики...

«Великая грозная пустыня, безъ перспективъ, безъ просвѣта».

Я былъ правъ, когда писалъ въ прошломъ году, что эта пустыня лучше того кабака, который только что былъ до нея въ русской литературѣ и жизни. Но, господа, вѣдь два года мы въ этой пустынѣ, передъ этимъ разбитымъ корытомъ! Два года! Вѣдь что такое, собственно, пустыня, разбитое корыто? Вѣдь это же все тотъ же Nihil! Nihil! Ничто. Нуль. Развалины. Мусоръ. Известка.

Какъ же жить дальше?

ПРОБУЖДЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНАГО СОЗНАНІЯ.

V.

Походъ на „наше поколѣніе". Нео-націонализмъ. Нео-народничество. Заключеніе.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...
Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ твоихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ науки, что шипя
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...
Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ...

Н. Минскій.

Послѣдній выпускъ публицистическихъ статей А. В. Пѣшехонова носитъ названіе «Въ темную ночь». Удивительно вѣрно подхвачена самая сущность переживаемой полосы общественной жизни! Именно — темная ночь. Угрюмо молчащая, напряженная темная ночь, тлетворный запахъ разложенія, чьи-то стенанія, одинокія, ненужныя и глухой, протяжный вой шакаловъ, крадущихся на мѣсто разложенія, привлекаемыхъ тяжелымъ трупнымъ запахомъ...

Да, многое умерло, многое разложилось и отравляетъ воздухъ, наполняя его міазмами. Никогда еще, можетъ-быть, мы не нуждались въ такой мѣрѣ въ могильщикахъ и гробовщикахъ, какъ въ наши дни, никогда не смотрѣли

такъ равнодушно и снисходительно на отвратительную работу ночныхъ хищниковъ, какъ въ эту «темную ночь».

И все-таки мы должны тѣмъ горячѣе и категоричнѣе протестовать, когда въ двери, за которыми лежитъ тяжело больной, но уже выздоравливающій россійскій интеллигентъ, ломятся торопливо непрошенные гости, грызутся и заранѣе дѣлятъ между собой ожидаемую добычу. И тѣмъ рѣзче мы должны заявить имъ: «погодите! Не торопитесь! Больной еще живъ!..»

На эти мысли наталкиваетъ только-что выпущенный сборникъ статей о русской интеллигенціи, принадлежащихъ перу Н. Бердяева, С. Булгакова, П. Струве, С. Франка и др. Знакомыя все лица! Шесть лѣтъ назадъ вся эта компанія стремилась «Проблемами идеализма» подорвать тотъ духъ общественности, который послѣ ряда лѣтъ реакціи началъ снова пробуждаться въ средѣ интеллигенціи. Съ точки зрѣнія индивидуалистической морали провозглашалось «безнравственнымъ» жертвовать личности «ближняго», обществу, народу. (Булгаковъ). Бердяевъ тамъ же приглашалъ «жить во всю», «хотя бы зломъ, если не добромъ», ибо это «опьяняетъ»—то «богъ Діонисъ даетъ себя знать». Долой долгъ, нравственный законъ и «деспотизмъ общественности» — провозглашалъ Франкъ: да здравствуетъ самоцѣнная личность, совершенно освобожденная отъ всякаго нравственнаго долга и общественныхъ обязанностей!

Покушеніе на соціальныя традиціи русской интеллигенціи было «съ негодными средствами», но отбросамъ и отщепенцамъ пришлось по вкусу, ибо на ихъ низменные инстинкты оно и било. Сѣмена нигилизма нашли себѣ почву и дали ростки плевеловъ, которые долго еще придется вырубать русской интеллигенціи.

Прошло шесть лѣтъ. Миновала революція, снова пришла реакція. Лозунги смѣняли лозунги. Соціальное развитіе интеллигенціи понемногу подвигалось впередъ. Соціализмъ захватывалъ все большую и большую территорію.

Политическое правосознаніе росло вширь и вглубь, интеллигенція дожила до счастья видѣть своими глазами результаты трудовъ поколѣній, принесшихъ столько жертвъ лучшему будущему.

Вся тяжесть побѣдъ и пораженій, и снова побѣдъ и снова пораженій легла всей массой на наше поколѣніе, и нынѣ мы переживаемъ глубокій болѣзненный кризисъ—чуть не агонію. Но длительное ослабленіе дѣятельности соціалистической интеллигенціи, ея тяжелая летаргія—плодъ переутомленія и непосильной борьбы—заставили снова поднять голову ея отщепенцевъ и снова возобновить реакціонныя поползновенія на самую сущность, самый нервъ ея общественно-политической работы—на соціальные инстинкты, жажду подвига, служеніе трудящимся массамъ.

И что же? Что новаго дали намъ эти господа своей критикой соціалистической интеллигенціи? Вопистину: «Бароны пируютъ, бароны воюютъ—баронъ фонъ-Гринвальдусъ—сей доблестный рыцарь!—все въ той же позицьи предъ замкомъ сидитъ!»

Поразительное единодушіе, единомысліе почти тожество взглядовъ царитъ въ сборникѣ статей «Вѣхи». Достаточно прочесть на выборъ любую статью семи авторовъ, чтобы по пунктамъ знать все, что скажетъ другой.

Общей для всѣхъ авторовъ мыслью является слѣдующее построеніе: общественное движеніе, слава Богу, подавлено—туда ему и дорога; долой «деспотизмъ народолюбія», «пролетародюбія» и поклоненіе «народу»; надо «освободиться отъ гнетущей власти политики»; «нельзя человѣку жить вѣчно снаружи», внѣ своего «эгоизма»; пора оставить «преувеличенный интересъ къ вопросамъ общественности», который «заполонилъ сознаніе», мы «рабы политики»; нынѣ, слава Богу, «тиранія гражданственности сломлена надолго»; хотя она порядкомъ «искалѣчила личность»; смѣшно, что «символъ вѣры русскаго

интеллигента есть благо народа» и онъ «не пріемлетъ иныхъ цѣнностей» въ родѣ Фета, Чаадаева и т. п. [1]).

Соціалистическая интеллигенція расцѣнивается авторами чрезвычайно низко. Они недовольны ея «кружковщиной», «кружковой отсебятиной», атеизмомъ, безрелигіозностью, аморализмомъ, нигилизмомъ (нигилизмомъ у нашихъ критиковъ называется,—какъ поясняетъ Франкъ,—стремленіе расцѣнивать все съ общественной точки зрѣнія и непризнаніе такихъ «абсолютныхъ цѣнностей», какъ церковность). Интеллигенція повинна въ «пресловутой принципіальности», «пресловутой революціонности» и «максимализмѣ» [2]).

Гдѣ спасеніе? Необходимо покаяніе: «Покайтеся, ибо приблизилось царство небесное»,—цитируетъ Матоея и Марка во Христѣ юродивый г. Булгаковъ. Надо вернуться къ религіи и церковности: «не пора ли вспомнить о простой, грубой, но безусловно здоровой и питательной пищѣ, о старомъ моисеевомъ десятисловіи, чтобы потомъ дойти и до Новаго Завѣта?..» Вѣдь такъ много «положительныхъ сторонъ церковности»! А «интеллигенція отвергла Христа, отвернулась отъ Его лика». Къ тому же призываютъ Струве и Франкъ. Надо «смириться», вспомнить «христіанскую добродѣтель» и прійти къ «мистикѣ государства»,—какъ рекомендуетъ Струве.

Не надо «борьбы»,—вѣщаетъ Франкъ.—Нужно заняться, самое большее, «культурничествомъ», пора провозгласить права «средняго человѣка». Интеллигенція должна перестать быть интеллигенціей и—«обуржуазиться». (Ср. выше статьи марксиста у В. В.)

Нужно, наконецъ, заняться «самосовершенствованіемъ личности» [3]),—призываютъ всѣ въ одинъ голосъ: вѣдь

---

[1]) Стр. 2, 6, 22, 70, 71, 79, 83, 90, 92, 93, 94, 151, 154.

[2]) Стр. 10, 19, 47, 177, 29, 30, 31, 32, 47, 134, 139, 40, 41, 176, 116 и т. д., и т. д., и т. д.

личность теперь свободна отъ «тиранiи гражданственности». Не пынче—завтра «личность начнетъ собой опредѣлять направленiе общества», «въ себѣ самой она найдетъ сверхличныя цѣнности»...

Стоитъ ли продолжать?

Интересенъ ли кому-нибудь этотъ бредъ «во-Христѣ юродства», эта «апологiя малаго дѣла», «средняго человѣка», «культурничества», «самодержавiя личности», ханжество, фарисейство и iезуитство?

Вѣдь такъ старо и неприглядно все это, такъ очертѣло намъ еще въ 80-е и 90-е годы, что можно только поражаться, кому, зачѣмъ, отчего понадобился весь этотъ хламъ и смрадъ не добромъ помянаемаго времени! Вѣдь скучно, господа реставраторы, скучно и пошло! Наизусть мы знаемъ всѣ ваши слова, доводы, возраженiя, до того знаемъ, что любой изъ насъ могъ бы составить имитацiю подъ вашу книгу—и вы бы не отличили ея отъ оригинала. И много бы охотниковъ нашлось, если бы не чувство исторической отвѣтственности, не позволяющее сѣять плевелы и сорныя травы, которыя такой щедрой рукой разсыпаютъ фарисеи, прикрывающiеся «болью» и «тревогой» за будущее родной страны.

Слишкомъ поторопились вы подсунуть вторично свои «проблемы идеализма». Рядитесь ли вы въ суровую тогу обличителей или печальниковъ земли русской, въ овечью шкуру, или просто въ поповскую рясу,—подъ ними нетрудно увидѣть волчьи зубы и обликъ шакала, пришедшаго слишкомъ рано править свою гнусную тризну на больномъ и израненномъ тѣлѣ русской общественности.

Этой замѣткой я привѣтствовалъ въ «Рулѣ» мальбруховъ походъ нашихъ идеалистовъ и мистиковъ. Нынѣ я ни слова не имѣю измѣнить въ ней и хочу только дополнить мой отзывъ о книгѣ нѣкоторыми замѣчанiями о положительныхъ ея сторонахъ, о которыхъ я умолчалъ

частью по тактическимъ соображеніямъ, частью просто изъ-за недостатка мѣста, позволившаго коснуться только сути книги, не входя во второстепенныя достоинства, нисколько, конечно, не оправдывающія ея появленія въ свѣтъ.

Прежде всего остановимся немного подробнѣе на ея содержаніи, ибо книга все же дѣлаетъ «бурю въ стаканѣ воды» нашей общественной жизни. Пусть этотъ походъ—мальбруховъ, пусть въ немъ много нашего истинно-русскаго донъ-кихотства. Пусть эта буря—въ стаканѣ воды. На тускломъ фонѣ нашей общественной жизни это—все же «явленіе». Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче... не звѣзды, положимъ, но хоть... болотные огоньки.

«Походъ на интеллигенцію», который въ сущности есть походъ главнымъ образомъ на «наше поколѣніе», объединяющій авторовъ сборника «Вѣхи», — въ концѣ концовъ совсѣмъ не новое явленіе. Не забираясь слишкомъ далеко, мы можемъ прослѣдить его элементы на всемъ протяженіи послѣдней четверти вѣка. Походъ на интеллигенцію по меньшей мѣрѣ ровесникъ и попутчикъ нигилизму-модернъ и уже въ первые годы ликвидаціи народничества и народовольчества одновременно съ «выколачиваніемъ мужика» изъ общественнаго сознанія начали усердно выколачивать и «интеллигента», какъ служителя опредѣленныхъ народовольческихъ идеаловъ, носителя опредѣленнаго соціально-политическаго знамени и опредѣленныхъ соціально-революціонныхъ принциповъ. На этомъ поприщѣ подвизались какъ марксисты въ соціологіи, такъ Чеховъ и Горькій—въ литературѣ. Н. К. Михайловскому приходилось въ равной степени отстаивать народническое міросозерцаніе какъ отъ первыхъ, такъ и отъ послѣднихъ, какъ въ пунктахъ «трудового крестьянства», такъ и «интеллигенціи», не смущаясь упреками за нападки на тѣхъ и иныхъ зачинателей нигилизма.

Какъ походъ противъ мужика—свистопляска антинародничества, такъ и походъ противъ интеллигенціи—сви-

стопляска махаевщины, исходятъ изъ одного источника—изъ зарождавшагося и укрѣплявшаго за собой позиціи нигилизма-модернъ, считающаго моментомъ своего рожденія крушеніе «Народной Воли», т.-е. середину 80-хъ годовъ. Несмотря на всѣ успѣхи возродившагося народовольческія движенія,оно не въ состояніи было потопить въ себѣ волны нигилизма и онѣ катились своей чередой все это время...

У Чехова мы почти не имѣемъ опредѣленно и прямо высказаннаго взгляда на русскую интеллигенцію, но мы всѣ знаемъ и помнимъ, какою онъ ее рисуетъ и выводитъ въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ! Такого безпощаднаго бичеванія мы не видали даже у Щедрина.

Горькій на этотъ счетъ еще откровеннѣе. Помимо отрицательныхъ типовъ русской интеллигенціи въ чеховскомъ духѣ, мы находимъ у него рядъ безсмертныхъ афоризмовъ о ней и сентенцій. И посмотрите, какъ привѣтствовали его за охаиваніе «интеллигенціи» и «мужика» критики марксистскаго лагеря—А. Б. въ «Мірѣ Божьемъ», Андреевичъ въ «Жизни» и т. п.! Эта критическая литература о немъ лучшій памятникъ нашей грустной и гнусной общественности, смѣнившей славную, героическую эпоху народничества. «Интеллигенція» и «народъ»—вотъ чудовищная по качеству и количеству гекатомба, принесенная въ жертву ничтожному божку пролетаріата.

Интеллигенція Горькаго не имѣетъ ничего кромѣ благихъ намѣреній, она худосочна, безсильна, труслива, охоча на языкъ и неподвижна на дѣло; она высасываетъ сокъ изъ народа, развиваясь насчетъ его пота и крови, она ничего ему не возвращаетъ. «У насъ много желаній хорошихъ и честныхъ, говоритъ архитекторъ Шебуевъ («Мужикъ») объ интеллигенціи. Затѣмъ у насъ потоки рѣчей и ни крупицы дѣла. Ну, пожалуй, крупицы есть... Всѣ эти журналы, романы, статьи — вотъ крупицы... именно крупицы—не болѣе... Одни изъ насъ пишутъ, другіе читаютъ, прочитавъ—спорятъ, поспоривъ—забываютъ.

А возъ нашихъ идеаловъ и нынѣ тамъ, еще не подвинулся. Ракъ беретъ засипѣмъ, а лебедь съ поломанными крыльями сидитъ, гдѣ приказано, и поетъ лебединую пѣсню... Не особенно трогательно и звучно поетъ, говоря по совѣсти. Всѣ мы точно съ похмѣлья, хотя никакого пира не пировали. Вкуса къ жизни у насъ нѣтъ. Что для насъ жизнь? Пиръ? Нѣтъ! Трудъ? Нѣтъ. Битва? О, нѣтъ... Жизнь для насъ что-то скучное, тягучее, сѣрое, какая-то обуза. Мы несемъ ее, вздыхая отъ усталости и жалуясь на тяжесть нашей ноши. Любимъ ли мы жизнь Любовь къ жизни?.. Вѣдь это даже звучитъ чуждо нашему уху. Мы любимъ читать, спорить, мы любимъ наши мечты о будущемъ... впрочемъ, платонической любовью любимъ ихъ, безплотной любовью»...

Еще рѣзче отзывается объ интеллигенціи фельетонистъ Ежовъ («Ѳома Гордѣевъ»): «Я, говоритъ онъ, собралъ бы остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожу нашей интеллигенціи, чор-ртъ ее побери! Я-бъ имъ сказалъ: «букашки! вы, лучшій сокъ моей страны. Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей. О, гниды! Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что же вы дѣлаете для нея? Превратили ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Что сдѣлали? Позволили побѣдить себя!.. Что дѣлаете? Позволяете издѣваться надъ собой!.. Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы мало умны и совершенно безсильны и—трусы всѣ вы! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, духъ творчества спокойно и крѣпко спитъ въ немъ и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька».

И такъ продолжалъ Горькій вплоть до своихъ «Дачниковъ», «Дѣтей солнца» и т. п. И все это уничиженіе и народа, и интеллигенціи велось во имя возвеличенія пролетаріата и босяка! Когда же прекратилъ свою пѣсню Горькій—пришла «махаевщина».

Въ 1906 г. въ изданіи В. Яковенко вышли два выпуска книги А. Вольскаго «Умственный рабочій», въ то же время Евгеній Лозинскій выпустилъ книгу «Что же такое наконецъ интеллигенція», гдѣ предъявилъ послѣдней цѣлый рядъ обвиненій въ своекорыстныхъ цѣляхъ и обманѣ народа. Къ этому же вопросу онъ возвращается и въ брошюрѣ «Итоги парламентаризма». Все вмѣстѣ дало цѣлую полосу такъ называемой «махаевщины». Народническое міросозерцаніе дало отповѣдь этому теченію въ книжкѣ Иванова-Разумника, «Что такое махаевщина?», гдѣ очень детально разбирается сущность новаго ученія и критикуются его основныя положенія.

Однако сѣмя было брошено и тотчасъ подхвачено русскими марксистами. Уже въ сборникѣ марксистовъ «Текущій моментъ» (1906 г., Москва), подводившемъ итоги революціи, намѣчался предстоявшій новый походъ на интеллигенцію. Этотъ походъ еще рѣзче обозначился въ позднѣйшихъ сборникахъ, а въ 1908 г. въ альманахѣ «Литературный Распатъ» принялъ вполнѣ опредѣленныя формы, дополненныя вторымъ выпускомъ подъ тѣмъ же названіемъ и, наконецъ, «Вершинами». Мы уже останавливались на статьяхъ Ст. Ивановича въ этихъ сборникахъ. Къ марксистамъ присоединился всюду поспѣвающій К. Чуковскій, проливший не одну крокодилову слезу объ интеллигенціи, слопанной «готтентотомъ», и вотъ, наконецъ, какъ увѣнчаніе всего зданія—«Вѣхи», всецѣло посвященныя «русской интеллигенціи», гдѣ у нея оказались свои печальники и спасатели въ лицѣ Бердяевыхъ, Булгаковыхъ, Струве...

Такова вкратцѣ исторія этой своеобразной отрасли истинно-русскаго нигилизма. Конечно, ее можно было бы дополнить многимъ и многимъ, но сейчасъ это не входитъ въ нашу задачу, почему мы и обратимся прямо къ послѣднему слову въ этой области—сборнику статей идеалистовъ-мистиковъ, когда-то блаженной памяти маркси-

стовъ и зачинателей соціалъ-демократическаго теченія, усердно прививавшагося русской интеллигенціи съ момента «европеизаціи».

Нынѣ «европеизація» ими безусловно осуждается наряду съ чрезмѣрнымъ «космополитизмомъ» русской интеллигенціи. И это—первая положительная сторона ихъ работы. На мѣсто ихъ провозглашается суверенитетъ «національнаго самоопредѣленія»—и это вторая положительная черта, которая ими нѣсколько утрируется поклоненіемъ «славянофильству». Третья положительная черта это—ихъ своеобразное «народничество», которое вообще для переживаемаго момента характерный симптомъ. Мы—послѣ четвертьвѣковой летаргіи—снова наканунѣ реабилитаціи народничества и его традицій..

Остановимся подробнѣе на этомъ «съ Божьей помощью» поворотѣ.

Надо замѣтить, что проповѣдь національнаго пробужденія началась еще задолго до выхода «Вѣхъ»—тотчасъ вслѣдъ за «Чириковскимъ инцидентомъ»—въ мартѣ мѣсяцѣ. Самый инцидентъ состоялъ въ слѣдующемъ: въ № 48 Ран. Утра появилась замѣтка подъ заглавіемъ:

Авторъ „Евреевъ".

(По телефону отъ нашего петерб. корреспондента).

Читателямъ нашимъ изъ вчерашняго «Дневника театрала» г. Кина уже извѣстно о выходкѣ драматурга Ч. на чтеніи новой пьесы Шолома Аша «Бѣлая кость».

Теперь нашъ петербургскій корреспондентъ передаетъ намъ по телефону слѣдующія подробности, раскрывая и фамилію драматурга. Это — Евгеній Чириковъ, авторъ «Евреевъ». Въ квартирѣ артиста Н. Н. Ходотова состоялось чтеніе пьесы Шолома Аша «Бѣлая кость». Присутствовали: гг. Чириковъ, Дымовъ, Арабажинъ и много

другихъ лицъ, причастныхъ къ литературѣ и искусству.

Къ концу чтенія пьесы, часамъ къ 12 ночи, явились гг. Волынскій, Шайкевичъ и др.

По окончаніи чтенія кѣмъ-то изъ присутствовавшихъ было предложено высказаться о пьесѣ.

Охотниковъ не находилось.

Обратились къ г. Волынскому, но онъ уклонился, ссылаясь на то, что не слыхалъ всей пьесы.

Г. Чириковъ сталъ настойчиво просить высказаться г. Шайкевича, пишущаго театральныя рецензіи въ газетѣ «Вечеръ». Послѣдній отказывался.

Тогда г. Чириковъ произнесъ такую фразу:

— Вотъ, вы—евреи, пишущіе о русской литературѣ, въ свое время провозгласили «смерть быту». Когда-же рѣчь идетъ объ изображеніи еврейскаго быта, то вы восторгаетесь имъ. Интересно выяснить такую непослѣдовательность.

Г. Дымовъ въ отвѣтъ на это заявилъ, что „смерть быту“ въ русскомъ искусствѣ провозгласили не евреи, какъ утверждаетъ г. Чириковъ, а редакторъ журнала «Міръ Искусства», г. Дягилевъ, въ 1902 г.

— Что-же касается евреевъ, пишущихъ о русской литературѣ,—продолжалъ г. Дымовъ,—и не признающихъ быта, то между нами присутствуетъ небезызвѣстный г. Волынскій, который, какъ никто изъ русскихъ, сумѣлъ проникнуть въ суть быта, изображеннаго Достоевскимъ.

Если-же нѣкоторые евреи какъ въ Россіи, такъ и заграницей, дѣйствительно и не признаютъ быта въ искусствѣ, то это вовсе не потому, что они—евреи. Они примкнули просто къ цѣлому движенію, борющемуся съ бытомъ въ западно-европейскомъ искусствѣ.

Къ числу ихъ принадлежатъ: Гофмансталь, Альтенбергъ, Стефанъ Георгъ и много друг.

Чириковъ пытался отстаивать свою точку зрѣнія.

Послѣ этого г. Шайкевичъ возражалъ ему и упомянулъ о томъ, что еврейскіе критики не щадили и еврейскаго

бытописателя Семена Юшкевича, что рѣзкіе отзывы ихъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ г. Чирикова вовсе не исходили изъ непризнанія быта, а были продиктованы слабостью самыхъ произведеній г. Чирикова и пр. и пр.

Чирикова пробовалъ, было, защищать г. Арабажинъ, но сдѣлалъ это крайне неумѣло.

Въ общемъ, всѣми чувствовалось, что мнѣніе Чирикова было вызвано чисто личными причинами.

Въ концѣ вечера г. Чириковъ почти бралъ свои слова обратно. Но они были произнесены и произвели соотвѣтственное впечатлѣніе.

Прекрасно велъ себя въ исторіи съ Чириковымъ г. Шоломъ Ашъ.

Въ своемъ отвѣтѣ онъ трогательно пояснилъ суть своего еврейства, которое даетъ ему возможность одинаково любить всѣ народы.

Въ заключеніе собранія г. Ходотовъ въ примирительной рѣчи высказалъ свою любовь къ еврейскому народу и его представителямъ на поприщѣ литературы и искусства».

Приблизительно такая же замѣтка была помѣщена и въ № 47 Рус. Слова. Черезъ два-три дня во всѣхъ газетахъ появилось объяснительное письмо Е. Н. Чирикова подъ заглавіемъ: «Благодарю не ожидалъ»:

«Сенсаціонное извѣстіе!.. Писатель Чириковъ, написавшій пьесу «Евреи», оказался антисемитомъ...

Дѣйствительно—сенсаціонное... Настолько сенсаціонное, что когда мнѣ перевели на русскій языкъ замѣтку изъ еврейской петербургской газеты «Фрайндъ», впервые провозгласившую объ этомъ удивительномъ происшествіи, я долго стоялъ передъ зеркаломъ души своей и съ изумленіемъ разглядывалъ «новаго антисемита», съ часу на часъ готоваго, по описанію «Фрайндъ», поступить въ союзъ русскаго народа... Ничего, однако, похожаго на антисемита я не усмотрѣлъ...

Скажите, пожалуйста, кто бы могъ думать!.. Никто.

Ни одна петербургская газета не воспользовалась этимъ сенсаціоннымъ событіемъ, и я уже хотѣлъ махнуть рукой: «Могущій это вмѣстить, да вмѣститъ»!..

Однако, со страницъ «Фрайндъ» это извѣстіе по телефону перескочило въ Москву, въ № 47 «Русскаго Слова» и въ № 48 «Ранняго Утра», при чемъ въ «Русскомъ Словѣ» приведена приблизительно моя скверная рѣчь, а въ «Раннемъ утрѣ» прекрасныя рѣчи Ш. Аша, Дымова и Шайкевича, при чемъ я оказался посрамленнымъ на всѣхъ пунктахъ...

Разъ интимная бесѣда въ гостяхъ попала на страницы газетъ, гдѣ съ легкостью треплется, на радость Бобчинскимъ и Добчинскимъ, мое имя, я вынужденъ сказать, сколько тутъ правды и сколько клеветы.

«Приблизительно» переданная рѣчь моя, на основаніи которой я превращенъ въ антисемита и духовнаго соучастника союза русскаго народа, передана настолько приблизительно, что отъ нея отдаетъ чистѣйшей клеветой. Вотъ, въ общихъ чертахъ, «событіе» и моя рѣчь.

Въ гостяхъ у артиста Ходотова читалась пьеса г-на Шолома Аша «Бѣлая кость». Пьеса, какъ правильно отмѣчено «Русскимъ Словомъ», вызвала среди русскихъ писателей и журналистовъ нѣкоторое недоумѣніе тенденціей автора—идеализировать одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, Розу, на нашъ взглядъ самую заядлую мѣщанку изъ мелко-буржуазнаго еврейскаго міра, способную вызвать одну лишь антипатію.

Начались споры. Недоумѣніе русскихъ писателей еще болѣе усилилось, когда авторъ пьесы сказалъ искреннюю, горячую рѣчь, смыслъ которой сводился къ тому, что мы, русскіе, не можемъ понять этой бытовой пьесы и, чтобы Роза предстала предъ нами въ надлежащемъ ореолѣ героини фанатическаго склада, спасающей еврейскую аристократическую кровь, — необходимо быть евреемъ или прожить съ ними 5000 лѣтъ. Никто изъ присутствующихъ евреевъ писателей и журналистовъ на это Ш. Ашу

не возразилъ. Когда очередь говорить о пьесѣ дошла до меня, я, отдавъ должное достоинствамъ пьесы и указавъ на ея недостатки, перешелъ къ затронутой авторомъ темѣ. Я сказалъ, что если мы, русскіе, оказываемся неспособными понять еврейскую бытовую пьесу, то отсюда слѣдуетъ, что и вы, еврейскіе писатели и журналисты, не можете вполнѣ понять и почувствовать нашъ русскій бытъ. Подтверждаю это: многое «б ы т о в о е» изъ русской жизни въ художественномъ воспроизведеніи на сценѣ рождаетъ въ моей душѣ цѣлую цѣпь воспоминаній, настроеній и переживаній, которыхъ оно не рождаетъ въ душѣ еврея, и наоборотъ. Затѣмъ я высказалъ свое недоумѣніе, почему нѣкоторые изъ присутствующихъ писателей съ «модернистскимъ пошибомъ» и журналистовъ, очень свирѣпо относящихся къ бытовымъ пьесамъ, въ данномъ случаѣ, при обсужденіи пьесы г. Ш. Аша, пьесы узко бытовой (изъ быта польскихъ евреевъ), совершенно забыли о провозглашенной ими же смерти быта, а, совсѣмъ напротивъ,—одинъ изъ нихъ, не слышавшій даже пьесы и пріѣхавшій послѣ чтенія ея, сказалъ очень лестное слово для автора, а относительно идейности пьесы заявилъ, что никакихъ идей не требуется. Не слѣдуетъ ли отсюда, что умеръ только русскій бытъ, а еврейскій остался?.. Далѣе я говорилъ о томъ, что такое отношеніе къ быту несовмѣстимо съ идеей національности, что національность и бытъ неразрывно связаны другъ съ другомъ, что я сожалѣю только о томъ, что среди части еврейской интеллигенціи за послѣднее время идея національности начинаетъ превалировать надъ другими идеями; говорилъ, что началось это съ отдѣленія отъ с. д. партіи; что на меня, русскаго интеллигента, воспитаннаго на безплотныхъ идеалахъ братства и равенства, это произвело когда-то весьма грустное впечатлѣніе; что если мнѣ, русскому интеллигенту, торопятся прежде всего и громче всего сказать, что «мы—евреи», то мнѣ позволительно вспомнить, что я—русскій...

Въ этомъ мѣстѣ со стороны слушателей-евреевъ послышался неодобряющій шорохъ и шопотъ, который, задѣвъ мое національное самолюбіе, заставилъ меня сказать:

— Да, русскій, не «истинно-русскій», а просто русскій... Впрочемъ, мнѣ все равно, какъ вамъ будетъ угодно это признать... И если вы заявляете, что мы, русскіе, неспособны понимать вашихъ бытовыхъ пьесъ, то мнѣ остается пожалѣть, что меня критикуютъ не русскіе, такъ какъ большинство критиковъ петербургской прессы — евреи...

Вотъ весь матеріалъ, на которомъ долженъ дѣлаться тотъ или другой выводъ...

Ни о какомъ захватѣ русской литературы евреями я не говорилъ,—это клевета. Да и глупости такой и сказать не могъ, ибо русскую литературу съ такими колоссами, какъ Гоголь, Пушкинъ, Некрасовъ, Лермонтовъ, Тургеневъ, Толстой, Чеховъ, — никто не можетъ захватить, хотя бы и такіе умные евреи, какъ это описано въ «Раннемъ Утрѣ».

Никакихъ угрозъ, что «мы вамъ покажемъ», что «мы будемъ бороться противъ васъ» и т. д., какъ это сообщено въ «Русскомъ Словѣ», я не дѣлалъ,—это клевета.

Если, присутствуя въ гостяхъ, гдѣ имѣются евреи-интеллигенты, достаточно сказать, что я—русскій, чтобы попасть въ антисемиты и чуть ли не въ члены союза русскаго народа, то это съ несомнѣнностью подтверждаетъ только то, что я говорилъ: «гипертрофію» національности, становящуюся національзмомъ...

Извиняюсь передъ читателемъ, что приходится занимать его вниманіе своей персоной по этому «семейному инциденту», раздутому гг. Бобчинскими до событія значительной важности.

По этому поводу г. Владиміръ Ж. въ «Словѣ» вспомнилъ подобный же инцидентъ съ К. Чуковскимъ, который, по его мнѣнію, «констатировалъ тотъ неопровержи-

мый фактъ, что евреи, подвизающіеся въ русской изящной литературѣ, ничего стоющаго ей не дали» и послѣ этого «очень недалеко было, чтобы и г. Чуковскаго ославили антисемитомъ. Если бы, прибавляетъ авторъ, г. Чириковъ сказалъ: «а не итальянецъ», никто бы въ этомъ не увидѣлъ ничего похожаго на италофобію. Только евреевъ превратили въ какое-то запретное табу, на которое даже самой безобидной критики нельзя навести».

Немного спустя публицистъ В. Поссе въ томъ же «Словѣ» выступилъ со статьей «Еврейское засилiе».

Въ «чириковскомъ инцидентѣ», замѣчаетъ авторъ, интересно не то, что въ дѣйствительности сказалъ Е. Н. Чириковъ, а то, что послышалось литераторамъ еврейскаго происхожденія. Имъ послышалось, что Чириковъ протестуетъ противъ «еврейскаго засилія» въ русской литературѣ. И послышалось потому, что имъ, какъ и большинству евреевъ, приходилось не разъ чувствовать непріязненное отношеніе русскихъ писателей къ усиливающемуся вліянію евреевъ въ русской печати.

Дѣйствительно, число лицъ еврейскаго происхожденія среди издателей, редакторовъ, завѣдующихъ отдѣлами и просто сотрудниковъ русскихъ газетъ, журналовъ и другихъ изданій очень велико.

Процентное отношеніе издателей и писателей еврейскаго происхожденія къ таковымъ же происхожденія русскаго неизмѣримо выше процентнаго отношенія еврейскаго населенія къ населенію русскому.

Это—фактъ, который не могутъ оспаривать ни русскіе, ни евреи.

Русскимъ это непріятно,—и непріятно особенно въ настоящее время, когда газетъ и журналовъ въ Россіи сравнительно мало, когда книги идутъ плохо, когда «труженикамъ пера» тѣсно и среди нихъ царитъ безработица.

Литераторъ, остающійся безъ заработка, невольно чувствуетъ непріязнь къ собратьямъ по профессіи, сумѣвшимъ «устроиться» или «пристроиться». Такъ какъ евреевъ

въ русской печати вообще очень много, то не мало ихъ и между «устроившимися». У безработнаго невольно пробуждается непріязненное чувство къ особенностямъ семитской расы: ему кажется, что тотъ или другой писатель устроился не за свои заслуги, а благодаря своимъ еврейскимъ особенностямъ.

Но непріязнь къ еврейству закрадывается въ душу не только безработныхъ, но и устроившихся русскихъ.

Надо помнить, что журнальная и газетная работа не столько объединяетъ, сколько разъединяетъ ея участниковъ, такъ какъ ихъ профессіональною болѣзнью является повышенное самолюбіе. Сотруднику непріятно, когда его «черкаетъ» редакторъ, и если «черкающій» редакторъ—еврей, а сотрудникъ—русскій, то оскорбленное самолюбіе легко принимаетъ антисемитскую окраску.

Еще легче пробуждается антисемитизмъ на почвѣ «гонорарныхъ» недоразумѣній между евреями-издателями и русскими писателями. Наконецъ, и въ евреѣ-критикѣ, разносящемъ то или другое произведеніе, авторъ, оскорбленный за свое литературное дѣтище, нѣтъ, нѣтъ, да и увидитъ «жида».

Такимъ образомъ на почвѣ безработицы, денежныхъ недоразумѣній, уязвленныхъ самолюбій и проч. среди русскихъ писателей создается антисемитское настроеніе.

Слагается цѣлый обвинительный актъ противъ евреевъ, участвующихъ въ русской печати, слагается, но не опубликовывается.

Прежде всего, евреевъ обвиняютъ въ томъ, что они «тянутъ» другъ друга, а русскихъ «отстраняютъ».

Въ этомъ есть доля правды.

У евреевъ, подъ вліяніемъ гоненій, сильно развито чувство національной солидарности.

Еврей охотнѣе поддержитъ еврея, чѣмъ русскаго. И это тѣмъ болѣе, что ему при этомъ часто приходится поддержать друга дѣтства или «земляка». «Земляковъ»

среди евреевъ больше, чѣмъ среди русскихъ, главнымъ образомъ, благодаря «чертѣ осѣдлости».

Кромѣ того, и непріязнь со стороны русскихъ, поляковъ и проч. невольно заставляетъ евреевъ крѣпче держаться другъ друга.

Далѣе говорятъ, что евреи принижаютъ достоинство литератора, слишкомъ легко приспособляясь къ требованіямъ «хозяевъ печати» и вообще легко «примѣняясь къ подлости».

Съ другой стороны, тѣхъ же евреевъ упрекаютъ въ «высокомѣріи», принимающемъ форму «наглости» и «нахальства».

И здѣсь, замѣчаетъ В. Поссе, есть **небольшая** доля правды...

Вся бѣда въ томъ, что въ русскихъ газетахъ и журналахъ работаетъ много евреевъ, которые могли бы быть хорошими чиновниками, землемѣрами, агрономами и проч., но совершенно не способны быть литераторами». («Слово» № 736.)

Черезъ нѣкоторое время П. Мпнскій приглашалъ уже къ **агерманизму**: «русскій національный духъ глубоко агерманиченъ, несовмѣстимъ съ германской національной психологіей, выросшей изъ индивидуализма, изъ личной гордыни рыцаря и горожанина и приведшій къ ницшеанскому культу «бѣлокурой бестіи» и къ заповѣди: «толкни слабаго». («Слово» № 750).

Такъ, немного уродливо, немного съ гримасой началось—съ незначительнаго факта—громадной важности движенію національнаго пробужденія, о которомъ М. Славинскій отозвался въ такихъ выраженіяхъ: «Въ прогрессивной русской печати происходитъ нѣчто, совершенно невозможное еще такъ недавно: дебатируется вопросъ о великорусскомъ націонализмѣ, и, что самое важное, націонализмъ этотъ находитъ защитниковъ въ этой печати». («Русскіе, великороссы, россіяне»).

Все это показываетъ, насколько назрѣлъ этотъ вопросъ!

Въ противовѣсъ «германофильствующимъ правымъ», лѣвая печать выдвинула вопросъ о русскомъ національнзмѣ. И это, по мнѣнію В. Поссе, давно слѣдовало сдѣлать. И это нисколько не противорѣчитъ идеаламъ соціализма. «На Западѣ вообще, говоритъ Поссе, не мало соціалистовъ, гордящихся своимъ національзмомъ». Авторъ напоминаетъ «неоднократныя заявленія Бебеля въ рейхстагѣ о готовности нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать каждую пядь своей нѣмецкой земли.

Правда, соціализмъ и національзмъ—слова, подъ которыя подставляются чрезвычайно различныя понятія, но огромное большинство соціалистовъ никогда не станетъ противопоставлять своему міровоззрѣнію національзмъ, какъ нѣчто съ нимъ непримиримое. Разумѣется, говоря о національзмѣ, послѣдовательные соціалисты имѣютъ въ виду право каждой національности на свободное пользованіе своимъ языкомъ и вообще на свободное развитіе національной культуры, а не порабощеніе и поглощеніе одной національности другою. Соціалисты всегда подчеркиваютъ, что они противъ всякаго гнета, въ томъ числѣ и гнета національнаго. Они — національсты въ томъ смыслѣ, что съ уваженіемъ относятся къ каждой національности.

В. Поссе приводитъ декларацію русинскихъ соціалъ-демократовъ. «Мы—говорится въ этой декларації—убѣждены, что народное могущество пролетаріата разовьется лишь тогда, когда каждый народъ будетъ вершителемъ своей исторіи. Мы знаемъ, что соціальное и политическое освобожденіе обусловливаетъ и національную эмансипацію. Поэтому русинскіе соц.-дем. стремятся къ національной свободѣ всего своего народа» и т. д.

Развѣ это, восклицаетъ авторъ, не національзмъ?

И развѣ не національзмомъ продиктована національная программа всей австрійской соц.-демократіи?

Скорѣе можно сказать, замѣчаетъ публицистъ, что одинъ соціализмъ противорѣчитъ другому соціализму, чѣмъ всякій соціализмъ противорѣчитъ всякому національизму. («Національизмъ и соціализмъ», Сл. № 753).

Въ томъ же «Словѣ» г. В. Голубевъ въ статьѣ «О монополіи на патріотизмъ» замѣчаетъ: «Захватъ монополіи патріотизма правыми группами — это одна изъ весьма и весьма тягостныхъ ошибокъ, допущенныхъ прогрессивной частью нашего общества. Безъ сомнѣнія, напр., Влад. Соловьеву въ его время не нужно было противупоставлять своего національнаго русскаго патріотизма зоологическому національизму реакціонеровъ или узко-государственному патріотизму Страхова, Данилевскаго, противупоставлявшихъ Россію Европѣ. Въ глубокомъ патріотизмѣ Влад. Соловьева сомнѣній быть не могло... Дѣло не въ еврейскомъ вопросѣ, съ котораго началась вся эта полемика. Дѣло въ болѣе широкомъ національномъ вопросѣ, въ подъемѣ національнаго русскаго чувства, какъ основы единства Россіи. И потому изъятіе патріотизма изъ реакціоннаго лагеря въ прогрессивный теперь является задачей времени, лозунгомъ не въ сторону поддержки реакціи, а въ сторону ея пониженія. («Сл.» № 736).

Наша интеллигенція, говоритъ В. Голубевъ въ другомъ мѣстѣ, сильно «погрѣшила космополитизмомъ», а между тѣмъ даже, по мнѣнію такихъ далекихъ отъ узкаго національизма людей, какъ Влад. Соловьевъ, прежде чѣмъ быть носителемъ общечеловѣческихъ идеаловъ, необходимо поднять на извѣстную національную высоту самихъ себя. («Сл.» № 731).

Н. Минскій высказалъ почти ту же мысль: «Я доказываю, что «національное лицо» народа — это его самое завѣтное достояніе, что только маленькія народности, подобно ничтожнымъ личностямъ, мечтаютъ о томъ, чтобы жить какъ всѣ, быть похожими на другихъ. Народы же, создающіе и двигающіе исторію, неизбѣжно самобытны,

въ чемъ-то главномъ остаются нерастворимыми, пребываютъ сами собой.» («Сл.» № 750).

Послѣ цѣлой бурной газетной полемики примкнула наконецъ къ націонализму и «Наша газета», устами Б. Хижнякова заявивъ: «у насъ, русскихъ, недостаетъ національнаго энтузіазма, мы не любимъ дѣятельно свое національное лицо и съ постыднымъ равнодушіемъ относимся къ нашему національному генію, чему выразительнымъ примѣромъ можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что на музей имени великаго русскаго человѣка и художника слова, Л. Н. Толстого, со всей полуторастамилліонной Россіи собрано до сихъ поръ только три тысячи рублей».

Главную роль въ дѣлѣ выявленія назрѣвшаго національнаго пробужденія въ Россіи сыграла газета «Слово»— главнымъ образомъ въ статьяхъ Вас. Голубева. Оттуда «національный вопросъ» перекочевалъ уже въ другія прогрессивныя газеты и журналы, сразу захвативъ вниманіе общества, породивъ громадную полемику и «газетную бурю». Мы не будемъ здѣсь приводить характерные эпизоды этой полемики и ограничимся только возраженіемъ В. Голубева на многочисленныя нападки, которымъ подвергались на первыхъ порахъ публицисты «Слова», взявшіе на себя смѣлость найти здоровое ядро въ національномъ пробужденіи, отдѣлить плевелы отъ добрыхъ побѣговъ и направить движеніе по правильному руслу.

«Мы не разъ уже говорили, замѣчаетъ В. Голубевъ, что задачей настоящаго момента является поднятіе національнаго чувства русскихъ. Есть ли это отказъ отъ «европеизма» для возрожденія новаго азіатства въ русской жизни»? Есть ли это пріобщеніе къ «эпигонамъ славянофильства», поддерживающимъ «полицейскій абсолютизмъ и человѣконенавистническое угнетеніе не-великорусскихъ національностей», какъ думаетъ г. Іорданскій? Писать можно что угодно!

Было время, когда европеизмъ для насъ являлся сино-

нимомъ идеаловъ при рѣшительномъ отрицаніи всего русскаго. Но теперь наступаетъ другое время... Необходимости для насъ началъ европейской культуры и государственности теперь не приходится доказывать. За нихъ нужно только бороться. Но успѣшность-то самой борьбы, какъ показали событія послѣднихъ лѣтъ, во многомъ зависитъ отъ силы нашего національнаго самосознанія». («Сл. 761 №).

Такого рода полемика — первые, еще робкіе шаги возрождающагося націонализма — предшествовала появленію сборника «Вѣхи», почва для котораго была такимъ образомъ расчищена и подготовлена — что, однако, не помѣшало имъ развить и дополнить эти первые шаги частью какъ мы видѣли въ дурную сторону—частью въ хорошую,

Вотъ какъ говорятъ теперь бывшіе европеизаторы о россійской европеизаціи—авторы сборника «Вѣхи».

«Консерватизмъ и косность въ основномъ душевномъ укладѣ у насъ соединялись съ склонностью къ новинкамъ, къ послѣднимъ европейскимъ теченіямъ, которыя никогда не усваивались глубоко», замѣчаетъ Бердяевъ. (стр. 1.).

И во всякомъ случаѣ теперь, продолжаетъ Булгаковъ, послѣ всего пережитаго, невозможны уже какъ наивная, нѣсколько прекраснодушная славянофильская вѣра, такъ и розовыя утопіи западничества (стр. 23.). Интеллигенція была тѣмъ окномъ, прорубленнымъ Петромъ въ Европу, черезъ которое входитъ къ намъ «западный воздухъ, одновременно и живительный и ядовитый» (стр. 25).

Булгаковъ отмѣчаетъ односторонность и неумѣлость нашей европеизаціи за это время: «На многовѣтвистомъ деревѣ западной цивилизаціи, своими корнями идущими глубоко въ исторію, мы облюбовали только одну вѣтвь, не зная, не желая знать всѣхъ остальныхъ, въ полной увѣренности, что мы прививаемъ себѣ самую подлинную европейскую цивилизацію. Но европейская цивилизація имѣетъ не только разнообразные плоды и многочисленныя

вѣтви, но и корни, питающіе дерево и, до извѣстной степени, обезвреживающіе своими здоровыми соками многіе ядовитые плоды. Потому даже и отрицательныя ученія на своей родинѣ, въ ряду другихъ могучихъ духовныхъ теченій, имъ противоборствующихъ, имѣютъ совершенно другое психологическое и историческое значеніе, нежели когда они появляются въ культурной пустынѣ и притязаютъ быть единственными, становятся фундаментомъ русскаго просвѣщенія и цивилизаціи. Si duo idem dicunt, non est idem. На такомъ фундаментѣ еще не была построена ни одна культура» (стр. 32—33.).

Наша интеллигенція въ своемъ западничествѣ, продолжаетъ ниже г. Булгаковъ, не пошла дальше внѣшняго усвоенія новѣйшихъ политическихъ и соціальныхъ идей Запада, причемъ приняла ихъ въ связи съ наиболѣе крайними и рѣзкими формами философіи просвѣтительства. Въ этомъ отборѣ, который произвела сама интеллигенція, (намъ кажется, что она даже и его не производила, см. выше «анархія ввоза» Ю. А.) въ сущности даже и неповинна западная цивилизація въ ея органическомъ цѣломъ. Въ перспективѣ ея исторіи для русскаго интеллигента исчезаетъ совершенно роль «мрачной» эпохи средневѣковья, всей реформаціонной эпохи съ ея огромными духовными пріобрѣтеніями, все развитіе научной и философской мысли, помимо крайняго просвѣтительства. Вначалѣ было варварство, а затѣмъ возсіяла цивилизація, т. е. просвѣтительство, матеріализмъ, атеизмъ, соціализмъ,— вотъ несложная философія исторіи средняго русскаго интеллигента. Поэтому въ борьбѣ за русскую культуру надо бороться, между прочимъ, даже и за болѣе углубленное, исторически-сознательное западничество... Отборъ этотъ былъ свободнымъ дѣломъ самой интеллигенціи, за которое она постольку и отвѣтственна передъ родиной и исторіей. (стр. 35.).

Эту же мысль приводитъ и г. Гершензонъ:

«Не поразительно ли, восклицаетъ онъ, что исторія

нашей общественной мысли дѣлится не на этапы внутренняго развитія, а на періоды господства той или другой иноземной доктрины? Шеллингизмъ, гегеліанство, сенъ-симонизмъ, фурьеризмъ, позитивизмъ, марксизмъ, ницшеанство, неокантіанство, Махъ, Авенаріусъ, анархизмъ—что ни этапъ, то иностранное имя. Наше сознаніе въ массѣ не вырабатывало для себя своихъ жизненныхъ цѣнностей и не переоцѣнивало ихъ постепенно, какъ это было на западѣ; поэтому у насъ и въ помині не было своей, національной эволюціи мысли; въ праздной, хотя и святой жаждѣ истины, мы просто хватали то, что каждый разъ для себя создавала западная мысль, и носились съ этимъ даромъ до новаго, лучшаго подарка. И напротивъ, та истина, которую добывали — конечно, въ личной работѣ сознанія — наши лучшіе умы, — Чаадаевъ, славянофилы, Достоевскій,—мы не дорожили ею, не умѣя распознать въ ней элементъ національной самобытности,— все это потому, что наше сознаніе было лишено существенности, которая дается ему только непрестаннымъ общеніемъ съ волею» (стр. 81.).

О той же необходимости національнаго самоопредѣленія говоритъ Бердяевъ: намъ нужна не кружковая отсебятина, а серьезная философская культура, универсальная и вмѣстѣ съ тѣмъ національная (стр. 19). Укрѣпленіе этой универсальной и національной традиціи должно способствовать культурному возрожденію Россіи (стр. 21).

Но болѣе подробно разрабатываетъ вопросъ о національномъ самоопредѣленіи г. Булгаковъ:

«Извѣстенъ, замѣчаетъ онъ, космополитизмъ русской интеллигенціи. Воспитанный на отвлеченныхъ схемахъ просвѣтительства, интеллигентъ естественнѣе всего принимаетъ позу маркиза Позы, чувствуетъ себя Weltbürger'омъ, и этотъ космополитизмъ пустоты, отсутствіе здороваго національнаго чувства, препятствующее выработкѣ національнаго самосознанія, стоитъ въ связи съ внѣнародностью русской интеллигенціи.

Интеллигенція еще не продумала національной проблемы, которая занимала умы только славянофиловъ, довольствуясь «естественными» объясненіями происхожденія народности (начиная съ Чернышевскаго, старательно уничтожавшаго самостоятельное значеніе національной проблемы, до современныхъ марксистовъ, безъ остатка растворяющихъ ее въ классовой борьбѣ).

Стремленіе къ національной автономіи, къ сохраненію національности, ея защитѣ есть только отрицательное выраженіе національной идеи, имѣющее цѣну лишь въ связи съ подразумѣваемымъ положительнымъ ея содержаніемъ. Такъ именно понимали національную идею крупнѣйшіе выразители нашего народнаго самосознанія — Достоевскій, славянофилы, Вл. Соловьевъ... Такое пониманіе національной идеи отнюдь не должно вести къ націоналистической исключительности, напротивъ, только оно положительнымъ образомъ обосновываетъ идею братства народовъ, а не безнародныхъ, атомизированныхъ «гражданъ» или «пролетаріевъ всѣхъ странъ», отрекающихся отъ родины. Идея народности, такимъ образомъ понимаемая, есть одно изъ необходимыхъ положительныхъ условій прогресса цивилизаціи. При своемъ космополитизмѣ наша интеллигенція, конечно, сбрасываетъ съ себя много трудностей, неизбѣжно возникающихъ при практической разработкѣ національныхъ вопросовъ (поэтому и настоящее движеніе «неославизма» остается пока принципіально необоснованнымъ), но это покупается дорогой цѣной омертвѣнія цѣлой стороны души, притомъ непосредственно обращенной къ народу, и потому, между прочимъ, такъ легко эксплоатируется этотъ космополитизмъ представителями боевого шовинистическаго націонализма, у которыхъ оказывается, благодаря этому, монополія патріотизма (стр. 61—62).

На проблемѣ нео-націонализма, или, какъ они называютъ, «нео-славизма», останавливается и Гершензонъ. По его мнѣнію великая мечта одушевляла славянофиловъ.

Исходя изъ факта органической цѣльности народнаго бытія, они утверждали, что высшая образованность страны должна являться естественнымъ завершеніемъ народнаго быта, должна выростать изъ него, какъ плодъ изъ сѣмени. Между смутнымъ чувствомъ народной массы и высшими проявленіями національнаго творчества въ искусствѣ и мышленіи должна существовать, говорили они, закономѣрная послѣдовательность, связывающая всю народную жизнь въ одно цѣлое (стр. 86).

Этотъ призывъ къ органическому сліянію съ народной жизнью въ связи съ призывами авторовъ къ «покаянію», такъ похожими на призывъ «кающагося дворянина» 70-хъ годовъ—и есть особая своеобразно понимаемая тенденція къ возвращенію на лоно народническаго періода русской общественной жизни. Это уже и есть своеобразное, пока, правда, ощупью идущее народничество, показывающее, какую силу имѣютъ еще до сихъ поръ традиціи отошедшаго поколѣнія.

«Марксистскія побѣды надъ народничествомъ, замѣчаетъ Бердяевъ, не привели къ глубокому кризису природы русской интеллигенціи, она осталась старовѣрческой и народнической и въ европейскомъ одѣяніи марксизма» (стр. 6). Вообще «Экономическій матеріализмъ и марксизмъ былъ у насъ понятъ превратно, былъ воспринятъ «субъективно» и приспособленъ къ традиціонной психологіи интеллигенціи. Экономическій матеріализмъ утратилъ свой объективный характеръ на русской почвѣ, производственно созидательный моментъ былъ отодвинутъ на второй планъ, и на первый планъ выступила субъективно-классовая сторона соціалъ-демократизма. Марксизмъ подвергся у насъ народническому перерожденію, Экономическій матеріализмъ превратился въ форму «субъективной соціологіи» (стр. 13).

Того же мнѣнія о традиціонности народничества держится г. Франкъ:

«Народничество, замѣчаетъ онъ, есть не опредѣленное соціально политическое направленіе, а широкое духовное теченіе, соединимое съ довольно разнообразными соціально-политическими теоріями и программами. Казалось бы, съ народничествомъ борется марксизмъ; и дѣйствительно, съ появленіемъ марксизма впервые прозвучали чуждые интеллигентскому сознанію мотивы... Но эти мотивы недолго доминировали въ интеллигентской мысли: побѣдоносный и всепожирающій народническій духъ поглотилъ и ассимилировалъ марксистскую теорію, и въ настоящее время различіе между народниками сознательными и народниками, исповѣдующими марксизмъ, сводится въ лучшемъ случаѣ къ различію въ политической программѣ и соціологической теоріи и совершенно не имѣетъ значенія принципіальнаго культурно-философскаго разногласія. По своему этическому существу русскій интеллигентъ приблизительно съ 70-хъ годовъ и до нашихъ дней остается упорнымъ и закоренѣлымъ народникомъ: его Богъ есть народъ, его единственная цѣль есть счастье большинства, его мораль состоитъ въ служеніи этой цѣли, соединенномъ съ аскетическимъ самоотреченіемъ и ненавистью или пренебреженіемъ къ самоцѣннымъ духовнымъ запросамъ. Эту народническую душу русскій интеллигентъ сохранилъ въ неприкосновенности въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій, несмотря на все разнообразіе политическихъ и соціальныхъ теорій, которыя онъ исповѣдывалъ; и до послѣднихъ дней народничество было всеобъемлющей и непоколебимой программой жизни интеллигента, которую онъ свято оберегалъ отъ искушеній и нарушеній, въ исполненіи которой онъ видѣлъ единственный разумный смыслъ своей жизни и по чистотѣ которой онъ судилъ другихъ людей». (стр. 159—160).

Въ констатированіи этой основной тенденціи русской соціалистической интеллигенціи, бережно сохраненной подъ

толщей 25-ти лѣтняго періода нигилизма и переданной изъ рукъ въ руки поколѣніемъ 70-ковъ поколѣнію XX вѣка — главная заслуга составителей сборника статей о русской интеллигенціи.

Къ сожалѣнію, однако, эта положительная, цѣнная сторона ихъ міровоззрѣнія совершенно утопаетъ въ пучинѣ все того же властнаго надъ ними нигилизма-модернъ, чѣмъ вся работа сводится на нѣтъ.

Характерно, что это стремленіе вернуться къ философско-соціологическому міросозерцанію этическаго соціализма охватываетъ все большіе и большіе слои интеллигенціи. Идея нео-народничества популярна до комизма.

Вотъ что я констатировалъ въ газ. «Ран. Утро» отъ 14 янв. этого года въ статьѣ «Двуединая правда» (Декаденство, интеллигенція и народъ.):

Чрезвычайно знаменательное, характерное для переживаемаго момента явленіе наблюдается сейчасъ въ литературной жизни. Рядомъ со всякими толками о разложеніи интеллигенціи, о ея крайне и рѣзко выраженной «дифференціаціи» и индивидуализаціи», о распыленіи ея на безчисленные, розные, чуждые другъ другу атомы, рядомъ съ воплями чуть не о ея смерти и о торжествѣ «готтентота» и «Натъ Пинкертона»», я вижу діаметрально противоположный, параллельный, созидающій процессъ.

Этотъ процессъ въ жизни нашей литературной интеллигенціи состоитъ именно въ ея объединеніи, въ приспособленіи, въ примиреніи крайностей, когда-то слишкомъ непримиримыхъ, разбившихъ ее на рядъ враждебныхъ лагерей. Это не есть безпартійность, внѣпартійность, отсутствіе фанатизма, какъ настойчиво твердитъ К. Чуковскій — нѣтъ, это просто побѣда, какъ недавно отмѣчалъ Венгеровъ въ рефератѣ «Побѣдители и побѣжденные», ибо процессъ этотъ одностороненъ, а не обоюденъ. Уступки идутъ не съ обѣихъ сторонъ, а съ одной. Въ самомъ дѣлѣ:

Въ декабрѣ въ с.-пб. литературномъ обществѣ, подъ предсѣдательствомъ В. Г. Короленко, состоялось собраніе

и докладъ А. Блока (!) на тему... о взаимоотношеніяхъ «народа и «интеллигенціи». Въ преніяхъ участвовали Д. С. Мережковскій, Г. Чулковъ, В. А. Мякотинъ, г. Неѣдомскій, Базаровъ, Махновецъ и др. Т.-е. декаденты, народники и марксисты. Развѣ это не умилительно? Не знаменательно? Гиппіусъ, Мережковскій, Чулковъ, Блокъ — и вопросы о розни интеллигенціи и народа. Пусть это еще дѣтскій лепетъ, первые шаги новокрещенныхъ, пусть сочетаніе такихъ чуждыхъ элементовъ, какъ декаденты, съ одной стороны, и соціалисты, съ другой — смѣшно, нелѣпо и странно, пусть рѣчи ихъ на разныхъ языкахъ — важно то, что имъ въ равной степени близки и дороги стали такіе вопросы, которые до сихъ поръ были для нихъ китайской грамотой, terra incognita. И это въ Петербургѣ—въ томъ самомъ Петербургѣ, которому Мережковскій пророчилъ только что «быть пусту». И послушайте, какъ интересно они говорятъ!

Отвѣчая на вопросъ о взаимоотношеніяхъ народа и интеллигенціи, А. Блокъ допускаетъ, что есть «не только два понятія, но и двѣ реальности — народъ и интеллигенція» — и скорбитъ, горько скорбитъ о томъ, что они «взаимно другъ друга не понимаютъ въ чемъ-то самомъ основномъ». Это мучитъ его, и онъ задаетъ глубокомысленный вопросъ: дѣйствительно-ли есть «недоступная черта между интеллигенціей и народомъ». Если да, то остается-ли надежда на что-либо другое, кромѣ знаменитой «силы инерціи», прославленной Побѣдоносцевымъ въ 1881 г.? Если доступна эта черта, то каковы пути къ ней?

Газета «Рѣчь» любезно предоставила мѣсто для этихъ самообразовательныхъ разговоровъ, и въ № 315 появился на всѣ эти недоумѣнія печатный отвѣтъ Георгія Чулкова:

«Воистину, — замѣчаетъ онъ, — интеллигенцію нашу нельзя мѣрить той мѣрой, которую приложилъ къ ней поэтъ. Я,—говоритъ Блокъ,—какъ интеллигентъ, влюбленъ въ индивидуализмъ, эстетику и отчаяніе». Какое

чудовищное непониманіе духа нашей интеллигенціи! Неужели не ясно, что всѣ три темы, влюбившія въ себя поэта,—«индивидуализмъ, эстетика и отчаяніе»—всѣ эти темы являются предметомъ ненависти нашего интеллигента? Неужели Блокъ не понимаетъ, что влюбленность въ эти темы есть крайнее декадентство? И неужели не очевидно, что декадентство полярно по отношенію къ интеллигенціи? Интеллигенція, со временъ Бѣлинскаго утверждавшая идею общественности и народолюбія, со временъ Писарева провозгласившая парадоксальное «разрушеніе эстетики» и, наконецъ, въ лицѣ своихъ революціонеровъ объявившая войну апатіи и косному отчаянію,—что общаго имѣетъ эта интеллигенція съ тѣмъ орхидейнымъ интеллигентомъ, который расцвѣтаетъ въ декадентской оранжереѣ? Напрасно Блокъ волнуется за судьбу всѣхъ этихъ юношей и дѣвушекъ, которые разсѣяны теперь среди народа—всѣхъ этихъ учителей, врачей, статистиковъ, газетныхъ работниковъ, пропагандистовъ, агитаторовъ. Всѣ они органически связаны съ народомъ. Они умѣютъ и жить съ народомъ и умирать за народъ... Иванъ Карамазовъ, искусившійся въ противорѣчіяхъ, въ сущности вовсе не интеллигентъ: это, быть-можетъ, первый декадентъ нашъ... Бунтъ Карамазовскій не предсталъ передъ интеллигенціей, какъ тема реальная... Гибель этихъ немногихъ декадентовъ опредѣляется особой причиной — неумѣніемъ преодолѣвать крайній индивидуализмъ, найти путь къ общественности, но этотъ разрывъ между личностью и общественностью внѣ категорій интеллигенціи и народа».

Какъ много здѣсь азбучно вѣрнаго и какъ много непониманія и странно фальшиваго фанатизма! Вѣдь это же старый-престарый вопросъ о разрывѣ между личностью и общественностью, о рефлексѣ, объ отчаяніи, о раздвоеніи, о сомнѣніяхъ, о самотерзаніяхъ, вопросъ о вѣчной борьбѣ

между двуединою правдой—правдой-истиной, на которую никогда не закрывалъ глазъ россійскій интеллигентъ, которая мучила его и угнетала,[1]) и правдой-справедливостью, призывавшей къ бодрому, живому дѣлу. Вопросъ, не сходившій со страницъ нашей литературы и такъ обострившійся послѣднее десятилѣтіе въ творчествѣ Вересаева, Тимковскаго, Чехова, Куприна, Андреева и т. д. (см. мою книгу «Послѣ Чехова».». Т. I. Вопросъ, вычеркнуть который никогда не могла и не хотѣла интеллигенція, инстинктивно чувствовавшая, что она имѣетъ право на рефлексъ, неся обязанность и долгъ передъ народомъ. И смотрите, какъ просто и ясно онъ былъ разрѣшенъ «со временъ» Н. К. Михайловскаго, создателя цѣлой «системы правды» въ связи съ общественными отношеніями.

«Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и, въ то же время, охранять правду-справедливость, правду субъективную — такова задача всей моей жизни»,— говорилъ онъ.

И какъ просто онъ сочеталъ «индивидуализмъ» съ «общественностью»; задача вѣка, по его убѣжденію: найти такую общественную форму, которая гарантировала бы полный возможный расцвѣтъ личности. Вотъ и все.

Вѣдь стоило знать только это, и, быть-можетъ, не понадобилось бы ни реферата А. Блока, ни посвященнаго ему засѣданія, ни возраженій Чулкова въ «Рѣчи».

Вѣдь такъ ясно: «влюбленіе» во что угодно — въ «индивидуализмъ», въ эстетику, отчаяніе, карамазовщину, рефлексъ и проч., и проч.—это право россійскаго интеллигента, которое реализовать онъ можетъ съ бо́льшимъ успѣхомъ при новой «общественной формѣ». Служеніе же народу—его долгъ, его обязанность, ни мало не обременительная, ибо интересы ихъ, въ концѣ-концовъ,

[1]) Ср. Вересаевъ «Передъ завѣсой», «На поворотѣ» и т. д.

солидарны. Раздвоенность интеллигента до сихъ поръ не была помѣхой, и разладъ не оказался факторомъ реакціоннымъ и не находится «внѣ категорій интеллигенціи и народа». Надо только помнить свой д о л г ъ и не дѣлать «в л ю б л е н і я» предметомъ пропаганды.

Этимъ только сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей, этой «двуединой правдой» и объясняется то, что всѣ эти раздвоенные и мятущіеся юноши и дѣвушки, разсѣянные среди народа, по выраженію Чулкова—«органически связаны съ нимъ».

Возвращеніе къ міросозерцанію народничества и популярность его идей иллюстрируется между прочимъ рѣзкимъ разрывомъ М. Горькаго съ воинствующимъ марксизмомъ и отпаденіемъ его въ сторону нео-народничества, такъ ожесточившимъ всю марксистскую критику, начиная съ «Современнаго міра», гдѣ въ одномъ изъ №№ за 1908 г. его объявили чуть не ренегатомъ за его «Исповѣдь», въ которой вся безпристрастная критика нашла лишь подтвержденіе возрожденія творчества М. Горькаго и его отрезвленія отъ кошмара «европеизма».

Амфитеатровъ въ «Рѣчи» сообщалъ содержаніе новой повѣсти Горькаго, которая, по всей вѣроятности, будетъ называться «Лѣто»:

Дѣйствіе происходитъ въ глухой деревнѣ. Поселяется въ ней нѣкто Егоръ Петровъ, спокойный человѣкъ, торговаго званія, родомъ изъ крестьянъ. Обломокъ разбитой революціи, человѣкъ стройнаго соціалистическаго міровоззрѣнія съ партійнымъ образованіемъ и партійно-дисциплинированной мыслью, человѣкъ глубокаго убѣжденія, который работаетъ уже съ совершенно безгнѣвнымъ разсужденіемъ, великой любовью ко всему міру и безъ страстныхъ предубѣжденій и ненависти. Онъ вѣритъ, что такъ нужно, и идетъ по линіи необходимости спокойно, ясно, участливо глядя на все кругомъ.

Въ деревнѣ онъ находитъ группу парней, тронутыхъ революціонной пропагандой, вѣрнѣе сказать, почти самоучекъ въ ней. Дальнѣйшая работа этого кружка—отъ его

возникновенія до ареста Егора Петрова,—собственно говоря, и составляетъ весь сюжетъ или, вѣрнѣе сказать, матеріалъ повѣсти, потому что романическій эпизодъ—связь Егора Петрова съ красивой и умной крестьянкой Варварой—не занимаетъ въ ней не только господствующаго, но и просто выдающагося мѣста.

Подобно тому, какъ въ «Исповѣди», въ «Ненужномъ человѣкѣ», такъ и въ «Лѣтѣ» главный интересъ и силу повѣсти даетъ длинная и пестрая галлерея типовъ деревенской революціи и контръ-революціи, которую Максимъ Горькій развернулъ со свойственной ему силой и широтою размаха. Великолѣпны фигуры двухъ свободопскателей-мужиковъ: одинъ — экстатическій, тихій юноша, другой—старый начетчикъ, оба знатоки Божьей правды по писанію; фигуры деревенскаго обличителя Варлама, поэтической Варвары, самого Егора Петрова — принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ сильной и быстрой лѣпки Максима Горькаго.

Но, какъ и всегда и всюду водится, такъ-называемый отрицательный типъ и здѣсь удался лучше положительныхъ. И самой интересной, глубокой, сложной фигурой повѣсти является стражникъ Семенъ,—какое-то живое привидѣніе смущенной полусознаніемъ темной силы, расшатанной до дна совѣсти, служивой мертвой души. Подобно стихійному призраку, страдающій полупониманіемъ, не любящій тѣхъ, кому онъ служитъ, ненавидящій тѣхъ, противъ кого служитъ, мыкается онъ вокругъ деревни, какъ живая смерть, равнодушный ко всѣмъ встрѣчамъ и полный великаго испуга къ самому себѣ.

Каждый разъ, какъ стражникъ Семенъ появляется на сцену, невольно вспоминается грозный призракъ смерти, созданный Штукомъ. Такой-же нелѣпый, служебный, понурый, жестокій къ самому себѣ, противный фантомъ, пробуетъ онъ спасти себя отъ духовной смерти любовью женской. Присватывается къ Варварѣ. Потрясающая эта у Горькаго сцена, когда Семенъ проситъ Егора Петрова

уступить ему Варвару. Конечно, изъ этой поздней и неуклюжей любви ничего не выходитъ. Семенъ кончаетъ, какъ и слѣдовало ожидать, скверно. Во время пьяной оргіи въ деревенскомъ притонѣ онъ замучилъ дѣвушку-проститутку и застрѣлился самъ.

Послѣ этой мрачной фигуры—разительной противоположностью яснаго, величаваго свѣта озаряетъ читателя заключительная картина повѣсти: арестъ Егора Петрова, его шествіе подъ конвоемъ, изъ деревни въ городъ, метель, бесѣда съ конвойными, возникающія между ними человѣческія взаимо-отношенія. На этихъ торжественныхъ, жизнерадостныхъ аккордахъ и обрывается новая пѣснь нашего писателя.

Почти всѣ критики новаго періода творчества М. Горькаго, какъ марксисты (Львовъ въ «Образованіи»), такъ и не-марксисты сошлись на одномъ: «Исповѣдь», «Жизнь ненужнаго человѣка» и «Лѣто» характеризуютъ отказъ Горькаго отъ марксизма.

Мы воздержимся пока отъ привѣтствій по этому поводу, ибо не знаемъ, насколько и нынѣ М. Горькій прочно установился въ своемъ народничествѣ и не измѣнитъ ли завтра ему такъ же, какъ измѣнилъ сначала ницшеанству, потомъ марксизму. Мы только констатируемъ этотъ фактъ какъ здоровый симптомъ во всеобщей тенденціи къ спѣшной реабилитаціи такъ легкомысленно и вандальски ликвидированныхъ соціально-политическихъ идеаловъ русской интеллигенціи. Въ этой тенденціи даже Горькій становится въ ряды «кающагося дворянинина». И мнѣ дорого это констатировать, какъ подтвержденіе смутнаго предвозвѣстія этой реабилитаціи традицій прошлаго поколѣнія, которое я провидѣлъ еще въ прошломъ году въ первомъ томѣ этой книги. Нынѣ я вижу, какъ эта тенденція разрастается съ каждымъ днемъ. И я констатирую ее какъ здоровое начало среди охватившаго насъ со всѣхъ сторонъ нигилизма.

Да, именно по этому пути должна пойти молодая Рос-

сія. Мы должны возможно скорѣе ликвидировать почти все, что установили за эту четверть вѣка, прожитую нами въ-пустую, и реабилитировать все то, что ликвидировали. Только исходя изъ нашихъ національныхъ цѣнностей, изъ нашего національнаго достоянія и перешагнувъ черезъ періодъ «свистопляски антинародничества и европеизаціи», мы можемъ продолжать нашу культурную жизнь, слегка подновивъ міросозерцаніе отошедшаго поколѣнія поправками сообразно измѣнившемуся ходу вещей и условіямъ общественной жизни. Эту работу, собственно, и производятъ послѣдніе годы молодые послѣдователи революціоннаго народничества—В. Черновъ, Л. Шишко, А. Комовъ и др.

Я не буду подробно останавливаться здѣсь на этой работѣ, но считаю необходимымъ отмѣтить и въ ней тенденцію къ національному самоопредѣленію и къ подведенію итоговъ національнаго творчества въ сферѣ соціалистическаго ученія.

Я укажу на серію работъ на тему: «Теоретики русскаго соціализма», въ которую на первыхъ порахъ намѣчены работы В. Агѳѳонова «А. И. Герценъ», М. Антоновъ «Н. Г. Чернышевскій», Ю. Делевскій «П. Л. Лавровъ», Е. Колосовъ «Н. К. Михайловскій»—предпринятую книгоиздательствомъ «Трудъ и Борьба». Сошлюсь на работу Н. Кудрина «Соціалисты Россіи и Запада», гдѣ подводятся итоги сдѣланныхъ нами самостоятельныхъ успѣховъ на поприщѣ соціализма въ лицѣ Чернышевскаго, Лаврова и Михайловскаго. Отмѣчу цѣлый рядъ синтетическихъ работъ и сборниковъ статей революціоннаго народничества, появлявшихся въ разное время въ легальной и заграничной періодической литературѣ, какъ-то: въ изданіи журнала «Русская историческая библіотека» книги: «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ», «Литература партіи Народной Воли» (появившаяся даже въ двухъ изданіяхъ), «Сборникъ статей», помѣщавшихся въ выходившемъ заграницей съ начала 1902 г. по октябрь мѣсяцъ 1905 органѣ партіи с.-р., унаслѣдовавшей и развив-

шей принципы ликвидированнаго народовольчества. Заграничный журналъ «Былое», издававшійся Бурцевымъ съ 1902 г., выходившій послѣдніе годы въ Россіи журналъ «Былое», какъ продолженіе заграничнаго, посвятившій себя собиранію и систематизаціи творчества русскаго соціализма и т. д. и т. д. и т. д.

Тенденція къ національному самоопредѣленію въ соціализмѣ сказывается не только въ этомъ чисто внѣшнемъ перечнѣ синтетическихъ работъ, но и въ самой идеологіи. Я укажу, какъ на яркій примѣръ въ этомъ идеологическомъ самоопредѣленіи, на работу А. Комова «Къ вопросу о теоретическихъ основахъ соціалистической программы», вышедшую 1907 года въ изданіи «Трудъ и борьба».

Авторъ въ ней прямо заявляетъ: «Миссія дѣятелей послѣдняго десятилѣтія заключалась въ реабилитаціи всего лучшаго изъ идейнаго наслѣдія 70—80-хъ годовъ» (стр. 3).

Книжка А. Комова имѣетъ для насъ отмѣнный интересъ и сугубую важность, ибо смѣло и рѣзко отграничиваетъ идеологію молодого народничества отъ всѣхъ наслоеній марксизма, который, разумѣется, успѣлъ за этотъ періодъ наложить свою печать и на самую сущность нашего національнаго соціализма.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, пишетъ авторъ, выступила въ крайне важный историческій моментъ, когда пробужденіе общественной совѣсти послѣ реакціи 80-хъ—90-хъ годовъ, броженіе въ широкихъ слояхъ населенія и оживленіе долго затаенныхъ традицій Народной Воли—съ одной стороны, неудовлетворенность узостью соціалъ-демократической теоріи и практики, съ другой стороны, требовали смѣлыхъ программныхъ формулъ. Но переходный характеръ времени сказался въ унаслѣдованіи цѣлаго ряда пережитковъ, какъ до-народовольческой, такъ и послѣ-народовольческой эпохи. Къ числу этихъ пережитковъ принадлежатъ и нѣкоторые элементы марксизма, тяготѣющаго надъ сознаніемъ немалаго числа товарищей соціалистовъ-революціонеровъ.

...Извѣстно, что эволюція марксизма отъ основателей до нынѣшнихъ эпигоновъ привела къ кризису не только въ марксизмѣ, но и въ соціализмѣ, поскольку послѣдній связалъ свою судьбу съ тѣмъ или другимъ положеніемъ марксизма. Извѣстно, въ какой мѣрѣ политико-моральный кризисъ соціализма на Западѣ обусловленъ признаніемъ нѣкоторыхъ марксистскихъ формулъ оффиціальными догматами соціалистической партіи.

Далѣе извѣстно, что существенная черта марксисткой концепціи соціализма заключается въ перенесеніи центра тяжести изъ сферы субъективно-желательнаго въ сферу объективно-необходимаго, въ подчиненіи соціальнаго идеализма соціальному фатализму, въ подавленіи моральныхъ запросовъ и требованій личности высшею инстанціею неизбѣжнаго хода вещей и эволюціи классовыхъ антагонизмовъ.

Наша идеалистическая школа, замѣчаетъ авторъ, въ противоположность одностороннему объективизму всевозможныхъ политическихъ школъ, выдвигала, напротивъ того, огромное значеніе нравственныхъ идеаловъ, соціально-этическаго творчества, самостоятельной иниціативы личностей и партій, огромное значеніе «активнаго прогресса». Но достаточно пробѣжать глазами разбираемую нами программу, чтобы убѣдиться, что объективно-догматическія формулы, замѣняющія значительнѣйшую часть теоретическаго содержанія программы, отодвигаютъ на задній планъ ея идеалистическіе элементы, проявляя тенденцію подчинить себѣ, какъ высшему критеріуму, моральную основу соціализма и сущность высшаго освободительнаго идеала. (стр. 8).

До какой степени марксистко-пролетарское пониманіе соціализма доминируетъ въ программѣ, питая и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывая дальнѣйшее развитіе и примѣненіе этой точки зрѣнія, видно изъ нѣкоторыхъ тезисовъ о капитализмѣ и индустріальномъ пролетаріатѣ. «Если это не соціальдемократизмъ, замѣчаетъ авторъ, то во всякомъ случаѣ мало отъ него отличается» (стр. 20).

Еще 25 лѣтъ тому назадъ, говоритъ А. Комовъ, когда обаяніе марксизма среди западно-европейскихъ соціалистовъ достигло своего апогея, дѣятели Народной Воли, идейными продолжателями которой мы выступаемъ, не считали необходимымъ придавать своей программѣ марксистскую окраску. А нынѣ, когда марксизмъ на Западѣ трещитъ по всѣмъ швамъ, когда ортодоксальный марксизмъ переживаетъ послѣдніе или, по крайней мѣрѣ, предпослѣдніе, по истинѣ трагическіе дни своего существованія, намъ, ведшимъ и ведущимъ страшную борьбу — совершенно неизвѣстную западно-европейскимъ соціалистамъ—съ политическими условіями и испытывающимъ потребность для мужественныхъ дѣлъ въ свѣжемъ и бодрящемъ словѣ, предлагаютъ опять-таки связать нашу мысль и дѣятельность старыми путами нѣсколько исправленныхъ, нѣсколько дополненныхъ марксистскихъ догматовъ! (стр. 21) Марксистскій характеръ разбираемой программы, конечно, не является случайнымъ; но здѣсь дѣйствовали не злые демоны, а пережитки культа того же марксизма (43).

Рабочія стачки, замѣчаетъ резонно авторъ, рабочія манифестаціи, рабочіе союзы, рабочія организаціи входятъ въ систему рабочаго движенія, которое, поскольку оно направлено на ограниченіе эксплуатаціи рабочихъ массъ и на возвышеніе ихъ жизненнаго уровня, гармонируетъ съ частными освободительными цѣлями соціализма. Но рабочее движеніе само по себѣ еще не есть соціализмъ, и оно еще далеко отъ соціализма, покамѣстъ оно не поднялось выше уровня профессіональныхъ и корпоративныхъ интересовъ и не стало на точку зрѣнія общечеловѣческаго освобожденія.

Точка зрѣнія соціалистическаго идеала общѣе и выше идеи борьбы за интересы той или другой угнетаемой или эксплуатируемой соціальной группы, будь это пролетаріатъ, крестьянство или даже трудящіяся массы. Соціализмъ поддерживаетъ всѣ отдѣльныя формы освободительнаго движенія. Воспріимчивость къ соціализму разныхъ клас-

совъ и слоевъ населенія зависитъ отъ ихъ соціально-политическаго положенія и морально-интеллектуальнаго уровня. Но соціализмъ не есть теорія того или другого класса, той или другой соціальной группы; онъ — теорія универсальнаго освобожденія личности, общества, человѣчества. И борцы за соціализмъ воспитываются и живутъ въ моральной культурѣ соціалистическаго идеала.

Опредѣленіе этическаго характера соціализма почти отсутствуетъ въ разобранной программѣ. Между тѣмъ это одна изъ существеннѣйшихъ сторонъ міровоззрѣнія П. Л. Лаврова и русской субъективно-соціологической школы.

Критика всякой партійной программы, заключаетъ авторъ, преслѣдуетъ не однѣ лишь теоретическія цѣли. Противникъ старается доказать, вмѣстѣ съ несостоятельностью программы, несостоятельность самой теоріи. Приверженецъ, другъ или союзникъ партіи стремится къ тому, чтобы обмѣнъ мыслей и пересмотръ программы привели къ устраненію ея недостатковъ и дали ей, въ результатѣ, болѣе совершенный видъ. Нужно ли говорить, что пишущій эти строки ставитъ себѣ послѣднюю цѣль и желаетъ, чтобы она осуществлялась возможно скорѣе?

Такимъ образомъ мы видимъ, что ликвидація «пріобрѣтеній» послѣдней четверти вѣка всѣми осознана, признана настоятельно необходимой и уже идетъ по всей линіи. Вмѣстѣ съ этой разрушительной работой идетъ работа созидательная, выясняющая проблему національнаго самоопредѣленія и воздвигающая народничество въ его чистомъ видѣ, какъ оно было нами когда-то такъ вандальски ликвидировано.

Уже теперь, сквозь еще неразогнанный чадъ и смрадъ эпохи нигилизма, поколѣніе XX вѣка черезъ всю полосу пережитаго періода протягиваетъ покаянно руки поколѣнію отошедшихъ дѣятелей 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

И въ этомъ великое прогрессивное значеніе и глубочайшій культурный смыслъ переживаемаго момента!

Это не есть попятное стремленіе и призывъ назадъ,—хотя и призывъ «назадъ къ Канту» звучалъ когда-то прогрессивно,—нѣтъ, это глубоко прогрессивное, радостное движеніе—движеніе впередъ вмѣстѣ съ лучшими вождями русской общественно-политической и культурной жизни!

Впередъ и прочь отъ страшнаго кошмара свистоплясокъ всякаго рода, псевдо-«европеизаціи» и модернистскаго нигилизма!

9 апрѣля 1909 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Памяти Н. К. Михайловскаго.

Отошедшіе... Сколько еще разъ мы будемъ къ нимъ возвращаться въ эти грустные дни литературныхъ поминокъ.

Вотъ уже прошло пять лѣтъ, какъ въ январскій день ушелъ отъ насъ Н. К. Михайловскій—публицистъ, соціологъ, критикъ и моралистъ. Какъ-то незамѣтной казалась потеря первые годы. Всѣхъ захватили надвигавшіяся событія, сулившія рѣзко повернуть колесо русской жизни. Ушелъ онъ наканунѣ дней, которые давно подготовлялись всѣмъ ходомъ русской жизни послѣдней четверти вѣка. И только теперь, чѣмъ дальше отодвигаемся мы, тѣмъ больнѣе и острѣе чувствуемъ, кого мы потеряли.

Вы помните этотъ портретъ Н. К., писанный художникомъ Ярошенко? Громадная во весь ростъ фигура съ крупной, въ просѣди головой и внимательными, ясными глазами, устремленными прямо передъ собой. «Учительная» фигура, всѣмъ своимъ видомъ говорившая о сильномъ и ясномъ умѣ, большомъ сердцѣ и чуткой, напряженной совѣсти. Теперь нѣтъ такихъ...

Могучая, гигантская фигура, какъ отлитая изъ несокрушимаго металла и поставленная чьей-то рукой на громадный гранитъ. Рулевой, кормчій, твердой рукой ведшій черезъ десятилѣтія русскую общественную мысль и нарождавшееся самосознаніе молодой Россіи. На собственномъ примѣрѣ оправдавшій теорію роли личности въ исторіи.

А работа была большая, громадная, нелегкая. Непосильной казалась задача Н. К. — стать идейнымъ центромъ, координирующимъ и кристаллизующимъ молодую, пробудившуюся мысль юной Россіи 70-хъ годовъ. Какъ публицистъ, Михайловскій въ первую же голову занялся тщательной разработкой идеи «интересовъ народа». Еще въ письмѣ къ Достоевскому Н. К. заявляетъ: «Мы поняли, что сознаніе общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, мы не хотимъ ея въ будущемъ... Мы пришли къ мысли, что мы—должники народа, и ставимъ эту мысль во главу угла и нашей жизни, и нашей дѣятельности»...

Суровый аскетъ и служитель долга, какъ кантовскаго «категорическаго императива», убѣжденный кантіанецъ, насквозь пропитавшійся этикой Канта, Н. К. Михайловскій чрезвычайно умѣло и тонко сконцентрировалъ, если можно такъ выразиться, «кантовское» настроеніе интеллигенціи 70-хъ годовъ. Это время наглядно доказало, что дѣйствіями человѣчества не всегда руководятъ несложные мотивы пользы, счастья, наслажденія, что оно, подчиняясь голосу совѣсти, можетъ дѣйствовать во имя сознаннаго долга, 70-е годы—время безкорыстной, геройской, автономной этики.

Посвятивъ себя детальной разработкѣ системы двуединой правды—правды-истины со свободнымъ сознаніемъ и правды-справедливости съ суровымъ долгомъ, Н. К. Михайловскій въ теченіе трехъ десятилѣтій держалъ это знамя и, несмотря ни на какія невзгоды, призывалъ бороться и бороться во имя запуганнаго, загнаннаго человѣка.

80-ые годы послали Россіи тяжкое испытаніе.

Поднималась и снова падала духомъ русская интеллигенція. Лозунги смѣнялись лозунгами: проповѣдь малаго

дѣла, непротивленіе злу, самосовершенствованіе и личное счастье «въ кельѣ подъ елью», «новыя слова» русскаго марксизма, призывавшія къ полному отказу отъ наслѣдства и традицій, идеализмъ и индивидуализмъ — приходили на смѣну одинъ другому и только старый лоцманъ «съ посеребрившейся отъ горькой думы головой продолжалъ попрежнему стоять на своемъ «славномъ посту», выпрямившись во весь ростъ и властно призывая подъ стягъ свой смущенныхъ неудачею и объятыхъ паникой согражданъ».

И такъ далеки были его горячія, страстныя рѣчи отъ безплодныхъ схематическихъ построекъ, анатомически обнажавшія скрытыя язвы, отыскивавшія здоровые ростки и неустанно призывавшія къ работѣ, къ покаянію за прошлые грѣхи, къ борьбѣ за униженные человѣческое достоинство, за оскорбленную жизненной неправдой честь!

Борьба за индивидуальность — такъ характеризовалъ Н. К. эту работу.

И трудно сказать, кто намъ всего дороже въ Михайловскомъ—соціологъ-ли, критикъ, публицистъ или моралистъ—такъ цѣльно, органически связаны его самыя разнообразныя произведенія.

Всѣ они залиты свѣтомъ однихъ и тѣхъ-же идеаловъ, спаяны огнемъ однихъ и тѣхъ-же чувствъ, проникнуты единымъ, цѣльнымъ и стройнымъ міросозерцаніемъ, одной тоской по двуединой правдѣ. Всѣ его вещи являютъ собой различныя грани одного и того-же многограннаго кристалла идей, самостоятельные отдѣлы огромнаго теоретическаго зданія.

И правъ былъ Михайловскій, когда говорилъ своимъ теоретическимъ противникамъ, марксистамъ, на увѣренія въ его смерти:

«Я начинаю осматривать и ощупывать себя... и, къ величайшему своему удовольствію, прихожу къ заключенію, что я еще живъ, и живъ Богъ мой, жива душа моя; а, ища глазами храма, «воздвигнутаго новой мыслью», замѣчаю именно развалины, — развалины нѣкотораго подобія Вавилонской башни, гордые строители которой раз-

бѣгаются въ разныя стороны, потому что Господь Богъ смѣшалъ ихъ языки, такъ что они даже другъ друга не понимаютъ».

И странно, что приходится встрѣчаться съ такими другъ друга исключающими мнѣніями, какъ, съ одной стороны: «Въ насъ заложена, быть можетъ, неистребимая тоска по такимъ лоцманамъ, по такимъ «большимъ» людямъ, которые способны занять цѣлые горизонты и централизовать наши воли въ немногихъ точкахъ. И на вопросъ, не ждемъ ли мы при нынѣшнемъ разбродѣ вновь появленія большого человѣка, я не рѣшаюсь отвѣтить отрицательно»... И съ другой: «что осталось въ настоящее время отъ его многочисленныхъ статей, литературныхъ и соціологическихъ работъ? Продолжаетъ ли онъ обогащать мысль и чувство русской интеллигенціи, какъ это было въ 70-е, 80-е и 90-е годы?».

На эти вопросы какъ нельзя лучше отвѣтилъ самъ Михайловскій въ статьѣ о Прудонѣ: «чтеніе его сочиненій дѣйствуетъ замѣчательнымъ образомъ, какъ ферментъ: каждая его статья поднимаетъ въ читателѣ цѣлый рядъ вопросовъ, которые требуютъ отвѣтовъ, цѣлый рядъ мыслей, которыя вторгаются въ нашъ умственный запасъ, требуютъ себѣ въ немъ мѣста, раздвигаютъ и тормошатъ своихъ сосѣдей, требуютъ отъ насъ пересмотра, критики и самокритики. Это чтеніе дорого именно тѣмъ состояніемъ умственнаго безпокойства, которое производитъ. Это объясняется обаяніемъ личности писателя, тѣмъ бурнымъ клокотаніемъ жизни, которымъ она полна и которое брызжетъ изъ каждой строки то въ видѣ истинно громогласнаго гнѣва, то въ видѣ пламеннаго призыва къ чему-то всегда высокому и свѣтлому, то въ видѣ смѣлаго отрицанія и критики»...

Михайловскій всю жизнь писалъ только для друга-читателя. И онъ умѣлъ быть простымъ и понятнымъ. («Р. Утро»).

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Ю. Александровичъ.

ПОСЛѢ ЧЕХОВА.

Очеркъ молодой литературы послѣдняго десятилѣтія 1898—1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Гл. I. Литературное наслѣдство. Гл. II. На нивѣ скорби и печали (1897 — 1903 г.). Гл. III. «Радость жизни» (1897 — 1908 г.) Гл. IV. Апофеозъ трагедіи (1903—1904 г.). Гл. V. Изъ царства трагедіи въ царство анархіи 1905 г.) Гл. VI. Реакція въ литературѣ и жизни (1905—1908 г.). Гл. VII. Грядущее пѣнкоснимательство. Гл. VIII. Критика нашего времени. Гл. XI. Разложеніе декадентства. Намѣчающіяся перспективы. Гл. X. Заключеніе.—265 стр. Ц. 1 руб.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ ПЕЧАТИ:

Эта книга интересна тѣмъ, что цѣлью автора было, если не дать исчерпывающаго взгляда на всѣ явленія новѣйшей литературной жизни, то, во всякомъ случаѣ, дать точку зрѣнія, выдержанную, строго проведенную черезъ все изложеніе и очерченную рѣзко и опредѣленно.

Главный интересъ ея заключается, безспорно, въ томъ, что авторъ въ ней говоритъ не только о всѣхъ главныхъ теченіяхъ литературы послѣдняго десятилѣтія, но касается и всѣхъ мелкихъ направленій, всѣхъ оттѣнковъ и всѣхъ мельчайшихъ настроеній. Онъ поднимаетъ цѣлую бездну вопросовъ, высыпаетъ, какъ изъ рога изобилія, цѣлую массу именъ не только «генераловъ отъ литературы», но и простыхъ рядовыхъ. Въ этомъ его неоспоримая заслуга. («Извѣстія по литературѣ» 1908, № 10).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Ю. Александровичъ. Послѣ Чехова, т. III. Современники. Литературныя характеристики (Л. Андреевъ, А. Купринъ, М. Горькій, В. Вересаевъ, Н. Тимковскій, М. Арцыбашевъ, А. Каменскій, Б. Лазаревскій, В. Муйжель, Н. Олигеръ, Д. Айзманъ). Ц. 1 руб.

Ю. Александровичъ. Нигилизмъ въ марксизмѣ. Соціально-критическій этюдъ. Ц. 60 коп.

Ю. Александровичъ. Русская женщина въ современной литературѣ и жизни (по произведеніямъ В. Дмитріевой, Е. Лѣтковой, Н. Тимковскаго, В. Вересаева, А. Вербицкой, Л. Андреева, А. Куприна, М. Арцыбашева, А. Каменскаго, Н. Олигера, Б. Лазаревскаго и друг.) Ц. 1 руб.

Складъ изданія: *Москва, Тверская, д. Бахрушина, книжный магазинъ* **„ОСНОВА“.**

Цѣна 1 руб.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3016
A43
t.2

Aleksandrovich, IUrii
Poslie Chekhova